LE

CHRIST

SEPT DISCOURS

PAR

ERNEST NAVILLE

Je ne veux que mettre ici en évidence les fondements de la religion chrétienne qui sont indubitables, et qui ne peuvent être mis en doute par quelque personne que ce soit.

PASCAL.

DEUXIÈME ÉDITION

GENÈVE
A. CHERBULIEZ ET Cie
ÉDITEURS

PARIS
G. FISCHBACHER
33, RUE DE SEINE

1882

ХРИСТОС

Семь Лекций

ЭРНЕСТ НАВИЛЬ

Член-корреспондент Института Франции (Академии моральных и политических наук),
бывший профессор философии в Женевском университете.

«Я лишь хочу подчеркнуть здесь те основания христианской веры, которые несомненны и не могут быть поставлены под сомнение никем».

— Паскаль

Второе издание

Женева / Париж

1882 г.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

- ПРЕДИСЛОВИЕ
- Первая Лекция. СУЩНОСТЬ ВОПРОСА – 3
  - Краткий обзор первой лекции – 12
- Вторая Лекция. ХРИСТОС — УЧИТЕЛЬ – 14
  - Краткий обзор второй лекции – 22
- Третья Лекция. ХРИСТОС — УТЕШИТЕЛЬ – 24
  - Краткий обзор третьей лекции – 34
- Четвертая Лекция. ХРИСТОС — ИСКУПИТЕЛЬ – 36
  - Краткий обзор четвертой лекции – 45
- Пятая Лекция. ХРИСТОС — ЗАКОНОДАТЕЛЬ – 46
  - Краткий обзор пятой лекции – 56
- Шестая Лекция. ХРИСТОС — ГОСПОДЬ – 57
  - Краткий обзор шестой лекции – 67
- Седьмая Лекция. ЗАКЛЮЧЕНИЕ – 68
  - Краткий обзор седьмой лекции – 80
- Вопросы и ответы - 81

Краткие обзоры каждой лекции были созданы по образцу книги «Вечная Жизнь», сделанные самим Эрнестом Навилем.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лекции, собранные в настоящем томе, являются продолжением и дополнением лекций о Вечной жизни, о Небесном Отце и о Проблеме зла.

Они были произнесены в Женеве, а затем в Лозанне, зимой 1877–1878 годов.

В Женеве одно дополнительное заседание было посвящено ответам на вопросы, которые мне были заданы. Один из этих ответов побудил меня довольно подробно рассмотреть взаимоотношения Римской Церкви со свободой вероисповедания. Я опубликовал этот ответ отдельно, поскольку он лишь косвенно касался основной темы моих речей.

Женева, 20 сентября 1878 года.

Когда я говорил в своей четвёртой речи о попытках индийских брахманов истолковать древнюю религию Вед в духе монотеизма, мои сведения об этом важном факте были весьма расплывчатыми. Замечательные речи, произнесённые в последние годы в Калькутте Кешубом Чандером Сеном, дали мне с тех пор обильный свет по этому вопросу. Я опубликовал перевод одной из этих речей под названием: «Индия спрашивает: кто такой Христос?» Слова Чандера Сена всё яснее подтверждают истину смелого утверждения святого Павла, что Иисус Христос имеет «имя выше всякого имени». Эти слова, таким образом, укрепляют один из самых серьёзных аргументов, на которые могут опираться защитники христианской веры.

Женева, 18 сентября 1882 года.

Эрнест Навиль

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ — СУЩНОСТЬ ВОПРОСА

вернуться к содержанию >>>

Господа, Однажды, примерно в тридцатый год нашей эры, по хронологическим подсчётам, Иисус, молодой плотник из Израиля, уже прославившийся в своей стране, обратился к некоторым из своих соотечественников, которые последовали за ним, и спросил их:

«За кого почитает меня народ?»

Ему пересказали разные слухи, которые ходили о нём, и один рыбак из Галилеи, Симон, позже более известный под именем Пётр, ответил ему:

«Ты — Христос, Сын Бога Живого» (Матфея 16:16).

Он хотел сказать: «Ты — Тот, кто должен был прийти, кого мы ожидали».

И действительно, в ту эпоху, о которой идёт речь, евреи, опираясь на древние тексты, считавшиеся пророчествами, ожидали великого персонажа — освободителя, учителя, который должен был наставить их и восстановить славу народа Израиля, находившегося тогда под римским игом. Этот ожидаемый освободитель назывался по-гречески Христос, а по-еврейски — Мессия.

Что говорил о себе сам плотник из Назарета? Один эпизод, избранный из многих, проливает на это свет. Во время одного из своих путешествий он провёл два дня в самарянском городе Сихар. Он беседовал с жителями, и по прошествии этих двух дней общения они сказали:

«Мы сами слышали и знаем, что Он истинно Спаситель мира» (Иоанна 4:42).

Речь идёт уже не о миссии, ограниченной освобождением народа Израиля, но о деле, обращённом ко всему миру, — о деле спасения.

Иисус утверждал, что это дело спасения — дело Бога, которого Он называл своим Отцом. А те, кто принимал его слово и становился его учениками, исповедовали веру, которую можно кратко выразить так:

В Иисусе, плотнике из Назарета, совершилось Божье дело ради спасения мира.

Такова вера во Христа в её живом зародыше.

Мне нет нужды в подробностях пересказывать историю, которая является самой известной из всех. Толпа с восторгом следовала за Иисусом. Но вожди народа и первосвященники, видя угрозу своей власти, сговорились против Него. Одна (а возможно, та же самая) толпа, которая ещё недавно приветствовала Его, теперь громогласно требует у римского наместника Его казни.

Гордость и зависть обвиняют Его, алчность предаёт Его, малодушие выдаёт Его. Его пригвождают ко кресту — приговаривают к казни, предназначенной не только для умерщвления, но и для унижения. Его подавленные ученики разбегаются, но вскоре вновь собираются с обретённой смелостью. Они возвещают, что их Учитель воскрес и дал им повеление — научить все народы. Они проповедуют слово спасения, утверждая, что через Христа Бог хочет примирить мир с Собой (2 Кор. 5:19).

И вот в Римской империи встаёт вопрос:

Что думать о Христе?

В обществе формируются два течения. Одни признают реальность спасения через Христа, объединяются и образуют общество верующих — Церковь, которая уповает на Спасителя, в Которого она верит для жизни, смерти и бессмертия. С другой стороны — яростное сопротивление со стороны древнего общества, чувствующего угрозу своим устоям. Священники, правители, философы объединяются в единой атаке против нового учения. В этой атаке можно различить два мотива: ненависть к опасным новаторам и презрение к ученикам презренного распятого. Для одних Евангелие (так называется это новое учение) — прежде всего опасность, для других — глупость.

Так ставился вопрос в римском мире. И он ставится точно так же и в наши дни. Из всех вопросов, которые волнуют человечество, это — самый всеобщий. Люди на земле всё более стремятся к единству, и их заботы становятся всё более универсальными.

В XV веке, скажем, народы Америки вели ужасающие войны, о которых Европа не знала так же, как если бы они происходили на другой планете. Тогда как в наше время всё человечество сочувственно следило за борьбой, приведшей к уничтожению рабства в США. Если утром на другом краю света происходит землетрясение или революция, вечером мы уже знаем об этом благодаря телеграфу. Человеческое сознание сделало огромный шаг к общности. Конечно, китайцы обсуждают вопросы, о которых мы ничего не знаем; а европейцы страстно вовлечены в политические и социальные споры, совершенно незнакомые многим народам Африки и Азии.

Но вопрос, заданный восемнадцать веков назад — сначала в Палестине, затем в римском мире:

«Что думать о Христе?» — теперь задаётся по всему земному шару.

Он горячо обсуждается в странах Европы; он поставлен перед брахманами Индии — на берегах Ганга и склонах Гималаев; он звучит в ушах жителей тропиков и обитателей северных морей; о нём размышляют на самых отдалённых островах океана. Это уже не вопрос, заданный в узком круге Палестины, или даже в более широком круге Римской империи, — это вопрос, обращённый ко всему миру, и Христос мог бы сегодня спросить:

«За кого почитает Меня народ?»

Чтобы в полной мере понять значимость исследования, которое мы начинаем, взвесьте слова поставленного вопроса и задумайтесь над тем, что они предполагают. Речь идёт о деле Божием ради спасения мира. Дело Божие предполагает Бога, способного действовать, живого Бога, Владыку Своих дел, способного вмешиваться в ход событий. Спасение мира предполагает, что мир нуждается в спасении: идея спасения всегда соотносится с наличием зла, которое нужно исправить, или опасности, которую нужно предотвратить. Следовательно, вопрос, который мы рассматриваем, не касается ни тех, кто отрицает существование живого Бога, ни тех, кто считает, что мир устроен как надо и в человеческой природе нет ничего, что требует исправления.

Я исследовал эти предварительные вопросы в двух сериях лекций: одна — о Небесном Отце, другая — о Проблеме зла. Позвольте мне сослаться на эти две публикации, заметив при этом, что для того, чтобы приступить к изучению вопроса о спасении, нет необходимости принимать теоретическое решение проблемы зла, которое я предлагал — решению, трудности которого я, конечно, не отрицаю. Достаточно признать, что мир, каким мы его знаем, не находится в порядке и нуждается в восстановлении.

Утверждение о Божественной миссии Христа является общим для всего христианства. Различные Церкви — какими бы противоположными они ни были в других отношениях — сходятся в этом, если только они действительно являются Церквями, то есть собраниями верующих. Именно эта общая вера географически отделяет христианские страны от нехристианских; и в странах, внешне христианских, она отличает Церкви от остальной гражданской жизни, где, при свободе убеждений, могут быть представлены все взгляды. Существует, таким образом, единое утверждение, общее для всех христиан, несмотря на разнообразие их взглядов. Эта истина так же легко устанавливается, как она важна.

Обратитесь, например, к католику, который задумался над основаниями своей веры. Спросите его, почему он подчиняется решениям Папы. Он обоснует авторитет Папы — авторитетом Собора, авторитет Собора — авторитетом Церкви, Церкви — апостолами, которые её основали, апостолов — Иисусом Христом, который их послал, и наконец — авторитетом Иисуса Христа, в Котором Бог открыл Себя миру. Такова будет неизбежная цепь его рассуждений.

Зайдем теперь в это восточное здание, которое на плато Транше сверкает на солнце своими позолоченными куполами. Там мы найдём, собравшихся для общего богослужения, русских, греков, румынов. Эти христиане не признают верховной власти Папы и не считают действительными решения западных Соборов, но принимают постановления тех Соборов, которые предшествовали расколу между Востоком и Западом. Почему они принимают эти постановления? Они также проведут ту же цепь: от Вселенских Соборов — к Церкви, от Церкви — к апостолам, от апостолов — ко Христу, от Христа — к Богу.

А протестант, черпающий свою веру непосредственно из Священного Писания, из Ветхого и Нового Завета? Чтобы обосновать авторитет, который он приписывает этим книгам, ему всё равно придётся признать Церковь, которая составила канон Писания, апостолов, которые основали Церковь, Иисуса Христа, который избрал апостолов, и Бога, явленного в Иисусе Христе.

Позвольте привести сравнение из геометрии: различные христианские общины расположены на разных точках одной и той же окружности. Но эти точки, даже самые противоположные, — это окончания лучей, которые все сходятся в одной точке — в центре. Центр — это Христос, дело Божие во Христе. Всякая церковная и конфессиональная полемика вращается вокруг правильного истолкования слова и дела Христова — и предполагает веру в Божественность этого дела.

Конечно, в социальных конфликтах, в которые вовлечена религия, можно встретить ревностных католиков и пламенных протестантов, про которых иной раз можно спросить — верят ли они вообще в Бога. Следует быть очень сдержанным в суждениях о совести ближнего.

Но если есть люди, которые привлекают небо, в которое не верят, на службу земле;

если есть люди, которые под покровом религии ищут лишь удовлетворения своих интересов и страстей;

если есть люди, которые профанируют то, что должно было бы оставаться священным, — превращая религиозную веру в орудие сегодняшней политики,

— такие люди вредят обществу,

— такие люди противостоят лучшему, что несёт современная цивилизация,

и, скажу прямо, такие люди совершают настоящее святотатство.

Поймите меня правильно: Выбирая настолько общее основание, я не намерен предлагать основы для нового культа, основанного лишь на вере во Христа. Я также не намерен предлагать план внешнего объединения различных Церквей. Ничто не было бы мне более желанным, чем такое объединение, но ничто не кажется мне сейчас менее вероятным. Простая вера во Христа — это семя, развитие которого естественно ведёт к определённой догматике и организации Церкви. В нынешнем положении вещей такое развитие порождает разделения и конфликты. Я не отрицаю законности этих конфликтов. Но моя задача — удержаться на уровне общей веры, не входя в разнообразие её истолкований. Этот вопрос достаточно важен, чтобы заслуживать отдельного рассмотрения.

Я не буду, следовательно, нападать ни на Папу Римского, ни на Патриарха Константинопольского, ни на Святейший Синод России, ни на англиканских епископов, ни на лютеранские консистории, ни… Короче говоря, господа, я не вступлю ни в какую церковную или конфессиональную полемику. В других местах вы достаточно, а возможно, и слишком часто слышите о том, что разделяет христиан; Возможно, вам будет приятно — хотя бы ради новизны — услышать здесь только о том, что должно их объединять.

Вопрос, который я поднимаю, — не в том, чтобы решить, какая из христианских церквей — лучшая или единственно истинная, а в том, должны ли все церкви погибнуть в общем крушении, после которого на волнах разрушительного океана не останется ничего, кроме пустоты и полного небытия всякой веры. Речь идёт не о том, чтобы определить, какое вероисповедание наиболее верно выражает и наилучшим образом истолковывает дело Иисуса Христа, а о том, должно ли имя Иисуса, утешившее столько скорбей и вдохновившее столько жертвенности, быть теперь изгнано из семьи и из народной школы, — чтобы оно оставалось только предметом изучения историков и учёных.

С социальной точки зрения, вопрос заключается в следующем: должна ли наша цивилизация продолжать развивать те начала, из которых она родилась и которые она ещё далеко не исчерпала, или же современные народы, насильственно оторванные от нравственного фундамента, на котором они выросли, должны быть брошены в неизвестное будущее, на пороге которого взгляд различает лишь тучи и бури? Вопрос, как я его ставлю, очищен от всякого конфессионального элемента, и он будет свободен также от всякой частной догматики. Под частной догматикой я понимаю не веру в присутствие Бога в Иисусе Христе — это и есть основание веры — а те теории, которые касаются способа этого присутствия, например, учения о воплощении и о Божественной Троице.

Так же как вера во Христа является необходимым основанием всякой конфессиональной полемики, она является и необходимым основанием всякой догматики, в том значении, которое я только что дал. Можно подойти к вопросу о Божественной природе Христа, не вдаваясь при этом в рассмотрение догматов, которые уточняют её смысл; но обратное невозможно. Ясно, что нельзя изучать способ присутствия Бога в Иисусе, если само это присутствие не признано.

Наконец, мы останемся в стороне от всех научных исследований, касающихся критики текстов. Это требует некоторых пояснений, особенно для протестантов, которых приучили рассматривать Божественность Писания как непосредственный предмет их веры и первую статью их Символа веры. Как же возможно изучать христианскую религию, пусть даже в самом общем её понимании, — и при этом не учитывать научную критику, которая определяет наше мнение о ценности и характере первоначальных источников этой религии?

Во-первых, замечу, что моё исследование не ограничится фактами, содержащимися в книгах Нового Завета — вовсе нет. Я намерен использовать факты, происходившие на протяжении восемнадцати веков, а также современные факты, которые каждый может наблюдать, не прибегая к ученым изысканиям. Долгое время происхождение Нила оставалось совершенно неизвестным. Но это не мешало людям видеть, что его регулярные разливы делают землю Египта плодородной. Точно так же, можно исследовать воздействие христианской религии в мире, не разрешая при этом научных вопросов, связанных с письменными источниками.

Важно также заметить, что Новый Завет имеет два различных аспекта: Сначала он предстаёт как собрание исторических документов, аналогичное другим. С этого и следует начинать! Авторитет Иисуса Христа может установить, для христианина, авторитет самих текстов. Но как можно утверждать, что это авторитет текстов устанавливает авторитет Иисуса Христа? Для евреев это было возможно, потому что они признавали Ветхий Завет, к которому Христос апеллировал, чтобы обосновать своё предназначение. Но это невозможно для того, кто не признаёт ценности Ветхого Завета и действительности пророчеств.

Современники Иисуса могли идти от книги к Личности. Мы же, наоборот, можем определить ценность книги лишь исходя из Личности Христа. Изучая Новый Завет как простой исторический документ, мы констатируем ряд фактов, которые нельзя отрицать, не отрицая при этом всю историю. Узнав эти факты, а также те, что последовали за ними на протяжении восемнадцати веков, мы ставим вопрос: Что следует думать о Христе?

В зависимости от ответа, мы вновь обращаемся к собранию текстов — уже с двумя противоположными взглядами. Если кто решает вопрос, отрицая особое присутствие Бога в Иисусе Христе, — ему придётся всё сверхъестественное удалить из текстов. Если же кто принимает, что в Иисусе Христе совершилось Божие дело, — тогда и сверхъестественные элементы, содержащиеся в текстах, не будут для него препятствием. Кто верит в Божественную миссию Христа, — не будет затрудняться признать, что Он избежал через Своё рождение порчи обычных поколений, что Он обладал сверхъестественной силой при жизни, и что Он вышел из гроба победителем смерти. Наука, разумеется, сохранит все свои права в изучении подлинности текстов и документов; но она больше не будет подчинена отрицательному духу.

Итак, существует не одна, а две критики. Одна опирается на веру, другая — на отрицание. И эти две основы — не результат анализа самих текстов, а результат двух противоположных мировоззрений, которые вдохновляют эти исследования. Не подумайте, будто я собираюсь восхвалять богословие невежд! Когда-то в Женеве мы пользовались переводом псалмов, часто крайне неудачным с точки зрения ритма, и пасторский совет неоднократно пересматривал его. Во время одной из таких ревизий одна крестьянка с негодованием воскликнула: «Неужели эти господа думают, что знают французский язык лучше, чем царь

Давид?» Я привёл крайний пример — можно найти и другие. Христиане, и мужчины и женщины, часто вредят своему делу, когда пытаются решать, во имя своей веры, вопросы, которые на самом деле относятся к компетенции науки. Наука имеет свою область, и нам следует остерегаться входить в неё, если мы не обладаем необходимой подготовкой для этого. Но по существу, по главному, по тем принципам, которые направляют научные исследования в противоположные стороны, по самой вере, — источники жизни происходят не из пыли библиотек и не из схоластических ухищрений. Отец человечества не допустил бы такой чудовищной привилегии в Своей семье.

Чтобы понять, в чём заключается суть дела Христова, нужна не ученость, не текстология, а личный выбор, осознанный и внутренний. Среди верующих есть учёные, не уступающие скептикам, и среди скептиков есть учёные, не уступающие верующим. Я знаю, что это отрицают с обеих сторон, но это отрицание кажется мне — будь то с одной или с другой стороны — либо слепым предубеждением, либо высокомерной дерзостью.

Объём Писаний, таким образом, представляет собой два аспекта: это либо простой исторический документ, либо документ, который вера наделяет особой властью. Второй взгляд не может быть нашим. Принимая божественную миссию Христа, какой вывод можно сделать о книге? Это вопрос особой догматики, который одни решат на основании вероучения своей Церкви, а другие — с помощью личных изысканий. Мы не будем касаться этого вопроса, и не можем его касаться, так как он предполагает решённой ту проблему, которая как раз и будет предметом нашего исследования. Мы останемся в стороне, как от научной критики, так и от конфессиональных споров и догматических определений. Вот каким будет порядок нашего изложения:

Христос утверждается как Спаситель.

Спасение — это освобождение от зла во всех его формах. Не разделяя того, что должно оставаться неразделимым, можно, однако, различить в общей идее освобождения различные элементы. Мы рассмотрим дело Христа в его связи с поисками разума (Христос — Учитель), с сердечными страданиями (Христос — Утешитель), с муками совести (Христос — Искупитель), с развитием общества (Христос — Законодатель). Затем мы сосредоточим внимание на силе, которую Он проявил во всех этих отношениях (Христос — Господь). После того как мы соберём факты, мы постараемся дать им наилучшее объяснение, или, точнее говоря, я предложу вам к рассмотрению решение, которое собираюсь защищать, — решение, данное христианством: утверждение, что в Иисусе из Назарета, ставшем Христом, было совершено Божие дело для спасения мира.

Прежде чем пойти дальше, позвольте сделать замечание относительно характера моего изложения. Религиозное слово может существовать в двух формах: это либо слово Церкви, либо то, что я назову словом общественного места. Апостол Павел, когда говорил или писал религиозным общинам, принявшим его проповедь, обращался к ним с авторитетом. Он напоминает им о принятой вере, объясняет её, применяет, порицает тех, кто от неё отступает: это слово Церкви; оно предполагает предварительную веру, общую тому, кто говорит, и тем, кто слушает. Но вот тот же Павел на общественном месте в Афинах. Никакая общая вера не связывает его с жителями этого города, с философами, которые к нему подходят, и с любопытными, собравшимися вокруг него. Он предлагает свою веру и рассуждает, не обладая никаким авторитетом в глазах слушателей. Таково слово общественного места; и именно это слово я предлагаю вам здесь услышать.

Никто, я думаю, не будет оспаривать важность вопроса, к изучению которого мы приступаем, ни для личности, ни для общества. Прежде всего — для личности: Те, кто верит, хорошо знают, что они обрели. Те, кто не верит, если только обладают серьёзной душой, хорошо понимают, что они обрели бы, если бы верили. Те, кто сомневается, не отрицают серьёзности вопроса, который они поднимают, но не могут разрешить. Наконец,

те, кто перестал верить, осознают, и часто с болью, то, что они потеряли. В нынешнем состоянии умов отделение мысли от Христа часто ведёт к уничтожению всякого религиозного элемента. Я не говорю, что это всегда так; я лишь констатирую факт и утверждаю, что так бывает в значительном числе случаев. Вот пример:

Один молодой человек, родом из Юры, впоследствии ставший уважаемым философом, — Жуффруа, — воспитывался в набожной семье. О своих религиозных настроениях в детстве он говорит так:

> «Настоящая жизнь была для меня ясна, и за её пределами я видел безоблачное будущее. Спокойный на пути, по которому мне предстояло идти в этом мире, спокойный в отношении цели, к которой он должен был меня привести в ином мире; понимая жизнь в двух её фазах и смерть, их соединяющую; понимая самого себя, зная Божьи намерения относительно меня и любя Его за доброту этих намерений, я был счастлив тем счастьем, которое даёт живая и твёрдая вера в учение, разрешающее все великие вопросы, которые могут волновать человека».

Приехав в Париж, Жуффруа поступает в Нормальную школу. Под влиянием духа, царившего в этой школе, в нём возникает сомнение в божественной природе христианства. И вот факт, на который я хочу обратить ваше внимание: сомнение в его христианской вере подрывает и в один миг вырывает с корнем все его религиозные убеждения. Послушаем его:

> «Никогда не забуду того декабрьского вечера, когда пелена, скрывавшая от меня самого моё собственное неверие, разорвалась. Я до сих пор слышу свои шаги в той узкой и пустой комнате, где, задолго после часа сна, я имел обыкновение бродить взад-вперёд; до сих пор вижу ту луну, наполовину закрытую облаками, свет которой временами озарял холодные оконные стёкла. Часы ночи текли, а я этого не замечал; я с тревогой следил за своей мыслью, которая, слой за слоем, опускалась ко дну моей совести и, развеивая одну за другой все иллюзии, до тех пор скрывавшие от меня саму истину, всё яснее обнажала передо мной её извивы.
>
> Напрасно я цеплялся за последние свои убеждения, как утопающий за обломки корабля; напрасно, в страхе перед неизвестной пустотой, в которой мне предстояло плыть, я в последний раз обращался к своему детству, семье, родине — ко всему, что мне было дорого и свято: неумолимое течение моей мысли было сильнее; родители, семья, воспоминания, убеждения — всё я должен был оставить. Исследование становилось всё более упорным и строгим по мере приближения к концу, и остановилось лишь тогда, когда достигло его.
>
> Тогда я понял, что в глубине моей души не осталось ничего стоящего: всё, во что я верил относительно себя, Бога и своей участи — в этой жизни и в будущей, — я больше не верил... Этот момент был ужасен, и когда под утро я изможднный повалился на кровать, мне показалось, что моя первая жизнь, столь светлая и полная, угасла, а передо мной раскрылась другая, мрачная и безлюдная, в которой мне теперь предстояло жить одному, одному с этой фатальной мыслью, изгнавшей меня туда, и которую я был готов проклясть».

Такой может быть для личности важность вопроса о сущности Христа. Не меньшую важность он имеет и для общества. Откуда происходит наша цивилизация? Не говоря о далёких истоках в Азии, где, по-видимому, находилась колыбель человеческого рода, современная цивилизация напоминает собой реку, в которую Греция, Рим и Германия влили свои воды, подобно притокам, усилившим и одновременно замутившим её поток; но главный источник этой реки — в Иудее. Наиболее значительное влияние на наши законы, обычаи, нравы, идеи — это влияние прямое или косвенное Евангелия. Хотите в этом убедиться? Обратитесь не к апологетам, которые могут показаться вам предвзятыми, а к людям, которые нашли в своих специальных исследованиях истину, которую вовсе не искали.

Что касается законов — читайте труды Монтескьё или более поздние работы Троплонга. Не только Шатобриан в своём «Гении христианства», но и Тёпффер в «Размышлениях и заметках женевского художника» говорит вам — как и многие другие — о влиянии христианства на искусство. Росси показывает то же самое влияние в области политической экономии. Я ограничиваюсь этими краткими указаниями, которые легко можно было бы расширить и умножить. Мы все воспитаны под влиянием христианских идей. Отсюда — две противоположные иллюзии. Иногда мы принимаем за специфически христианское то, что на самом деле является результатом естественного развития сердца, разума и совести. Иногда, и, пожалуй, чаще, мы принимаем за естественное и человеческое то, что по сути своей является исключительно христианским.

Чтобы избавиться от этой двойной ошибки, надо открыть историю и прочитать описания путешественников, посетивших народы, полностью чуждые влиянию Евангелия. Тогда начинают понимать, что под всеми политическими, социальными и экономическими вопросами лежит другой, более глубокий, содержащий в зародыше решение всех остальных: Что следует думать о Христе?

Тогда видишь ту бездну, которая разверзлась бы, если бы всякое христианское влияние было уничтожено; видишь ясно, что уничтожить Евангелие и его сияние — сияние, достигающее даже тех, кто не принимает его света напрямую, кто презирает или ненавидит его — это значило бы не просто выбить один из камней современного здания цивилизации, но вырвать краеугольный камень и вызвать полное разрушение и обрушение всего строения.

Изучение, к которому мы приступаем, чрезвычайно важно; я добавлю — оно крайне актуально. Вера христиан всегда подвергалась сомнению, но в разные эпохи — в разной степени и различными способами. Так, в XVI веке существовали умы, враждебные всякой религиозной доктрине; но великие споры той эпохи, те, которые разрывали западное общество, касались способа истолкования дела Христа, а не самой его ценности. Кроме того, при отсутствии гражданской свободы мнений, абсолютные отрицания не могли высказываться открыто — ни в Женеве, ни в Риме. Сегодня, в большинстве современных государств, самые радикальные отрицания могут свободно выходить на свет. Они выражаются публично, у них есть в распоряжении книги, газеты, организованные общества. Источников этих отрицаний много; я кратко перечислю некоторые из них.

Во-первых — враг всякой религиозной культуры, старый материализм. Полвека назад его считали почти мёртвым, или, по крайней мере, ослабевшим; он ожил снова, говорит громко и ищет в естественных и физических науках опору, которую считает прочной — хотя она таковой не является.

Во-вторых — историческая критика. Разграничение, которое я провёл между подлинной областью этой науки и основами веры, обычно игнорируется. Слишком часто думают, что, удалив мох и омелу со ствола и ветвей дерева религии, можно тем самым поразить источник его жизни.

В-третьих — сравнительно новая наука сравнительного религиоведения. Ребёнок, никогда не покидавший родного дома, естественным образом считает свою деревню всем миром, границы своего горизонта — границами вселенной, обычаи своей семьи и страны — законами человечества. Когда он узнаёт о существовании других народов, других нравов, других законов, это может вызвать в его сознании довольно сильный переворот. Так же и мы, как правило, начинаем с убеждения, что наша религия — это и есть религия. Если затем человек знакомится с другими культами — он обнаруживает в них множество суеверий, зачастую чудовищных практик; но непредвзятое изучение открывает в них и долю истины, большую, чем можно было бы предположить сначала. Это показывает, что мы не обладаем абсолютной монополией на истину и добро.

Отсюда возникает идея, что у каждого народа — свой культ, и что все религии могут быть хороши, каждая — в своё время и в своём месте. Это, в свою очередь, приводит к тому, что у Иисуса Христа отнимается Его характер Спасителя, и Он помещается в своего рода пантеон, наряду с Конфуцием, Зороастром и Сакьямуни.

В-четвёртых — политика. Гражданская власть силой навязывала религиозные доктрины. Отсюда в истории — целый мрачный кортеж насилия, резни, костров. Такое положение дел вызвало справедливую по своей сути реакцию, которая, однако, переходит в ослепление в своих крайностях. Из правильной идеи, что светская власть не должна подчиняться духовенству, делают абсолютно иной вывод: религия не должна иметь никакого влияния в обществе. Злоупотребления устраняются вместе с употреблением. Это всё равно как если бы, чтобы предотвратить пожары, предложили бы лишить человечество огня, который его согревает и освещает.

Эта путаница ярко выражается в двойственном значении слова «светский». Говорят: светское общество, светская школа, светское образование. Что под этим понимается? Две абсолютно разные вещи. Одни хотят сказать, что в нынешних условиях общества, с его многообразием культов и свободой мнений, дела государства должны быть отделены от дел Церкви. Я сам придерживаюсь этой точки зрения — в интересах религии не меньше, чем в интересах государства. В этом смысле «светский» — это противоположность идее о светской власти духовенства.

Но другие вкладывают в это слово совершенно иной смысл. Для них светский - означает безрелигиозный. И это, несомненно. Стоит попросить тех, кто требуют светского государства и светской школы, объяснить, что они под этим подразумевают, — и вы убедитесь, что, хотя они используют одно и то же слово, по сути, они полностью расходятся. Одни используют термин в его традиционном и подлинном значении, другие — в новом, рожденном страстями и нынешними конфликтами. Позволю себе одно замечание. Господа (я обращаюсь к отцам семейств), когда вы говорите со своими детьми о Боге, о Спасителе, о той обители, где надеетесь вновь встретиться с потерянными близкими — разве вы перестаёте быть светскими? Признаёте ли вы, что религия — это монополия духовенства?

В-пятых — дурной социализм. Я подчёркиваю: дурной. Если под социализмом понимать усилия, направленные не только на смену властных рук, как это делает политика, но и на улучшение состояния общества, на уменьшение источников нищеты, на более справедливое распределение результатов труда — такой социализм хорош, он христианский по своему духу и по происхождению. Дурной же социализм — тот, который презирает свободу, который хочет загнать людей в механизмы машины, который стремится к насильственному свержению институтов и ищет опору в страстях и в жадности, зовя их на делёж мирских благ. Такой социализм считает Христа — препятствием, а Бога — врагом.

Это — явление, отмеченное Альфредом де Мюссе. Намекая на писателей, обвинявших Евангелие в разрушении Римской империи, он пишет:

> «Христианство погубило императоров, но спасло народы. Оно открыло варварам дворцы Константинополя, но оно же открыло двери хижин утешительным ангелам Христа… Вот что сделало христианство. А теперь, после стольких лет, что сделали те, кто его разрушили?
>
> Они видели, как богатый угнетает бедного, сильный — слабого, потому что те говорили себе: "На земле они будут меня угнетать; но, когда захотят войти в рай, я буду у входа и обвиню их на суде Божьем". Так, увы, бедные терпели. Тогда противники Христа сказали бедному: "Ты терпишь в ожидании дня справедливости — но справедливости нет. Ты ждёшь вечной жизни, чтобы в ней потребовать возмездия — но нет вечной жизни. Ты собираешь свои слёзы и слёзы своей семьи, крики детей и рыдания жены, чтобы вознести их к ногам Божьим в час смерти — но Бога нет».

И тогда бедный отёр свои слёзы, сказал жене замолчать, детям — пойти с ним, и выпрямился на пашне с силой быка. Он сказал богатому: "Ты меня угнетаешь — но ты всего лишь человек". И священнику: "Ты меня утешал — но солгал".

Именно этого и хотели противники Христа. Возможно, они думали, что делают людей счастливыми, посылая бедных на завоевание свободы... Без сомнения, вы — филантропы, вы, может быть, правы относительно будущего, и наступит день, когда вас благословят; но пока ещё, по правде говоря, мы не можем вас благословить. Когда прежде угнетатель говорил: "Мне — земля!" — угнетаемый отвечал: "А мне — небо!" А теперь… что он ответит?»

Эти сильные слова указывают на реальный факт: дурной социализм — один из участников борьбы против Христа и пополняет ряды противников Евангелия.

Вот сколько враждебных течений сходится со всех сторон. Христианство подобно крепости, на которую наступают армии со всех горизонтов. А что делают в самой крепости? Увы! То же, что делали иудеи во время осады Иерусалима. Римские войска окружали город, а три враждующих между собой партии добавляли к ужасам осады внутренние раздоры и распри. Таков слишком верный образ состояния современной христианской цивилизации. В начале нашего века, после нападок энциклопедистов на основы всякой религиозной веры, после дней Террора, когда членов всех церквей без разбора бросали в тюрьмы и вели на гильотину, между двумя ветвями западного христианства произошло заметное сближение.

Общая атака и общность преследований сделали протестантов и католиков внимательнее к тому, что их объединяет. Сегодня атаки не менее яростны, опасность для веры не менее велика — но никакого сближения не происходит. Никогда христиане не нуждались в единстве так сильно, как сейчас — и никогда не были столь разделены! Можно понять крики триумфа со стороны противников, смущение среди многих верующих — и всю актуальность темы моих речей.

Таково исследование, которое я предлагаю вашему вниманию. Я приступаю к нему не без колебаний и, чтобы использовать выражение, не превышающее действительности, — не без смущения. Я знаю и глубоко чувствую, чего мне недостаёт во многих отношениях, чтобы быть работником, достойным задачи, которую я беру на себя. Я серьёзно спрашивал себя, не рискую ли я своей некомпетентностью навредить делу, которое хотел бы защищать.

Поэтому перед вами не учитель, говорящий с авторитетом, а скорее простой студент, который предлагает вам плоды своих исследований и приходит представить их вашему рассмотрению. Впрочем, мне кажется, что, независимо от тех выводов, к которым я хотел бы вас привести, я не сделаю напрасного дела, если мне удастся хотя бы на время отвлечь ваши мысли от забот повседневной жизни, от часто бесплодных и изнурительных политических схваток, от ещё более тягостных церковных и конфессиональных раздоров, — и поставить вас лицом к лицу с вопросом веры, рассмотренным в ее наиболее широком и наиболее серьёзном значении.

† † †

Краткий обзор первой лекции вернуться к содержанию >>>

Навиль открывает цикл лекций о Христе с постановки главного вопроса:

— Кто такой Христос?

— Что означает признать Его тем, кем Его объявляет христианская вера — Богом и Человеком?

Он утверждает, что речь идёт не просто о религиозной личности или учителе нравственности, а о центральной фигуре, от которой зависит весь смысл христианства, религии и человеческой жизни.

1. Истинная постановка вопроса
    - Вопрос о Христе — не научный, не просто исторический или философский, а духовный.
    - Не достаточно спросить: жил ли Иисус?, что Он говорил?
    - Настоящий вопрос: Кто Он такой по сути — Человек? Пророк? Сын Божий? Бог?
2. Разделение человечества
    - Ответ на вопрос о Христе разделяет всё человечество.
    - Одни принимают Его как Бога, другие — отвергают, третьи — стараются игнорировать.
    - Но никто не может остаться полностью нейтральным, потому что этот вопрос касается самой сути человеческого существования.
3. Уникальность личности Христа
    - Христос не похож ни на одного из основателей религий.
    - Он не только учит о Боге — Он говорит от имени Бога, отождествляет себя с Богом:
        - «Я и Отец — одно» (Ин. 10:30)
        - «Кто видел Меня, тот видел Отца» (Ин. 14:9)
    - Он требует веры в Себя, а не только послушания своим словам.
    - Это делает вопрос о Нём острейшим и исключительным: если это правда — всё меняется; если ложь — христианство рушится.
4. Недостаточность нейтральной оценки
    - Нельзя ограничиться тем, чтобы признать в Иисусе просто великого моралиста или пророка.
    - Его слова и действия не позволяют такой нейтральной позиции:
        - Либо Он действительно — воплощённый Бог,
        - либо — человек, выдававший себя за Бога (и значит, лжец или безумец).
    - Поэтому Навиль утверждает, что Христос — либо всё, либо ничто.
    - Компромиссов быть не может.
5. Реальность Христа — это вызов
    - Признать Христа означает изменить всю свою жизнь, потому что:
        - если Он — Бог, то Он имеет власть над совестью, над истиной, над спасением;
        - если это ложь — всё здание веры рушится.
6. Значение проблемы
    - Навиль подчёркивает: это не академическая дискуссия, а экзистенциальный вызов.
    - От ответа на вопрос «Кто Христос?» зависит:
        - смысл жизни,
        - суть веры,
        - надежда на спасение,
        - само понимание человека и Бога.

Христос — это не тема для нейтрального обсуждения, а Личность, с Которой человек должен определиться. Навиль показывает, что вся суть христианства и вся судьба человека сводятся к одному вопросу: Кто такой Христос на самом деле? И этот вопрос — не абстрактный, а жизненный, личный, радикальный.

† † †

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ. ХРИСТОС — УЧИТЕЛЬ

вернуться к содержанию >>>

Господа,

Христофор Колумб отплыл от берегов Испании 3 августа 1492 года, а 4 марта 1493 года, побитый бурей, пристал к устью Тежу. Если бы буря поглотила его корабль, и Колумб один вплавь добрался бы до берегов Португалии, рассказывая о странных вещах, свидетелем которых он будто бы был, нашлись бы люди, не преминувшие применить к нему пословицу: «Хороша ложь, да далёко ездил!» Но он показывал изумлённым посетителям своего корабля растения, животных и, наконец, обитателей нового мира, который он открыл. По этим знакам его признали достоверным свидетелем и поверили его словам.

Мы читаем в повествовании, озаглавленном Евангелием от Иоанна, что один иудей по имени Никодим пришёл к Иисусу и сказал Ему: «Ты Учитель, пришедший от Бога, ибо никто не может творить тех чудес, которые Ты творишь, если не будет с ним Бог» (Ин. 3:2). По мысли этого иудея, Иисус совершал дела, которые подтверждали Его звание свидетеля небесных вещей, на которое Он претендовал, и благодаря которому Он учил с властью. Португальцы поверили словам Колумба, потому что, по их мнению, он обладал доказательствами, удостоверяющими его свидетельство об Америке; Никодим поверил словам Иисуса, потому что, по его мнению, у Него были доказательства, подтверждающие истинность Его свидетельства о вещах небесных. Таково положение веры. Такое состояние ума может быть лишь результатом исследования — принять его в самом начале означало бы допустить серьёзную логическую ошибку.

С точки зрения веры, будь то в земных или небесных делах, — характер свидетеля определяет ценность его свидетельства. Но с точки зрения исследования, которое мы ведём, — характер свидетельства является одним из критериев оценки самого свидетеля. Следовательно, мы должны рассматривать Иисуса как простого Учителя и изучать Его слово, отвлекаясь от всех представлений о Его происхождении. О чём мы будем спрашивать этого Учителя? О самом высоком вопросе, который может задать себе человеческий разум — об истоке мироздания.

Огромные горы и высокое плато Азии разделяют воды: одни текут в тёплые моря юга, орошая плодородные равнины Индии, а другие, пересекая холодные степи Сибири, питают вечные льды северных регионов. Точно так же в сфере учений существуют вершины, на которых расходятся мысли людей. Среди этих вершин самой высокой является вопрос об истоке вселенной. От того, как на него отвечают, зависят все последующие пути мысли. Во времена пришествия Христа существовало четыре главных учения по этому возвышенному вопросу: политеизм, дуализм, пантеизм и материализм.

Политеизм — это учение, приписывающее происхождение мира множеству божественных сил; под его влиянием люди воздавали честь и молились различным божествам. В греко-римском мире это была народная вера, а также, если не вера правителей (которые зачастую сами в неё не верили), то, по крайней мере, официальная государственная религия.

Дуализм объясняет происхождение мира через два начала. Это могут быть добро и зло — либо, в другой форме той же доктрины, вечный дух и вечная материя. В первом виде система имела центр в Персии. Во втором виде — более или менее завуалированном — она существовала у величайших философов Греции.

Материализм стремится объяснить всё — мысли духа, чувства сердца, движения тела — исключительно с помощью столкновений атомов. Эта доктрина встречается во все времена и во всех странах. Это естественный продукт детского возраста разума. Материализм исчезнет окончательно лишь тогда, когда общий интеллектуальный уровень человечества поднимется настолько, чтобы никто больше не путал свойства материи с атрибутами духа.

Пантеизм, наконец, — это учение, утверждающее, что Бог есть всё или что всё есть Бог (в этом смысл слова): то есть, что начало вселенной, лишённое сознания и свободы, проявляется через неумолимый закон и исчерпывается в производстве природы и человечества. Эта система, по-видимому, возникла сначала в Индии и в греческих колониях южной Италии.

Политеизм, дуализм, пантеизм, материализм — таковы, в отношении происхождения мира, четыре главные (я не говорю единственные) концепции, господствовавшие в древнем мире.

Каково же учение Иисуса в этом вопросе? Это — монотеизм, то есть утверждение, что вселенная была создана единым Богом, в Котором нераздельно соединены могущество, премудрость и благость. Бог един, и, размышляя о Его высшем единстве, мы не должны никогда разрывать три его сущностных качества: Он всемогущ, премудр и благ.

Этому учению Иисус скорее предполагает и дополняет, нежели излагает. Ведь Он обращается к израильтянам, которые уже приняли его. Великий труд Иисуса, с точки зрения учения о происхождении мира, состоит в том, что Он озарил весь земной шар той истиной, которую народ Израиля хранил как своё достояние, — Он сделал Бога Авраама и Моисея Богом всего человечества. Моисей дал законы одному малому народу; Иисус же посылает Своих учеников учить все народы и передавать им нечто большее, чем законы, — новый дух.

Учение о Едином, Всемогущем, Премудром и Благом Боге есть основа христианского учения. Когда проповедники Евангелия распространились по миру, они находили в главных центрах древней цивилизации группы иудеев. Им они говорили так же, как Иисус говорил Своим слушателям, потому что те также признавали Бога Авраама и Моисея. Но вот апостол Павел оказывается в Афинах: он не может предположить, что жители этого города признают монотеизм, и афиняне, заинтересованные его учением, требуют от него объяснений: «Можем ли мы узнать, что это за новое учение, которое ты проповедуешь? Ведь ты говоришь что-то странное» (Деян. 17:19–20). Апостол отвечает на их просьбу. Вокруг него собирается большая толпа. С чего он начинает изложение своей веры? В этом городе, полном идолов, он возвещает Единого Творца, Всемогущего, Того, Кто создал всё, «в Ком мы живём, и движемся, и существуем» (Деян. 17:22–28). Эти мысли были новыми для афинян. А нам они кажутся привычными. Почему? Как они распространились по миру?

Вот главная мысль моего сегодняшнего урока. Внимательно проверьте, возможно ли её опровергнуть:

> Чистый монотеизм как всеобщее учение существует в мире только под влиянием христианской проповеди.

Такова моя теза. Вот её доказательство. Возьмите карту мира и отметьте на ней те страны, в которых учение о Едином Боге повсеместно преподаётся и где исключена любая практика идолопоклонства. Затем составьте вторую карту — стран, находящихся под влиянием христианской проповеди. Сравните итоги обоих работ — и они окажутся идентичными. Карта стран, где учение о единстве Бога преподаётся повсеместно, — это и есть карта стран, находящихся под влиянием христианства. В самом деле, вера в одного Бога общепринята и публично преподаётся только среди иудеев, мусульман и христиан.

Но в этом контексте кто такие иудеи? Предки христиан. Именно они передали нам, через Иисуса Христа, учение, которое мы рассматриваем. А кто такие мусульмане? Кровопролитные столкновения между полумесяцем и крестом, из-за которых пролилось так много крови — и которые, когда я говорю эти слова, всё ещё заливают кровью земли Европы и Азии — могут ввести в заблуждение и создать впечатление, будто Ислам с самого начала находился в полной оппозиции к учению Христа. Это не так.

Ислам возник в VII веке нашей эры; сама эта дата уже доказывает, что его учение о едином Боге было заимствовано из традиции иудеев и христиан. Независимо от этого исторического свидетельства, сам факт подтверждается наиболее определёнными заявлениями самого Магомета. Я открываю Коран[1] и вижу, что Бог, которого он возвещает, — это Бог Авраама, продолжателем дела которого Магомет считает себя в наивысшей степени. Я читаю:

> «Я — не единственный посланник, который когда-либо существовал... До Корана была Книга Моисея, данная как руководство для людей и доказательство Божьей милости. Коран подтверждает её на арабском языке, чтобы нечестивые были предостережены, а праведные получили благую весть». (Сура 46, аяты 8 и 11.)

Магомет признаёт божественную миссию пророков Израиля, миссию — и даже сверхъестественное зачатие Иисуса. Наконец, он восходит к мысли об объединении:

> «Скажи иудеям и христианам: О вы, обладающие Писанием, придём к соглашению. Не будем поклоняться никому, кроме Бога, и не станем придавать Ему сотоварищей». (Сура 3, аят 57)

Таковы слова пророка из Мекки. Таким образом он устанавливает родословную своего монотеизма, приписывая его происхождение Аврааму, Моисею, пророкам и Иисусу. Разумеется, учение Корана в целом весьма противоположно учению Евангелия; но что касается нашего текущего предмета — ислам является лишь одной из ветвей иудейского и христианского монотеизма. Это — совершенно очевидно.

[1] Коран означает чтение. Мусульмане называют свою священную книгу аль-Коран, то есть чтение, великое чтение, подобно тому, как христиане называют сборник Ветхого и Нового Завета Библией, то есть Книгой, великой Книгой.

Итак, я повторяю: карта стран, где, в общем и целом проповедуется монотеизм, и карта стран, находящихся под прямым или косвенным влиянием христианской проповеди, полностью совпадают. Это — своего рода географическое доказательство в поддержку моей тезы, и оно доступно каждому.

Но, возможно, вы скажете: разве мудрецы Древней Греции не говорили о едином Боге? Разве некоторые выдающиеся учёные не утверждают, что идея Божьего единства лежит в основе великих религий древности, а идолопоклонство представляет собой лишь искажение изначальных догматов? Разве дикари Северной Америки не призывают Великого Духа? Да, господа, всё это правда, и я с этим не спорю. Но — обратите внимание — я не утверждал, что монотеизм является исключительной собственностью иудеев, христиан и мусульман в абсолютном смысле. Я сказал, что только у них эта доктрина существует в чистом виде и как общепринятая. В других случаях, при внимательном изучении, под внешними монотеистическими формулировками обнаруживаются следы политеизма, дуализма или пантеизма. И настолько мало можно говорить о всеобщем распространении монотеизма, что мудрецы Индии и Греции, прозревшие или предчувствовавшие единство принципа бытия, сами вместе с народом посещали храмы идолов.

Разум человека, вне христианского влияния, не мёртв, и сам разум ориентирован на идею единства; но, стремясь познать свой первоисточник, он словно сталкивается с непроглядным облаком. Безусловно, Человек Иисус не сотворил разум, но он освободил его от оков и позволил ему взмыть к небесам. И в сфере разума его слово стало для мира словом свободы. Он стал исторически великим распространителем учения о едином Боге и остаётся по сей день его могущественным хранителем.

Я говорил в своей первой речи, что разрыв мысли с Христом сегодня часто приводит к уничтожению всякой религиозной веры — и я привёл пример Жуффруа. В этом отношении за последние сто лет многое изменилось. В XVIII веке многие умы, порвавшие с христианской верой, всё ещё останавливались на деизме, то есть на учении, признающем

существование Бога-Творца и Законодателя вселенной, но такого Бога, который, установив общие законы, затем как бы предоставил миру идти своим чередом, исключая тем самым возможность Его вмешательства и, следовательно, Его проявления в лице Иисуса Христа.

Это учение связано с именами знаменитостей. Деизм Вольтера был настолько легковесным, столь лишённым нравственного содержания, что не мог иметь серьёзного влияния. Говорить о философии Вольтера — это ещё можно; но говорить о его религии — это слишком! Его искрящийся стиль, его насмешка, которую ничто не сдерживало, его насмешки и гримасы — всё это, по словам Виктора Гюго, у «этой обезьяны гения»[1] — имело великую разрушительную силу, но не могло создать ничего прочного.

[1] Виктор Гюго написал в «Лучах и тенях»:
Тогда царил Вольтер, эта обезьяна гения,
В человеке, посланном с миссией дьяволом.
(«Взгляд, брошенный на мансарду», стихотворение V)

Деизм Руссо имеет совсем иной характер. Он серьёзен, связан с идеями нравственного сознания и будущего суда. Именно поэтому он предоставил многим душам, оторвавшимся от христианской веры, некое убежище, в котором они сохраняли веру в Бога и надежду на бессмертие. Это влияние «религии Руссо» стало особенно заметным в ходе одного исторического события. В самые тёмные дни Французской революции атеизм поднял голову. По улицам Парижа несли женщину, изображавшую богиню Разума, — под взглядами толпы, которая, по словам Тьера, весьма веселилась этим новым культом. Что же произошло затем? Событие, которое Ламенне выразил в следующих сильных словах:

> «Франция, покрытая обломками, представляла собой образ необъятного кладбища. И вот — поразительно! — среди этих развалин сами повелители беспорядка, охваченные внезапным ужасом, отступают в страхе, как будто перед ними явился призрак небытия. Чувствуя, что некая неодолимая сила влечёт их самих к могиле, их гордость внезапно рушится. Побеждённые страхом, они спешно провозглашают существование Высшего Существа и бессмертие души; и, стоя над трепещущим телом умирающего общества, они с мольбой взывают к Богу, Который один может вернуть ему жизнь». (Essai sur l'indifférence en matière de religion , tome I, chapitre x, à la fin .)

Говоря проще и менее красноречиво: Робеспьер, реагируя на атеистические тенденции, добился того, чтобы Конвент принял известный декрет: «Французский народ признаёт существование Верховного Существа и бессмертие души». Доклад по этому декрету, представленный от имени Комитета общественного спасения, содержит пышную похвалу Руссо и в сущности лишь повторяет мысли, изложенные в Эмиле и Общественном договоре.

Этот факт ярко демонстрирует значимость и масштаб влияния, оказанного Руссо на религиозную мысль его времени. У духовного потомства этого знаменитого писателя было множество представителей; сегодня от него остались лишь обломки. Современное течение мысли уводит умы, покинувшие Евангелие, далеко от убежища, которое некогда предоставлял гражданин Женевы. Против христианской веры теперь противопоставляется не деизм, а атеизм — то в обнажённом, то в слегка прикрытом виде. Подобно дереву, растущему на краю обрыва, за ветви которого ещё можно было уцепиться, деизм, кажется, был вырван ураганом с этого склона, ведущего к бездне.

Христианин или атеист — я не говорю, что такая альтернатива неизбежна; я сам её не принимаю. Но она точно выражает преобладающее настроение умов в наше время. Известный Прудон принимал её. Он писал: «О, христианство — это возвышенно! Если Церковь сможет опровергнуть новую теорию, которую я ей противопоставляю (модифицированную версию атеизма), я отрекаюсь от своей философии и умру в её объятиях». (De la justice dans la Révolution et dans l'Église, tome I, p. 164.)

В 1864 году, в одной публичной речи (Небесный Отец, третья лекция), я указывал на возрождение атеизма и основывал своё утверждение на уже довольно обширном досье. Увы, с тех пор это досье стало куда обширнее. Посмотрите, что происходит в мире науки и образования: делаются многочисленные и весьма настойчивые попытки объяснить творение — без Творца. Два главных центра этих отрицаний — Англия и Германия, откуда они распространяются на Францию, Италию, на всю Европу и Соединённые Штаты. Некоторые из этих учёных поклоняются богине Разума; но большинство из них предлагают нам, под современным слоем позолоты, старый материализм Демокрита и Эпикура. Эти доктрины не только свободно провозглашаются — что закономерно при свободе мнений, — но в некоторых странах они утверждаются в университетах под покровительством самих правительств.

Такова ситуация на вершине интеллектуальной иерархии. Переведём теперь наш взгляд к народным массам — что мы там увидим? Атеизм смело поднимает голову: у него есть свои газеты, он входит в программы официально учреждённых обществ, он заявляет о себе на народных собраниях — и часто под аплодисменты слушателей. Это происходит в Германии, Швейцарии, Англии, Бельгии, Соединённых Штатах, в Италии... Я не утверждаю ничего, чего бы не мог подтвердить документально. Был отмечен резкий контраст в религиозных настроениях парижского народа между революцией 1848 года и Коммуной 1871 года. Я не стану здесь разбирать причины этой перемены в общественном мнении — я лишь указываю на факт. В 1848 году мятежники проявляли, в какой-то мере, религиозные чувства; в 1871-м атеизм был открыт и демонстративен.

Таково положение дел, как в мире учёных, так и в рабочем классе. А что можно наблюдать в средних слоях населения? Наблюдаются ли там серьёзные проявления организованного деизма? Нет. Средние классы, отходя от положительной христианской веры, часто попадают под влияние позитивизма, который говорит: «Ничего не утверждайте! Ничего не отвергайте! Не занимайте свой ум вопросами иного мира! Занимайтесь своими делами в этом мире, как сможете, и не заглядывайте дальше!» Такой образ мыслей, по сути своей — практический атеизм, — слишком хорошо соответствует среднему состоянию человеческой души, чтобы не находить многочисленных сторонников. Он легко проникает в слабо образованные умы, особенно когда учёные и академики удосуживаются облечь его в оболочку науки и внешнюю глубину.

М. Дизраэли, ныне премьер-министр Великобритании, несколько лет назад выразил подлинный крик тревоги, заявив, что в его стране можно предвидеть «такое мощное нашествие атеизма, которое приведёт к потрясению самого общества». Мне не нужно обсуждать, насколько обоснованы эти опасения, и какова доля преувеличения в них; достаточно просто констатировать: положение религиозного вопроса изменилось.

В XVIII веке атеизм был уделом относительно узкой группы; деизм часто становился наследником христианской веры. Сегодня это наследие переходит к атеизму; мысль, порвавшая с Христом, осознаёт и провозглашает свой разрыв с Богом. Это, конечно, не универсальный факт, но — почти повсеместный. Есть, конечно, и такие, кто признаёт существование Бога и останавливается на этом; но их учение лишено всякой способности к распространению. Будь то в становлении, будь то в сохранении — идея Бога как всеобщего и чистого учения существует в мире благодаря Христу. Эта великая идея влечёт за собой множество последствий. Я укажу на две: одна касается бедствия войны, другая — развития науки и промышленности.

Один известный англичанин, Гоббс, утверждал, что люди по природе находятся в состоянии войны друг с другом. Это крайняя точка зрения; но история прошлого и рассказы путешественников о народах, чуждых нашей цивилизации, придают ей, увы, немалую долю истины. Чтобы выйти из состояния войны и прийти к миру, есть два пути, связанные с двумя

почти современными именами: Цезарь и Иисус Христос. Цезарь — это установление мира силой оружия, которое подавляет страсти; Иисус Христос — это установление мира через веру в Бога, которая преображает сердца.

Чтобы оценить в этом отношении дело Иисуса Христа, нужно в общем понять, каким образом религиозные идеи влияли на войны между народами. Перенеситесь мысленно на равнины Трои: греки и троянцы, неукротимый Ахилл и доблестный Гектор — не одни на поле битвы. Боги вмешиваются в сражения людей; дыхание раздора и ярость сражений исходят не только из сердец воинов, но и нисходят с вершин Олимпа. Реальный факт, символом которого служат эти поэтические образы, заключается в следующем: пока признавалось множество богов и каждый народ имел своих, религия питала национальные войны. В таком положении вещей, задумайтесь над смыслом этих слов: «У вас один Отец, Который на небесах, и вы все — братья» (Матфея 23:8–9).

Каков естественный вывод из этой великой мысли? Провозглашается единство человеческой семьи, и иссякает источник национальных войн. Религия, прежде бывшая началом раздора, становится началом мира. Да, мир — это следствие веры в Отца, общего для всех, Который должен подавлять дурные инстинкты сердца и укреплять добрые. А где сейчас находится это дело примирения? Увы! — раны Германии и Франции всё ещё кровоточат, и вот уже вновь начинаются кровавые жертвы на Востоке. На первый взгляд, кажется, что единственный прогресс, которого мы достигли, — это то, что с помощью «учёного оружия» нам удаётся убивать больше людей за меньшее время. Но это — лишь обманчивое впечатление. Мы ещё весьма далеки от цели, но уже движемся в её сторону.

Когда вы в следующий раз будете проходить по вокзалу Лозанны, посмотрите в сторону Уши, немного вправо: вы увидите холм конической формы, покрытый густым лесом. Там, примерно в 980 году нашей эры, было провозглашено Божье перемирие. Знаете ли вы, что это было? Вот что: Церковь запрещала сражения в определённые периоды года и каждую неделю — с вечера среды до утра понедельника. Каково же было общественное состояние! Война была непрерывной: сражались от города к городу, от замка к замку, и с большим трудом удавалось возделывать землю и собирать урожай. Тогда, не в силах обеспечить всеобщий мир в то варварское время, Церковь хотя бы от имени Бога потребовала еженедельного перемирия. Мы далеко ушли с тех пор! Война и сейчас случается слишком часто; но в ту эпоху она была нормой. Это была хроническая болезнь, тогда как теперь — лишь приступами. Таковы уроки истории.

К урокам истории присоединяется современное явление, достойное самого пристального внимания. Вот армии сходятся в сражении, и дан сигнал к кровопролитию. Кто же эти люди — мужчины и женщины — обозначенные красным крестом, гарантом их нейтралитета, которые с одинаковым рвением оказывают помощь раненым с обоих враждующих сторон? Конечно, всегда находились под влиянием милосердия добрые самаряне, готовые перевязывать раны каждому пострадавшему, не интересуясь его вероисповеданием и страной. Но здесь нечто большее. Санитарные отряды стали нейтральными благодаря официальной Конвенции, подписанной державами в Женеве несколько лет назад. Это совершенно новое явление. Речь идёт не об отдельных подвигах самоотверженности — это действие публичной власти, проникнутой идеей всеобщей любви. Вот два духа, проявляющихся одновременно. Война — это дух древний, дух зла; беспристрастная забота о раненых — это дух Христа, дух новый.

То, что не имеет прецедентов в истории и сулит добрые знамения на будущее — это официальное и одновременное присутствие представителей двух духов на поле битвы. Противоречие вопиющее и становится зримым для всех. Послушайте слова детей, взятые из небольшого сборника стихов. Это дети Франции говорят в роковые дни иностранного вторжения:

Это белокурая девочка, распарывающая вату.
С радостью она следит за успехами своего труда.
Но вот она вдруг останавливается, задумчивая, и восклицает:
«Как странно всё же! Скажи, дорогая мама,
Зачем же их ранят, если потом всё равно лечат?»

Вот другой ребёнок, на коленях на своей кровати, с закинутыми назад кудрями, задумчиво поднимает к небу свои голубые глаза:
«Когда я говорю: "Даруй нам победу, Господи", мама,
Маленькие враги, наверное, молятся о том же самом...
Значит, нам нужно два добрых Бога?»

Это не вымышленные стихи; я убеждён, что это — действительно услышанные вопросы из уст детей. Так неужели то, что поняли дети, народы и правительства так и не поймут? Да, новый дух будет прогрессировать. Мы, с полным правом, считаем варварским то X столетие, когда нужно было умолять людей не убивать друг друга в течение четырёх дней в неделю. Надеемся, что когда-нибудь историки назовут варварским и это XIX столетие, которое с лёгкостью расточает золото и проливает кровь в братоубийственных войнах. Если Женевская Конвенция дала нейтральный статус санитарным отрядам, будем надеяться, что в день, которого мы, быть может, не застанем, но который обязательно придёт, — новая Женевская Конвенция… или иная — установит, что народы, находящиеся в конфликте, смогут прибегнуть к арбитражу иного рода, нежели проклятого арбитража меча и пушки.

Не будем, господа, тешить себя иллюзиями! Пока злые страсти будут угрожать обществу, жандармерия будет необходима; и нужно быть уж слишком слепым оптимистом, чтобы верить, будто в нынешних условиях человечества эти ужасные столкновения между народами могут исчезнуть полностью. Но вот что можно с полным правом ожидать от более широкого распространения христианского духа: можно надеяться, что это ужасное бедствие — война — будет случаться всё реже. Можно надеяться, что дипломатия станет больше стараться предотвращать войну, чем использовать её плоды. Можно надеяться, что — при всех естественных симпатиях — сложится общее общественное мнение, которое будет выступать, прежде всего, не за Францию или Германию, не за русских или турок, но — за мир, за Христа и за человечество.

Можно надеяться, что военные бюджеты перестанут поглощать лучшую часть плодов земли и пота народов. Представьте себе всеобщую конвенцию цивилизованных народов, которая позволила бы сократить военные силы до масштабов, необходимых лишь для общественной обороны. Сколько миллиардов было бы сэкономлено! Подумайте, сколько добра можно было бы сотворить этими миллиардами, используя все ресурсы, которые современная наука предоставляет промышленности.

И это приводит меня ко второму вопросу, который я хотел бы затронуть: к влиянию монотеизма на науку.

Современная наука обладает чёткими чертами, и её рождение можно точно датировать: она появилась на заре XVII века. «Наука, — говорит Гершель, — тогда получила колоссальный импульс. Казалось, гений человека, долго сдерживаемый, внезапно вырвался из своих оков… Все бросились на поиски, и вскоре открылся новый век, полный энтузиазма и чудес, которому нет подобного в летописях рода человеческого».

Гумбольдт и Либих воспроизводят мысль Гершеля и уточняют её, сообщая нам, что эта эпоха — эпоха основателей, и всё, что появилось с тех пор, есть лишь развитие плодотворных семян, посеянных тогда в почве человеческого духа. Каковы же причины этого великого движения мысли? Их несколько: возрождение литературы и искусств в Италии, открытие Америки, побудившее умы к поиску новых истин, как некогда — к

открытию новых земель; изобретение книгопечатания, которое распространило плоды человеческого разума по всему обществу; и, прежде всего, борьба с ущербной методой, которая в некоторых аспектах парализовала работу человеческого духа.

Из Библии сделали энциклопедию наук: римский суд осудил Галилея за утверждение, что земля движется. Из Аристотеля сделали непогрешимого учителя: новатор Бруно был вынужден покинуть Женеву, потому что, как он пишет, женевцы однажды и навсегда постановили, что ни в логике, ни в какой иной области знания не следует отклоняться от мнений Аристотеля. Итак, было два ярма, которые следовало сбросить, чтобы ум человека вновь вступил в прямое общение с природой: ярмо Библии, выведенной из её собственного предела, и ярмо Аристотеля. Борьба была долгой и порой ожесточённой, но, в конце концов, наука обрела свободу, и стало понятно, что для открытия подлинных законов Вселенной надо изучать факты, а не тексты древних.

Когда путь был таким образом расчищен, что произошло? Была ли наука, как часто утверждают, простым результатом наблюдения? Нет. Наблюдение — необходимое условие и обязательная проверка любой теории, ибо сначала нужно установить факты, прежде чем искать их объяснение; и объяснения имеют ценность лишь постольку, поскольку они подтверждаются опытом. Но к объяснению фактов приступают только под влиянием определённых принципов, которые направляют мысль в её поисках. А мысль основателей современной науки руководствовалась, прежде всего, двумя принципами: принципом гармонии мира и принципом простоты его законов.

Именно идея простоты законов мира поддерживала сторонников Коперника в 144-летней борьбе против их противников. Именно поиск простоты законов вдохновил Ньютона (он говорит это открытым текстом), когда он открыл великую теорию всемирного тяготения. Даже в наше время идея простоты законов вела Френеля (и он утверждает это самым определённым образом) к принятию волновой теории света, прославившей его имя и преобразившей физику. Все основатели и новаторы, до самого недавнего времени, повторяли любимое изречение Бургаве: «Простота есть признак истины», и все они неустанно искали связи и гармонию между различными классами явлений.

Откуда происходят эти принципы? Простые законы, общие законы, гармония элементов мира — разве это не естественно для разума? Да! Но если не обращаться к истории, вы никогда не узнаете, с каким трудом разум узнавал собственную природу. Чтобы распознать свои основные принципы, разум должен был бороться с миром видимостей, где всё множественно и противоречиво. Когда вы это поймёте, вы поймёте также, сколь сильно многобожие поддерживало видимости и противостояло разуму. Пока существовал один бог для солнца, другой — для моря, — наука была остановлена у самых своих истоков. Земля в Сицилии дрожит — это гигант Энкелад двигается; Этна извергается — это Энкелад дышит, и из его огромной пасти вырываются дым и пламя.

Конечно, научный гений не был чужд Пифагору и ярко светит в трудах Аристотеля; но гений приносит плоды только тогда, когда он падает на благоприятную почву. Греческий мир, насыщенный политеизмом, не предлагал такой почвы — и современное язычество тоже её не предлагает. Я открываю Китайский календарь праздников на 1850 год и читаю: 5-й день 8-й луны (10 сентября) — праздник Луи-Чинга, бога грома. Вот вам «наука» об электричестве, сведённая на нет. 27-й день 10-й луны (30 ноября) — праздник богов пяти священных гор. Вот вам и «объяснение» землетрясений без причин. Современный путешественник посещает вулкан на острове Гавайи. Он замечает, как его проводники бросают различные предметы в кратер, восклицая: Aloha Pélé, то есть «приветствую тебя, Пеле». Пеле — богиня подземного огня. Вот вам жертвы, устраняющие геологические исследования.

Чтобы обратить языческие народы к науке, необходимо низвергнуть их идолов — и единственное действенное средство окончательно низвергнуть идолов — это воздвигнуть на их развалинах храм единого, премудрого Творца. Таково, с точки зрения науки, дело христианской проповеди. Ириней, епископ Лионский, во II веке нашей эры, развивал мысль, что «все предметы творения, несмотря на их бесконечное число и разнообразие, находятся во взаимной связи и в гармонии с одним и тем же целым» (Против ересей, II, 25, 2). Это уже не тайная мысль немногих мудрецов, которые, к тому же, продолжали участвовать в идолопоклонстве; это публичное учение, предназначенное для всех возрастов и всех классов общества; это вера Израиля, озаряющая весь мир. Одновременно с тем, как она питает благочестие, эта вера даёт прочную основу науке.

Вы пользуетесь всеми удобствами современной цивилизации. Совершенствование машин настолько снизило стоимость промышленных товаров, что это привело к достатку, неведомому нашим предкам. Вам удобно за несколько часов совершить путешествие, которое раньше заняло бы долгие дни. Удобство транспорта позволяет часто встречаться — по делам, ради удовольствий, науки или во имя человечности. Вам приятно успокоить за несколько часов, с помощью обмена телеграммами, тревогу, вызванную заботой о судьбе родственника, друга, ребёнка, находящегося, возможно, на другом конце света. Если вас призовут возблагодарить учёных, которые, ценой трудных и часто бескорыстных ночных трудов, осуществили этот поразительный прогресс, если вам напомнят, что эти люди, хоть и не держат в руках кирку, пилу или мастерок, составляют один из самых трудолюбивых и полезных классов общества, — вы это поймёте. Если к этому прибавят: «Воздайте благодарность Иисусу Христу!» — вы теперь тоже поймёте — если только я не напрасно трудился этим вечером, и моя речь не была тщетной.

Несомненно, легко сделать карикатуру на только что высказанные идеи. Если, выходя из этого зала, вы скажете встреченному на улице знакомому: «Нам только что сообщили, что Иисус Христос изобрёл машины, телеграф и железные дороги», — это вызовет улыбку.

Но если вы скажете: «Нам указали на влияние учения о едином, всемогущем и премудром Боге на движение мысли, породившее современную науку, а через науку — промышленность», — то, если при этом и появится улыбка, она будет, по моему мнению, либо улыбкой неведения, либо предубеждения.

† † †

Краткий обзор второй лекции вернуться к содержанию >>>

Навиль рассматривает Иисуса Христа в роли Учителя человечества. Он задаёт вопрос:

- Чем отличается учение Христа от других великих учений?
- Почему Он учил с такой властью?
- Что именно делает Его Учение уникальным — и в чём заключается его истина?

Цель лекции — показать, что Христос — не просто нравственный проповедник, а учитель, который говорит от Лица Самого Бога, и потому имеет исключительное значение для человечества.

1. Христос как Учитель — общепризнанный образ

- Даже те, кто не признаёт Христа как Бога, часто уважают Его как Учителя.
- Он считается нравственным образцом, духовным авторитетом, вдохновителем любви и мира.
- Но Навиль задаёт более глубокий вопрос:
  — «Можем ли мы остановиться только на этом?»

2. Уникальность Христа как Учителя
- Христос не ссылается на традиции, как раввины или философы.
- Он не развивает учение постепенно, как мыслители.
- Он говорит с властью:
  — «Истинно, истинно говорю вам...»
  — «Вы слышали, что сказано древним... а Я говорю вам...»
- Это — не голос ученика, а голос Законодателя.

3. Учение Христа как откровение
- Христос не просто рассуждает о Боге — Он говорит от Его имени.
- Он утверждает, что знает Отца и являет Его людям.
- Он не только учит, как жить — Он объявляет путь к спасению.
- Навиль подчёркивает: Христос не передаёт идеи — Он открывает истину, дарует свет, требует веры.

4. Содержание учения
- Навиль выделяет 4 ключевых аспекта учения Христа:
  1. Бог — Отец:
     - Бог — не безличная сила, а любящий Отец.
     - Это придаёт всей жизни глубокое достоинство и надежду.
  2. Человек — сын Божий:
     - Каждый человек — призван к личной связи с Богом.
     - В человеке раскрывается величие через смирение и любовь.
  3. Закон любви:
     - Главное — возлюби Бога и ближнего.
     - Христос не отменяет мораль, но углубляет её до духовной и сердечной сути.
  4. Спасение и Царство Божие:
     - Христос говорит о новой жизни, возрождении, будущем Царстве.
     - Он учит, что спасение не достигается делами, а примется с верой и покаянием.

5. Различие между Христом и другими учителями
- Философы ищут истину. Христос утверждает, что Он — сама Истина.
- Учителя указывают путь. Христос говорит: «Я есмь путь, истина и жизнь».
- То есть Христос — не только говорит истину, но Сам является её воплощением.

6. Претензия на абсолютную истину
- Здесь возникает выбор: либо принять Христа, либо отвергнуть.
- Он не позволяет остаться на позиции «учитель среди других».
- Его слова и сам образ жизни говорят:
  — «Я не просто говорю истину — Я Сам есть истина».

Христос — Учитель, Который говорит с властью Бога и требует веры в Себя.
Он не один из великих наставников, а Единственный, Кто может сказать: „Я — истина“.
Поэтому мы не можем ограничиться признанием Его морали: перед нами — не просто Учитель, а воплощённая Истина, к которой человек должен обратиться всем сердцем.

† † †

Господа,

Истина — это предмет разума; и в моей предыдущей речи я стремился показать вам, каков ответ Иисуса Христа на самую возвышенную проблему, которую может поставить себе человеческий ум. Если истина — это предмет разума, то радость — предмет сердца. Подобно тому как растение тянется к солнцу, как животное ищет себе пищу, так и человеческое сердце, ведомое непреодолимым инстинктом, стремится к радости; и если оно не находит её — оно страдает. Желание счастья неистребимо; если оно больше не существует в форме надежды, оно проявляется в форме сожаления.

Это факт, который Паскаль выразил следующими словами: «Все люди стремятся быть счастливыми — без исключения. Какими бы разными путями они к этому ни шли, цель у всех одна. То, что одни идут на войну, а другие — нет, объясняется одним и тем же желанием, которое есть у всех, но сопровождается разными представлениями. Воля никогда не делает ни единого шага иначе, как по направлению к этой цели. Это — мотив всех действий всех людей, вплоть до тех, кто кончает с собой».

Радость — предмет наших желаний, и легко признать, что именно она — наше предназначение. Младенец плачет без видимой причины: можно быть уверенным, что у него нарушено здоровье. Если же он здоров — это проявляется в улыбке довольства или в веселом смехе. Изучите себя в те редкие моменты, когда чувства, мысли и сердце пребывают в покое, когда жизнь течёт без помех, — вы признаете, как признал это Прокажённый из Аосты в перерывах между своими страданиями, — что в самом факте существования и дыхания есть наслаждение. Как только возникает порядок, расцветает радость, словно цветок этого порядка; это — знак здоровья тела и души, это — знак нашего назначения.

Человек идёт навстречу жизни, ведомый желанием счастья. И что он находит? То, о чём сказал поэт:

> «Дни, полные радостей и страданий,
> Смешанных — как дождь и солнце».

Но для тех, кто видит в жизни только существование от колыбели, где укладывают младенца, до могилы, где прячут тело, господствуют не солнечные дни, а дни тумана, дождя и порой — бури. Отсюда — частая грусть и подчас — отчаяние. Когда несчастные доведены до самоубийства, они избавляются не только от жизни как от страдания; но, разочарованные в самых глубоких стремлениях, они отвергают саму жизнь как ложь. Таким образом, существует горький контраст между предназначением, которое указывает нам природа, и участью, которую задаёт нам действительность. Вот почему мы нуждаемся в утешении.

Написав под одной из своих картин слова «Христос — Утешитель», Арий Шеффер выразил одно из самых великих дел Иисуса Христа. Среди всех слов, произнесённых сыном Марии, немногие отозвались в человеческом сердце глубже, чем эти:

> «Придите ко Мне все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас» (Мтф. 11:28).

Эта способность утешать столь очевидна, что привлекла внимание даже некоторых тех, кого Мюссе называет противниками Христа. Чтобы приуменьшить силу этого факта, некоторые писатели Германии и Франции попытались представить (и верили ли они сами в это?), будто в язычестве всё было мирно и светло, будто античность жила в радостном и безмятежном почитании своих богов. Они утверждали, что именно евреи и христиане заразили мир унынием, нарисовав жизнь в мрачных красках и заменив изящные образы Аполлона и Венеры ужасным образом Распятого. Они перефразировали строки, навеянные

литературными теориями весьма спорной ценности, которые вдохновили Буало. Говоря об Евангелии — о Благой вести — Буало написал, не вдумываясь в значение слов, которые употреблял:

«Евангелие уму со всех сторон
Лишь покаяние да муки приносит».
(Буало, Поэтическое искусство, песнь III)

Выходит, человечество языческое было вполне довольным, а христианская религия лишь утешает от печалей, которые сама же и породила? Я не знаю утверждения более легкомысленного по такому серьёзному вопросу! Я даже не буду говорить об Индии — моя позиция в этом случае была бы слишком легко защищаема. В хоре человеческих страданий нет более скорбной ноты, чем та, что доносится с берегов Ганга и склонов Гималаев. Поговорим о Греции — о, такой «весёлой»! Павел из Тарса пишет: «всё творение стенает» (Рим. 8:22). Но кто написал: «Жить в страдании — вот удел, что боги дали бедным смертным»? — Гомер, о котором можно с уверенностью сказать, что он не читал посланий апостола Павла.

Книга Иова, конечно, не весела. Там читаем: «Человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх» (Иов 5:7). Но кто написал: «Для блага людей было бы лучше, чтобы они вовсе не рождались, чтобы их глаза никогда не видели света солнца»? — Теогнис из Мегары, греческий поэт VI века до н. э., который, по всей вероятности, не читал Иова. Кто написал: «Лучше умереть, чем жить, ибо сердце полно страданий»? — Мимнерм, поэт VII века до н. э., тоже, видимо, не заглядывал в Ветхий Завет. Книга Екклесиаста проливает на жизнь мрачный свет: «Суета сует, всё — суета. Какую пользу человеку от всех трудов его под солнцем?» (Еккл. 1:2–3). Эти слова полны глубокой меланхолии. Но кто написал не менее печальные строки: «После высшего счастья — не родиться вовсе и избежать подводных камней жизни, самый счастливый удел для того, кто пришёл в мир, — умереть сразу, избежав участи, как бегут из пылающего дома»? — Эти слова принадлежат Цицерону, который, по всей видимости, не читал Екклесиаста. Геродот, наконец, рассказывает, что траусы — одно из фракийских племён — имели обычай усаживаться вокруг новорождённого и оплакивать страдания, которые ему предстоит вынести в жизни[2].

Тезис, против которого я выступаю, настолько странен, что его трудно воспринимать всерьёз. Да, у римлян и греков были весёлые песни. Они могли призывать Венеру и Вакха под стихи, которые наши поэты посвящают просто любви и вину; но их литература полна грустных нот. Один факт скажет об этом красноречивее, чем любые цитаты:

У древних — греков и римлян — священник был лишь служителем публичного культа, исполнявшим обряды, но не связанным с нравственной жизнью личности. То, что сегодня называют «попечением о душах», в язычестве вообще отсутствовало. Но существовали, вне жречества, люди, избравшие себе профессию утешителей. Они предлагали приходить в дома, охваченные горем. Табличка у двери указывала на дом этих врачей души, которые, подобно врачам тела, выставляли своим клиентам счета за услуги. Литература утешений была обширна. Существовали специальные сборники, где по рубрикам были собраны речи на разные случаи скорби. Потребность в утешении была настолько велика, что стала основой доходного ремесла.

В эпоху появления христианства человечество нуждалось в утешении. А позже? После того как Паскаль заявил в процитированных мною словах, что все люди хотят быть счастливыми, он добавил: «Однако за столько веков никто, не имея веры, не достиг этой цели, к которой стремятся все. Все жалуются: князья, подданные, знатные, простолюдины, старики, юноши, сильные, слабые, учёные, невежды, здоровые, больные — из всех стран, всех времён, всех возрастов и всех сословий».

Слова «без веры» привлекли внимание Вольтера, который в своём издании Мыслей Паскаля написал по этому поводу следующую записку: «Я приехал из провинции в Париж; меня пригласили в прекрасный зал, где 1200 человек слушали божественную музыку; потом всё это общество разделилось на маленькие компании, чтобы поужинать великолепным ужином, и после ужина никто особенно не жаловался на ночь... В этом городе все наслаждаются, или надеются наслаждаться, или трудятся, чтобы однажды наслаждаться... Тогда я говорю Паскалю: мой великий человек, вы сошли с ума?»

Вы хорошо слышите. Человечество не вызывает жалости, потому что в Париже полно людей, которые слушают изящную музыку, устраивают великолепные ужины и потом наслаждаются всеми удобствами, которые большой город предоставляет богатым богемам. Безумие Паскаля состоит в том, что он этого не признаёт. Пишущие эти слова великий насмешник напоминает нам другого, более сильного насмешника. Этот довольный парижанин, когда Франция была полна бедствий, напоминает героя комедии Мольера «Доктор несмотря на себя». Жена Сганареля на соломе, дети голодают; но когда Сганарель хорошо поел и напился, он хочет, чтобы «в доме у него все были пьяны» («Доктор несмотря на себя», акт I, сцена 1). Это весело; а вот что не весело — так это ответ, который вскоре дали события комментатору Паскаля.

Спустя несколько лет после того, как он написал свою почти циничную записку, в том Париже, где все были так довольны своей судьбой, потому что наслаждались или надеялись наслаждаться, гильотина стояла наготове, а каждое утро длинные страницы «Монитора» выходили «весьма красные от человеческой крови». Тогда стало видно, сколько страданий, бед и ненависти накопилось под этим испорченным миром, чьи удовольствия воспевал Вольтер. Из глубин общества, потрясённого до основания, выросло страшное кровавое возмездие за всевозможные насмешки над законами морали, грубо попираемой легкомысленностью и блеском порока.

Кстати, записка Вольтера — всего лишь шутка, вызванная желанием атаковать религию, которую он с несчастьем ненавидел. Этот писатель имел в основе здравый смысл, который прорывался, когда не задевались его страсти и самолюбие. Услышим его рассуждения о человеческом положении, когда он не стремится опровергнуть Паскаля:

«Этот мир, этот театр гордыни и заблуждения,
Полон несчастных, что ищут счастья.
Всё жалуется, всё стонет в поисках блага.
Никто не хочет умереть; никто не хочет родиться вновь.
Иногда в дни наших страданий
Плач мы утираем рукой удовольствия:
Но удовольствие ускользает, проходит, словно тень.
Наши печали, сожаления и утраты неисчислимы.
Прошлое — для нас лишь грустное воспоминание;
Настоящее ужасно, если нет будущего,
Если ночь гроба разрушит мыслящее существо».

Вот безумие Паскаля, изложенное под пером его оппонента. И он говорит не только как Паскаль, но и как Павел из Тарса; он переводит в хорошие стихи мысль апостола: «Вся тварь стонет» (Рим. 8:22). Вольтер писал в прошлом веке. С тех пор мир совершил значительные шаги вперёд. Общественные институты улучшились; у нас есть железные дороги, телеграф, хлороформ... Лёгкость транспортировки продуктов предотвращает голод, столь частый в прошлом; эпидемии, хотя и по-прежнему страшны, стали менее страшными благодаря гигиене. Помощь стала доступнее, причины страданий уменьшились... Я далеко не отрицаю сделанных достижений; но нужны ли нам ещё утешения? Наше поколение счастливее предыдущих? Я не знаю! Человеческое сердце устроено так, что желания растут

вместе с возможностями их удовлетворения. Растущая равенство условий умножает зависть — одно из самых горьких чувств человеческого сердца.

Современный крестьянин лучше одет, накормлен и обеспечен удобствами, чем зажиточный горожанин несколько веков назад; у него больше средств передвижения и транспортировки продуктов. Но счастлив ли он больше своего предка? Я не знаю! Сравнения трудны — оставим их. Я обращаюсь к вам: положите руку на сердце и скажите — если вы взглянете на жизнь между двумя её пределами — колыбелью и могилой — удовлетворяет ли она желания вашего сердца? Вы сторонник учений Фурье? Я не отрицаю долю истины в теории ассоциации, но верите ли вы, что достаточно заменить наши города и сёла фаланстерами (поселениями обеспечивающими всем необходимым сами себя) , чтобы на земле наступило счастье без примесей? Если да — вы очень молоды, либо молоды годами, либо молоды душой...

Я продолжу говорить за тех из нас, у кого другой жизненный опыт, кто, хоть и может принадлежать к числу счастливцев судьбы, часто склонен повторять слова патриарха Иакова и говорить, как он: «Дни нашего странствия коротки и злы» (Бытие 47:9). Повсеместно звучит жалоба на условия человеческого бытия. Откуда она берётся? Можно выделить три источника: страдания, недостаток радостей и смерть. Все три пункта отмечены в стихах Вольтера; давайте их развернём, если хотите, из произведений патриарха Фернека.

Страдания! Тела страдания привлекают наше внимание настолько, что о них не стоит долго говорить. Я не стану рисовать слезливые картины. Не буду говорить о печальных больных в госпиталях или более удачливых, лежащих в постели и обращающихся к врачу, прося совета и лекарства. Не считая так называемых больных, болезнь в разных формах поражает большую часть человечества — во всех возрастах и сословиях. Есть состояния органов, которые, не вызывая видимых повреждений, мешают развитию способностей и лишают радостей жизни. Сколько несчастных, даже не испытывая сильной боли, чувствуют свой дух несчастно связанным цепями материи и справедливо восклицают: «Кто избавит меня от сего тела?» (Римлянам 7:24).

Бедствия тем более достойны жалости, что не вызывают общественного сочувствия и лишены утешения, которое даёт сострадание! Хотя много больных и ослабленных, есть и здоровые, даже в нашу эпоху анемии и неврозов; но, сколько среди крепких тел душ, защищённых от боли? Сколько сломанных или — что ещё печальнее — обманутых чувств! Посмотрите на результаты даже самых законных амбиций. В торговле, искусстве, науке, промышленности — считайте успехи. На каждого, кто добился успеха, сколько жалующихся на неудачи! Фермеры — не единственные, кто сеет и не жнёт, часто видя, как буря уничтожает плоды их труда. Не забывайте о скрытых страданиях; они более жестоки, чем видимые. Поговорите с людьми, допущенными в интимные семейные круги: они расскажут вам, сколько счастливых на вид домов похожи на красивые плоды, которые при разрезании оказываются прогнившими и червивыми.

Не будем рассматривать только одну сторону человеческих вещей. В жизни есть страдания, но есть и радости. Несомненно; однако, многие из этих радостей имеют такой характер: Пока человек надеется на то, чего не имеет, он говорит себе: «Когда у меня будет то или это, я буду очень счастлив» — но обладание обманывает. В момент достижения желанной цели радость может быть сильной, иногда очень сильной; но привычка притупляет удовольствие и рождает пресыщение — мать скуки.

Возьмём пример. Сколько людей, связанных работой, говорят себе: «Когда я накоплю достаточное состояние, как хорошо будет отдохнуть!» Конечно, отдых — это наслаждение, когда он служит передышкой между двумя занятиями, временем, когда уставшие силы восстанавливаются для новой работы; но нет такого удовлетворения, которое, как отдых, в

конце концов, приносит тяжёлую и мрачную печаль. Иногда это происходит даже мгновенно. Один женевский торговец, теперь уже покойный, передал когда-то свой бизнес бывшим помощникам. На следующий день он рано проснулся. Его взгляд устремился в будущее. Что он теперь будет делать? Ужаснувшись пустоте своих мыслей, он зажёг фонарь (была зима) и пошёл к своим преемникам, чтобы снова взяться за привычное дело в роли добровольного работника.

Но разве нет постоянных и растущих радостей? Есть, господа! Они существуют в чистой любви, в чувстве успешной деятельности, в наслаждениях, которые дают искусства, литература, наука; но здесь вступает в игру третья причина всеобщей жалобы — смерть. Смерть — ужасное утешение отчаявшихся. Для счастливцев мира, если их душа серьёзна и лишена надежды на воскресение, смерть — уничтожение всякой радости.

Каждый из нас зарегистрирован в актовой записи под датой рождения. Для каждого ждёт другая дата; пустая строка зарезервирована для упоминания смерти. Задумывались ли вы когда-нибудь, глядя на часы? Следите ли за движением маятника и говорите себе: «Неизвестное мне число этих колебаний измерит продолжительность моей земной жизни. Для меня, для каждого из тех, кого я люблю — своё число!» Дионисий, тиран Сиракуз, узнал, что один из его придворных считает его очень счастливым. Чтобы склонить придворного к более справедливой оценке его счастья, он усадил Дамокла (так звали придворного) за пышный и великолепный банкет; но над головой гостя висел меч, удерживаемый лишь тонкой нитью. Меч Дамокла — страшный и точный образ смерти, всегда нависающей над головами всех людей. Долго думая об этом, чёрная туча покрывает солнце бытия; для предусмотрительного сердца то, что должно умереть, уже умерло.

Эта перспектива неизбежного конца всей земной жизни иногда оказывает замечательное влияние; она может изменить направление жизни. Один человек, завершивший карьеру несколько лет назад на берегах нашего озера, рассказал словами, которые вы услышите, какое воздействие оказал на его душу ясный образ смерти и постоянного приближения к ней. Он учился в Париже.

> «Мне было семнадцать лет, я только что получил много почестей в колледже и был рад этому. Полный надежд, свободный от всяких страданий и печалей, и к тому же очень трудолюбивый, я был счастлив жить. И вот однажды вечером, вместо того чтобы заснуть — я до сих пор вижу ту комнату в общежитии! — я начал размышлять о своём счастье. Эта мечта, простая и почти обыденная, стала величайшим событием в моей жизни.
>
> Я был ещё ребёнком. Через час я стал мужчиной. Я перебирал недавние успехи и строил планы на наступающий и следующий годы. Я видел, как постепенно растут силы моего ума, чувствовал приход таланта. Я выходил из колледжа и начинал новые учёбы, готовящие мою предполагаемую карьеру. В этих учёбах и карьере я надеялся достичь самых блестящих успехов... К тому же — как дополнительный бонус — мне светила крепкая, изобильная и честная слава и богатство, плод труда и славы.
>
> Затем разворачивалась картина большой красоты: я видел великолепное имение среди самой богатой природы; мои любимые отец и мать жили рядом со мной. Затем великая светлая точка картины — душа славы, природы, богатства — идеал, мечтавшийся с раннего юношества, явился во всей своей красоте, в сверхъестественной силе самой чистой, сильной и религиозной любви... И жизнь становилась всё прекраснее и полнее, пока мои годы шли и считались. И я действительно считал годы. Я переходил от юности к зрелости, и эти годы зрелости накапливались.

Вдруг с грустной ясностью я увидел, что отец, достигший возраста, намного превышающего обычную продолжительность жизни, умирает, и я стою у его смертного ложа. Мать, почти обожаемая, пережила меня до глубокой старости. Но и ей суждено умереть. Я, напитанный горем, закрывал ей глаза. Моя сестра и друзья один за другим шли по общей дороге и оставляли меня.

Затем благородная и прекрасная спутница моей молодости, душа моей жизни, вступала в свою зиму, собирала последние лучи и готовилась к уходу. Неужели я переживу её? Нет, и она умерла. Вот она холодная и мёртвая у меня на глазах. Наконец, пришёл мой час, и я лежу на смертном одре. Да, придёт момент, когда я буду лежать, бороться со смертью и умру...

Вот жизнь! Все люди рождаются и умирают так, с начала мира и до конца. Поколения сменяют друг друга, бегут и исчезают. Я видел в одном свете, и в образах, которые ничто не сможет стереть из моей памяти, бесчисленные множества с начала веков до конца, проходящие, проходящие, словно стада, идущие на бойню, не ведая об этом... При виде этого я остолбенел и был словно прикован ужасом».

Этот ужас был плодотворен; он побудил Альфонса Гратри искать и находить утешения христианской веры. Эти утешения мы скоро изучим; но пока другие темы требуют нашего внимания ещё на несколько минут.

Перед лицом боли можно попытаться забыть её. Вы знаете ту формулу, которая так часто и так плохо реализуется: «Тонуть в вине своих забот». Злоупотребление алкоголем у нас, употребление опиума у китайцев — частично результат чувственного влечения, но во многом — результат страданий, которые хотят заглушить в опьянении. Боль, лишённая истинных утешений, в большой мере лежит в основе зарождения порока. Аналогичное явление наблюдается у тех, кто, не скатываясь в позорные крайности, безудержно отдаётся расточительству удовольствий. Оставим эти тяжёлые темы и обратимся к утешениям, предлагаемым мудрецами античности, философами, чьи труды искали утешители души в поисках рецептов.

Три века до нашей эры в Афинах жил мягкий и всеми любимый человек, который в саду под прекрасным греческим небом спокойно беседовал с друзьями. Этот человек, ставший знаменитым, назывался Эпикур. Материалист-философ, он сосредоточил внимание на наслаждениях, происходящих из жизни тела. Он заметил, что функции органов дают наслаждения, доступные каждому, но мы обычно теряем эти наслаждения по своей вине, поскольку всякая излишность приносит больше страданий, чем удовольствий. Поэтому он прописывал своим ученикам умеренность, а порой и воздержание. В итоге он рекомендовал отличную гигиену. Распутники, развратники и вообще все люди могли бы получить хорошие уроки в его школе; но суть его учения ужасна. Цель — поместить человека в состояние покоя, где он в мире наслаждается телесными радостями. Какова цена такого счастья?

Чтобы избежать как можно большего числа страданий и забот, надо отказаться почти от всего, что волнует человека. Отец испытывает радости, которых нет у того, кто не отец, — но сколько мучений! Удовольствия от отцовства не стоят тех страданий, что оно приносит. Амбициозный человек, конечно, имеет великие наслаждения, но, сколько тревог и разочарований! Гораздо лучше ограничиться посредственным положением и скрыться в своем скромном счастье... Давайте жить просто, как звери, не заботясь ни о будущей жизни, ни о завтрашнем дне. (Дени, «История теорий и моральных идей в античности», т. I, стр. 292–293).

А болезни? В болезни есть свои удовольствия, но если боли становятся сильными и жизнь невыносимой? Мудрец тогда не колеблется — он покончит с собой. А что после смерти? После смерти нет ничего; страхи перед будущим судом — суеверия, от которых

освобождает наука. Существует только материя, и когда атомы, составлявшие человеческое тело, распадаются, от человека ничего не остается. Вкратце — мудрец собирает цветы жизни и, если слишком сильно ранен колючками, убивает себя. Вот какая мудрость Эпикура.

В то же время, в том же городе — Афинах, светоче древней мудрости — жил другой человек с суровым лицом, Зенон, глава стоиков. Он заметил, что телесные удовольствия не всегда доступны. Ты не хозяин своему телу, но, по его мнению, хозяин своей душе. Похоти — животные удовольствия. Лучше радоваться силе своей души, побеждать свои наклонности. Надо возвыситься над чувственностью, тщеславием и всеми желаниями обывателей и найти счастье в себе и вещах, зависящих только от тебя. Тогда мудрец будет защищен от ударов судьбы и обретет мир в своей силе, счастье — в чувстве достоинства. Такова мораль стоиков.

Но какова цена такого счастья? Можно посмотреть на двух людей с противоположных ступенек социальной лестницы: императора Марка Аврелия и раба Эпиктета. Оба были воспитаны в одной школе и говорили одинаково. Вот выдержки из небольшого «Руководства» Эпиктета:

> «Рассмотри все, что служит или радует тебя, что ты любишь... Это хрупкая ваза? Если она разобьется — не расстраивайся. Это твой сын, жена, друг, которого ты ценишь? Природа создала их смертными: если они умрут — не будь безутешен.
>
> Ворон издает зловещий карканье? Не печалься. Подумай и скажи: Этот страшный крик не может предвещать мне зла. Он может угрожать лишь моему телу, благу, репутации, жене или детям».

Вот чувства сильно потрясенного сердца; но есть и более глубокая рана совести:

> «Хочешь идти путем мудрости — избавься от мысли: если я не накажу раба, он станет злым. Лучше, чтобы твой раб был злым, чем ты несчастен».

Отказаться от всего, чтобы наслаждаться своей силой и достоинством — вот доктрина. Но если счастье отсутствует? Жизнь тебе не по душе? Ты свободен уйти. Таково правило, и Сенека посвятил целое письмо описанию способов самоубийства. Эти мысли навели Паскаля на резкое замечание:

> «Высшее благо — чтобы ты был доволен собой и благами, которые от тебя исходят. Есть противоречие: ведь в итоге советуют убить себя. О, какая счастливая жизнь — от которой избавляются, как от чумы!»

Не стоит ставить на один уровень две только что описанные доктрины. Зенон превосходит Эпикура, как дух превосходит тело. Он не объясняет вселенную столкновением атомов, а развитием универсального разума, к которому мудрец присоединяет свои мысли. По этому пути он вдохновил учеников высокими словами. В конце Римской республики, когда слабые души толпами шли к Эпикуру, гордые души, в мире всеобщего упадка, окутывались чувством собственного достоинства и искали опору в философии Зенона. Но в вопросе учения о счастье, которое нас сейчас интересует, обе доктрины приходят к одному результату. Обе требуют самоубийства сердца. Они ставят счастье в эгоизм — эгоизм телесных удовольствий или эгоизм духа — и, побежденные очевидностью, при встрече с жизненными бедами могут предложить несчастным лишь утешение смерти.

Античность знала и лучшие мысли. Пифагор, Платон запретили самоубийство, так как человек поставлен в жизнь, как солдат на пост, который нельзя покинуть без приказа командира. Но эти учения, самые красивые в античности, ослабли в эпоху Римской империи. Когда апостол Павел пришел в Афины, он встретил там эпикурейцев и стоиков, которые тогда делили между собой большинство умов.

Кто был Павел? Человек, прошедший через много испытаний. Он был оскорблен, страдал от голода и жажды, избит розгами и заключен в тюрьму; его дело встречало множество неудач; бедствий ему не занимать; но он был утешен и хотел утешить других. Какие утешения он предложил афинянам взамен утешений Эпикура и Зенона? Утешения Христа, на которых мы теперь сосредоточим внимание.

Мы видели, что учение о едином и всесовершенном Боге, укрепляя естественные тенденции человеческого разума, стало основой современной науки; это часть разума в деле Христа. Часть сердца выражается в мысли о доброте принципа вселенной, в формуле «Бог есть любовь» (1 Иоанна 4:8). Бог — не только Вечный, Творец, но и Отец. Идея доброты Бога есть и в книгах Ветхого Завета, часто ярко выраженная, но не с той общностью и превосходством, которые ей придаёт Христос. Именно проливая яркий свет на учение о Божьей любви, Иисус дополняет еврейский монотеизм, одновременно раздвигая его узкие пределы Израиля и распространяя его по всему миру.

Целью Творения, осуществлённого добрым существом, является счастье Его созданий. Заметьте, что это учение точно соответствует фундаментальному и неразрушимому инстинкту, который побуждает нас желать радости. Этот инстинкт в человеческих душах — знак намерения Творца. Наше желание не обманывает нас. Его полное осуществление невозможно в настоящей жизни, в мире, где установленный Богом порядок глубоко нарушен; но настоящая жизнь — не окончательная жизнь, а лишь прелюдия, время подготовки и необходимых испытаний. То, что мы называем смертью — всего лишь переход, кризис существования. Взамен утешений ничтожества, являющихся последним прибежищем мудрости Эпикура и Зенона, Павел предлагает утешения жизни — вечной жизни.

Следует ли из этого, что ученик Христа, будучи уверен в будущем небесном блаженстве, не будет заботиться о бедах нынешней жизни и останется равнодушным, подобно стоику, замкнутому в своей гордости? Такое иногда говорили; веру упрекали в том, что надежда на Небо иссушает источник земных достижений и внушает набожным душам настроения, подобные поведению крысы у Лафонтена: «Вещи земные меня больше не касаются».

Нужно ли объяснять, насколько такая интерпретация христианского учения — будь то со стороны друзей или врагов — является чудовищной ошибкой? Основной долг каждого ученика Христа — работать над облегчением всякой боли, над избавлением от всякой нищеты. Он это знает; но он также знает, что в условиях нынешней жизни всегда будут бедные — бедные в самом широком смысле слова, бедные счастья. Дело Иисуса в отношении человеческих бед двойственно: уменьшить, насколько возможно, всякие беды; дать утешение на ту часть бед, которая всегда останется. Все эти утешения связаны с мыслью о вечной любви, которая составляет их общий центр. Они касаются страданий, недостаточности радостей и смерти. Начнём со второго пункта.

Почему земные радости недостаточны? Потому что мы требуем от них того, чего они дать не могут. Они неспособны заполнить пустоту в нашем сердце, ибо никакая временная и преходящая вещь не способна удовлетворить желания, устремлённые к бесконечному — желания, которые являются залогом и предчувствием более высоких предназначений. Но предположим, что вера достаточно жива, чтобы вещи будущего стали как бы настоящими, чтобы невидимое для телесного глаза стало видимым духовным взглядом. Представьте себе развёртывающуюся за смертью настоящую, совершенную жизнь; что из этого выйдет? Отвращение к земным радостям? Нет, господа, если только не считать исключением болезненную душевную настройку.

Напротив, радости земли, увядшие и поблекшие, ставшие предметом отвращения у тех, кто требовал от них всего своего счастья, вновь расцветают, если просить от них лишь то, что они могут дать. Свет Неба не уничтожает их, он их освещает.

Объясним это сравнением. Вот молодой человек, вдали от своей родины. Он находится в одном из самых прекрасных мест мира, например,

«На счастливом берегу,
Где Неаполь отражает в лазурном море
Свои дворцы, холмы и безоблачные звёзды,
Где цветёт апельсин под вечным чистым небом».
(А. де Ламартин, «Печаль)

Но он тоскует по родине. Везувий для него не прекрасен, лазурное море не чарует, апельсиновые рощи склоняются под дуновением зефира, но не приносят его сердцу никакой сладкой эмоции; ностальгия воздвигает тёмную завесу между природой и его душой. Ему разрешают уехать — и завеса поднимается! Радость возвращения на родину озаряет землю, по которой он теперь лишь проезжает. Он вновь ощущает всю красоту земли, которая ранее была для него лишь печальным местом изгнания.

Такова наша жизнь — место изгнания и страданий для тех, кто требует от неё полного счастья; пребывание, полное знаков доброты Творца для тех, кто видит за завесой смерти вечную родину. Что касается страдания, дело Христа имеет два уровня. Он учит принимать страдание — это низший уровень; и учит любить страдание — высший уровень духовного развития. Принять страдание — элемент общей религиозной добродетели. Учение Мухаммеда носит название Ислам, а «ислам» значит «покорность», «смирение»; но христианство обладает здесь особым элементом — примером своего основателя.

Иисус, однажды предсказывая ученикам грядущие гонения, упомянул и собственные страдания, сказав им: «Ученик не выше учителя; достаточно ученику быть, как учитель» (Иоанна 14:1-3). Сколько страданий было вынесено в покое, благодаря мысли об агонии в Гефсиманском саду и муках на Голгофе! Одна благотворительница из нашего города, лежа на постели боли, говорила с бедной женщиной из Савойи, страдающей от жестоких мучений. Выражая ей горячее сочувствие, она услышала в ответ: «О, мадам, наш Господь страдал гораздо больше». Эта мысль успокаивала и утешала больную. В единении раба со страданиями своего Господина есть нечто большее, чем смирение в духе Ислама.

Принять страдание — это первый уровень дела Христа; второй, как я сказал — полюбить его. Любить страдание! Это не естественно, но, тем не менее, реально. И не обвиняйте меня в противоречии с тем, что я говорил об универсальном и неразрушимом желании счастья. Страдания низшего порядка могут быть преодолены более высокими удовлетворениями. Можно увидеть на мученическом лице взгляд небесной радости; в разрывах сердца душа может ликует в одобрении совести. Сама боль может стать поводом для радости.

Вы когда-нибудь страдали хоть немного ради дела справедливости? Потеряли ли вы что-то или подвергались обидам? Если да, то знаете ли вы, что можно испытывать одновременно два противоположных чувства, и одно не просто превалирует над другим, а преобразует его? Разве не знают вы, что ради доброго дела можно быть счастливым страдать? Только опыт, освещённый размышлением, может научить любить страдание, показав, что оно часто полезно. Страдание закаляет характер, делает человека человеком. Даже для жизни тела боль — «полезная функция», как недавно напомнил один французский врач. (Доктор Шарль Рише, Revue Philosophique, 1877)

Все элементы оправдания боли сконцентрированы, усилены и дополнены в христианской мысли. Христианин приходит к тому, что любит наказание, как больной любит мучительное, но полезное лекарство. Он знает, что страдание даётся ему Отцом, который желает только его блага; и здесь пример Христа подтверждает учение. Не только справедливо, что ученик страдает, как учитель; это один из великих законов духовного порядка — желать походить на тех, кого восхищаешься и любишь.

Сколько верных слуг хотели страдать вместе со своими господами! Сколько детей просили, как милость разделить плен своих родителей! И, скажем, иногда даже с излишком, находились люди, которые любили страдание, потому что Христос страдал, — оскорбления, потому что Он был оскорблён, смерть, потому что Он умер за них. Это подводит меня к третьему пункту моего изложения.

Христос — Утешитель смерти!

Вы, вероятно, уже подумали об этом. Именно Он открыл истину о жизни и бессмертии. С какой твёрдой и простой уверенностью Он говорит о будущем! Однажды, говоря ученикам о своей скорой кончине, Он сказал им: «Да не смущается сердце ваше; в доме Отца Моего обителей много; если бы не так, Я бы сказал вам. Я иду приготовить место вам» (Иоанна 14:1–2). Смерть — всего лишь переход, временное расставание, прелюдия вечного воссоединения.

Путники, поднимающиеся в Альпы в осенний день, часто окутаны влажным и холодным туманом, стелющимся по земле. Но стоит им поднять глаза — и они видят светящиеся вершины, залитые солнцем. Так христианский взгляд пронзает смерть и через тени гроба видит сияющие вершины на вечном небе. Евангельское слово не противопоставляет смерти только учение, но и факт — воскресение Христа. Павел пишет Фессалоникийцам: «Если мы скорбим о потерянных близких, то не как те, у кого нет надежды. Христос воскрес; и воскреснут и умершие во Христе. Утешайте друг друга этими словами» (1 Фес. 4:13-18).

Позвольте мне сделать отступление. Кто-то может сказать мне (и, возможно, думает это кто-то из вас): «Учёные оспаривают факт воскресения Иисуса Христа. Они сопоставляют тексты, спорят о местах, выдвигают возражения. Критическая наука здесь необходима. Прежде чем утверждать воскресение, нужно ответить отрицателям. Вы уходите от темы». — Нет, господа, я не ухожу от темы. Есть учёные, которые не признают, что Христос вышел из гроба; но эти учёные не скрывают, что у них есть проблема: нужно объяснить, как ученики поверили в воскресение Учителя, ибо факт веры в воскресение — вне сомнения. Воскресение оспаривается, а весть о воскресении — нет. Это первичный факт, на котором должна основываться серьёзная научная работа. Решение этой проблемы ускользает, как я уже сказал, от критики текстов, поскольку она неизбежно подчинена принципу веры или отрицания.

Апостолы поверили в воскресение Учителя; эта вера стала одним из источников их проповеди. Всех христиан объединяет вера апостолов в этот вопрос. Сегодня представители разных христианских церквей, собравшись в праздник Пасхи в храме Гроба Господня в Иерусалиме, свидетельствуют своим собранием о вере, которая их объединяет, хотя, увы, их разделяют печальные раздоры. После рассмотрения всех трудностей, которые могут вызвать рассказы о воскресении, любой добросовестный человек приходит к выводу, высказанному современным богословом, г-ном Рёйссом из Страсбурга: «Остаётся неоспоримым фактом, что Церковь, существующая уже восемнадцать веков, построена на этом основании».

Вот факты, на которых строится моё исследование. Если существует историческая истина; если достоверно, что Цезарь пересёк Рубикон, а Бонапарт умер на острове Святой Елены, то также достоверно, что слово «Христос воскрес» провозглашалось христианами от дня, когда Пётр обращался к толпам в Иерусалиме, и продолжается до сих пор. Это факт. Его можно пытаться объяснить по-разному; но кто сможет всерьёз и честно его опровергнуть? Никто. И кто сможет отрицать, что слово о воскресении утешило множество сердец, возвело к небу многие грустные взгляды? Несомненно, никто.

Надежды на бессмертие не являются исключительной собственностью христианской веры. Индус, последователь Вед, и буддист надеются на удачное перерождение. Сократ говорил с

друзьями о перспективах будущего. Катон, покончивший с собой, чтобы не пережить падение римских свобод, искал надежду на жизнь после смерти в диалогах Платона. Вера в бессмертие души настолько естественна для сердца и разума, что она — один из элементов всеобщей религии. Однако эта доктрина часто искажается, порой грубо. У греков и римлян надежда на бессмертие ослабевала, а не усиливалась после эпохи великих учеников Сократа. Сегодня вера в загробную жизнь зависит от веры в Бога; она обычно исчезает у тех, кто отходит от Иисуса из Назарета и его влияния. Кажется, все надежды человечества, как лучи света, вошли в нимб Христа и угасают, когда Он удаляется.

Бог да сохранит меня от презрения к усилиям древней и современной мудрости, стремящейся собрать проблески надежды, исходящие из сердца и разума человека; но я нисколько не умаляю их, говоря, что Христос — великий утешитель смерти. Зайдите в дом скорби. Если вся вера там погашена, вы увидите равнодушие, отчаяние или унылое смирение; затем работает время — отвлекает и заставляет забыть. Пройдите в христианскую семью, оплакивающую умершего. Боли могут быть острыми и горькими, но в них улыбка под слезами, потому что это утешённые скорби, обращённые в надежду. Посмотрите, что происходит на кладбище. Хоронят достойного гражданина земли. Услышите его похвалы. Увы, если это политик, может случиться, что на смерть используют повод для разжигания страстей живых. Ни мысли о будущем, ни луча света свыше над могилой! Мне это всегда казалось холодным, как камень надгробия, мрачным, как звук падающей земли.

Но вот верующие возлагают на землю прах любимого. Они кладут его со слезами, но могут возносить к небу песнь надежды: «Они не потеряны, они опередили нас». Безусловно, Христос победил смерть. Для тех, кто уповает на Него, могила — это лишь оболочка, где куколка возьмёт крылья, чтобы вознестись к небу. Обещания Христа великолепны. Есть насыщения радости в перспективе пребывания, где будут удовлетворены все благородные порывы нашего сердца, где не будет ни слёз, ни скорбей, ни расставаний, потому что смерти не будет. Но это место мира и радости — также место святости. Достойны ли мы его? Для тех, кто всерьёз слушает голос совести, кто верит в справедливость, невозможно не ощутить жгучей горечи слов: «Жало смерти — это грех» (1 Кор. 15:56).

Кто избавит нас от этой горечи? Ответ на этот вопрос будет темой моей следующей речи.

† † †

Краткий обзор третьей лекции вернуться к содержанию >>>

Навиль показывает Христа как утешающую силу для души, страдающей, скорбящей, теряющей надежду. Речь идёт не о «мягком утешении», а о глубоком внутреннем восстановлении, которое даёт только Христос — потому что Он входит в самую суть человеческого страдания и несёт с собой ответ и силу выстоять.

1. Человек — страдающее существо
   - Навиль начинает с признания: страдание — не исключение, а универсальный опыт человека.
   - Боль, потеря, разочарование, тревога, смерть — всё это сопровождает человеческую жизнь.
   - Ни философия, ни общественный прогресс не устраняют эту внутреннюю скорбь.
2. Разные способы утешения — и их недостаточность
   - Философия предлагает стойкость, разум, примирение с судьбой — но не проникает в сердце.
   - Наука может облегчить внешние условия, но не даёт смысла страданиям.
   - Человеческая поддержка важна, но ограничена и временна.
   - Нужен Тот, Кто может войти в глубину человеческой души и утешить её изнутри.
3. Христос — Утешитель страдающих
   - Христос приходит не как учёный, не как герой, а как утешитель разбитых сердец.
   - В Евангелии Он окружён бедными, больными, плачущими, отвергнутыми.
   - Его слова полны нежности и силы: — «Придите ко Мне все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас» (Мф. 11:28)
   - Утешение Христово — не просто сочувствие, а обновляющая сила, несущая покой, надежду, прощение, смысл.
4. Почему Христос может утешить?

Навиль объясняет это на нескольких уровнях:

   1. Он знает страдание:
      - Христос Сам прошёл через боль, одиночество, предательство, смерть.
      - Он не утешает с высоты, а входит в саму суть страдания.
   2. Он дарует прощение:
      - Часто источник душевной боли — вина и раскаяние.
      - Христос даёт не моральное одобрение, а прощение, которое освобождает.
   3. Он обещает воскресение:
      - Он говорит: страдание не последнее слово.
      - Через веру в Него человек получает надежду на вечную жизнь, в которой слёзы будут отёрты.

5. Что такое подлинное утешение?
   - Настоящее утешение — не «забыть», а преобразиться.
   - Христос не убирает страдания, но придаёт им смысл и даёт силы перенести.
   - Он превращает плач в молитву, раскаяние в надежду, смерть в ожидание жизни.
6. Пример христианской души
   - Навиль приводит образ христианина, который:
     — страдает, но не теряет надежды,
     — плачет, но не отчаян,
     — умирает, но с верой глядит в вечность.
   - Этот внутренний мир — плод общения с Христом-Утешителем.

Христос — не просто учитель или пророк, но Утешитель человеческого сердца, знающий страдание и приносящий в него не временное облегчение, а вечную надежду. Он не избавляет от страданий — Он входит в них вместе с нами и даёт им свет и смысл.

Господа!

Из контраста между стремлениями человеческого сердца к радости и страданиями, которыми изобилует жизнь, рождается потребность в утешении. Моральное воспитание рождает чувства иного порядка. Приговор совести внушает мысли о добре, и человек чувствует, что он обязан воплотить добро. Это чувство не столь всеобщее, как то, что было предметом нашего предыдущего рассуждения. Чтобы желать счастья, достаточно жить; чтобы желать стать добрым, совесть должна быть воспитана. Возможно, не существует ни одного человеческого существа, в котором совесть была бы совершенно уничтожена, ни одной души, в которой не тлел бы хотя бы дымящийся фитиль.

Однако история человечества и история нашего собственного сердца учат нас, насколько часто совесть оказывается, если не мёртвой, то, по крайней мере, искажённой, затемнённой, угасающей. Жива ли она? Слушаем ли мы её верно? Освещена ли она истинным светом? Тогда мы начинаем понимать, что существует замысел Творца о счастье духовного общества; что каждому отведено своё место в великом деле, и каждый должен трудиться в меру своих сил на общее благо.

Человек, вознесшийся до этих возвышенных мыслей, ощущает, насколько он далёк от того, каким должен быть; он ясно осознаёт свою несовершенность. И это ещё не всё. Моральное явление не ограничивается лишь чувством несовершенства. Вот художник — поэт, живописец, музыкант. Если у него есть гений своего искусства и он не ослеплён глупой гордыней, он понимает, что его творения далеки от идеала, к которому он стремился. Но если он сделал всё, что мог, он сожалеет о своём бессилии, но не укоряет себя за несовершенство. В нравственном же порядке всё иначе. Перед лицом совести, которая открывает человеку замысел Божий, он ощущает не только своё несовершенство, но и свою вину. Так рождается чувство нравственного зла, или, называя вещи своими именами, — чувство греха. Суть греха, как сказал Паскаль, — в наличии воли, противоположной той, которую мы познаём в Боге.

Из страдания рождается нужда в утешении; из чувства греха — нужда в прощении. И вот это — вход в христианскую жизнь. Иисус Христос не провозглашал Себя тем, Кто помогает несовершенным существам исполнить своё предназначение; Он пришёл спасти погибших. Когда к Нему обращались за исцелением телесных недугов, Он пользовался случаем, чтобы обратить мысли от телесных болезней к болезням души и обещал прощение, в осуществлении которого называл Себя посредником.

Идеи греха и прощения не являются исключительной принадлежностью христианства. Я открываю китайский календарь, о котором уже говорил. Там, на 30-й день 5-й луны (5 сентября), указано религиозное торжество, целью которого является получение прощения грехов. Я читаю Веды — древний сборник индийских молитв — и нахожу:

> «Я взываю к Тебе, о Варуна, желая узнать мои грехи...
> Мудрецы все сказали мне одно и то же: „Это Варуна гневается на тебя...“
> О Варуна, даруй нам отпущение — за грехи отцов и за те, что мы сами совершили».

Чувство греха и потребность в искуплении — один из истоков жертвоприношений, о которых мы ещё будем говорить. Это элемент всеобщей религии. Но что отличает Христианство — так это то, что оно сделало эти идеи центральными и основополагающими для благочестия. Возьмите сборники языческих молитв (их число с каждым годом растёт благодаря трудам учёных). Вы увидите, что главные просьбы касаются земного благополучия: победы над врагами, плодородия земли, успеха в делах. В то время как христианину, по слову Учителя, следует просить для земной жизни лишь хлеб насущный — а затем? «Прости нам грехи наши! Избавь нас от зла!» — вот основные элементы христианской молитвы. Это — крик

виновной души, жаждущей прощения и помощи. Пока совесть не пробуждена, пока не пробудилось чувство нравственного бедствия — можно понять лишь часть учения Иисуса; но Евангелие в собственном смысле остаётся закрытой книгой. Из этого можно извлечь важный вывод для воспитания. Воспитание кого? Всех: молодёжи и взрослых, других и самих себя. Нужно помнить, что закон, как говорит апостол Павел, есть наставник ко Христу. Следовательно, нужно в первую очередь в сердце ребёнка — и затем постоянно в душе взрослого — взращивать чувство святости закона. Если это забыть — можно прийти к пагубным последствиям.

Вот пример. Я был тогда ещё совсем молодым, простым студентом, когда меня попросили навестить тяжело больного пожилого человека. Я сказал ему несколько серьёзных слов. — «Сударь, — ответил он мне, — мы все великие грешники! Вы знаете, ругательства... но дурного поступка — нет, ни одного за всю жизнь». Этот человек был воспитан в православной вере. Признание в ругательствах — это была ироничная дань его катехизису; утверждение, что он «никогда не делал зла», — это была искренняя дань его гордости. С тех пор я никогда не забывал, какой мёртвой буквой могут быть заученные наизусть религиозные формулы, если при этом не вступает в силу совесть.

Когда душа искренне открыта для чувства греха, Иисус приносит ей прощение. И это прощение Он особенно связывает со Своей смертью. Однажды Он разговаривал с греками, которых к Нему привели. Он объявил им о Своей скорой кончине, и эта перспектива на мгновение смутила Его. Но затем Он сказал: «Именно для этого часа Я и пришёл» (Иоанн 12:27). Потом Он объяснил Своим слушателям, предвидя крестные муки, что когда Он будет вознесён от земли, то привлечёт всех к Себе. Таким образом, Он указал на Свою смерть как на важнейшее событие всей Своей жизни, как на наисильнейшее средство Своего действия в мире.

Он обозначил это не только словами, но и делом. Когда человек чувствует приближение смерти и сохраняет ясность разума, его последние слова выражают либо основную мысль всей его жизни, либо ту, которую он считает самой важной в этот торжественный момент. У нас есть такой случай в жизни Иисуса Христа. Зная, что это Его последняя трапеза с учениками, Он взял хлеб, преломил его и сказал: «Сие есть Тело Моё, которое за вас предаётся»; затем взял чашу и сказал: «Сия чаша есть новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается» (Лука 22:19–20).

Так было установлено Таинство Вечери Господней — центральное богослужение в великих христианских Церквах, и самое торжественное действие во всех Церквах. Отсюда следует, что по ясно выраженной воле Иисуса, в самой впечатляющей форме, главная мысль, связанная с Его делом Спасителя — это мысль о Его добровольной смерти ради спасения людей. Это — факт, вытекающий с достоверностью из текстов Нового Завета, рассматриваемых как простые исторические документы.

Апостолы в своей проповеди следуют намерениям Учителя. Пётр пишет: «Вы искуплены драгоценной Кровью Христовой» (1 Петр. 1:18–19) — и в другом месте: «Он Сам вознёс грехи наши телом Своим на древо» (1 Петр. 2:24). Иоанн пишет: «Он есть умилостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира» (1 Иоанна 2:2). Безымянный автор Послания к Евреям пишет: «Он явился, чтобы уничтожить грех Своей жертвой» (Евреям 9:26). Когда Павел обращается к язычникам в Афинах, он объявляет им в основании всякой истинной религии существование единого Творца. Но когда он пишет христианским общинам и хочет напомнить им, что характеризует Евангелие, что он говорит? Прежде всего, вот что: «Христос умер за грехи наши» (1 Кор. 15:3). И в другом месте: «Я рассудил быть среди вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор. 2:2).

Вся жизнь Христа — это дело спасения; но внимание Его учеников было сосредоточено, прежде всего, на Его смерти, рассматриваемой как жертва искупления, результатом которой стало спасение мира. Искупление означает выкуп. В те времена, когда европейцы часто становились рабами берберских пиратов, люди, посвятившие себя делу выкупа этих несчастных, создали для этой цели орден искупления. Иисус Христос, своей жизнью и смертью, выкупил людей из рабства греха; Он уплатил цену за должников, не способных рассчитаться. Вот почему Церковь дала Ему титул Искупителя, хотя, если я не ошибаюсь, это имя нигде не применяется к Нему в текстах Нового Завета.

Это дело искупления Иисус называет делом Бога. Это Бог Отец послал Его, чтобы через Него был спасён мир. Бог так возлюбил мир, что отдал Своего Единородного Сына. Апостол Павел выражает эту мысль так: «Во Христе Бог примирил с Собою мир, не вменяя людям их грехов» (2 Кор. 5:19). И в другом месте: «Через Него Отец хотел примирить с Собою всё, установив мир кровью Креста» (Кол. 1:19–20). Такова формула апостольского учения. Как это понимать? Каков механизм этого искупления? Какова природа связи между Небесным Отцом и Сыном, через Которого совершается дело искупления? Как жизнь и смерть Сына Марии являются проявлением вечной любви? Невозможно рассматривать эти вопросы, не вступая в глубины богословских учений о Троице и Воплощении. Я не могу это сделать, не выходя за рамки своей программы. Прежде чем искать догматическое объяснение, как мы уже говорили, нужно решить вопрос: Что мы должны думать о Христе? Собрать данные для ответа на этот вопрос — единственная цель нашего исследования.

Собирая эти данные, я отмечаю один факт: Христианская Церковь основана на проповеди дела Бога по искуплению мира. Чтобы исследовать, как совершается это дело, необходимо сначала признать его реальность; иначе метод был бы серьёзно нарушен. Я обозначил первый факт — природу христианской проповеди; теперь отмечу второй — влияние этой проповеди. Это влияние проявилось в том, о чём мало думают — в действии христианской проповеди по отмене человеческих жертвоприношений. Обряд человеческих жертв был, возможно, универсальным и в любом случае очень распространённым. Историки подтверждают это, а археологические раскопки, которые сейчас так активно ведутся с целью получить сведения о доисторических эпохах, обнаруживают человеческие останки, по-видимому, относящиеся к жертвам.

Является ли эта ужасная практика прерогативой только самых древних и первобытных времён? Совсем нет. В 1836 году англичане обнаружили, что в одной из провинций Индии народность под названием хондов практиковала массовые человеческие жертвоприношения. Жертвы приносились богине земли Бере для плодородия почвы. Их добывали войной, кражей или покупкой, а когда пленных, украденных и купленных не хватало — приносили в жертву детей из местных жителей. Во время особо торжественных праздников несколько деревень собирались для церемонии и приносили в жертву до двухсот человек в день. Английская администрация была потрясена этими открытиями и активно работала над реформированием нравов этих народов. Она приняла для этой работы помощь французских миссионеров. Месье Бартелеми Сен-Илер, который писал об этих событиях в «Journal des Savants», отметил редкий и благородный пример объединения французских католических священников с английскими офицерами и протестантами в общем благом деле. Надеюсь, мы все разделяем его мнение. Мы все желаем того дня, когда члены различных христианских общин объединятся гораздо сильнее, чем сейчас, чтобы работать вместе, в духе своего общего главы, ради святого дела человечества.

Счастлив будет тот день, когда Церкви прекратят многие словесные споры и перьевые баталии, которые только вредят, чтобы соревноваться главным образом в рвении к деланию добра, и будут использовать в неизбежных конфликтах лишь оружие убеждения и самоотверженности.

Когда англичане обратились к вождям хондов с просьбой отменить эту ужасную практику, те ответили: — Мы всегда приносили в жертву людей; наши отцы передали нам этот обычай, и мы исполняли его, не считая, что делаем зло, а полагая, что делаем добро. В конце концов они поддались влиянию европейцев и решили приносить в жертву лишь животных. Похоже, что жертвоприношения людей прекратились в этой части Индии с 1854 года, но они всё ещё практикуются в Африке, Океании и, возможно, в некоторых районах Азии. Каковы истоки этого обычая? Жертвоприношение содержит элемент дара. Подобно тому, как люди дарят дары земным князьям, чтобы расположить их к себе, возникла идея приносить дары богам. Но элемент дара — не единственный. В жертве есть также элемент искупления.

Это замечание было сделано в 1870 году на Международном конгрессе антропологии в Болонье профессором Вогтом из Женевского университета. Я ссылаюсь на этот авторитет в большей степени, чем на какой-либо другой, потому что никому не придёт в голову подозревать меня и этого учёного в сговоре ради фальсификации фактов в догматических целях. Как только в жертве появилась идея искупления, «выбранная жертва должна быть тем дороже, чем значительнее грех, который нужно искупить», — и можно понять, почему человек стал считать своего подобного самой ценной из жертв. Исторические свидетельства подтверждают эту мысль. Галлы приносили человеческие жертвы до своей христианизации, и Юлий Цезарь писал, что они считали необходимым жертвовать человеческие жизни, чтобы умилостивить богов. Фернан Кортес, разговаривая с вождём Тласкалы, узнал, что у мексиканцев было убеждение: истинная жертва невозможна без того, чтобы один человек умер ради спасения других.

Ужасный обычай, возникший из религиозного чувства, был усилен каннибализмом. Каннибализм иногда возникал из-за голода, возможно, часто, но не всегда. Его находят в районах с изобилием пищи. У него были и иные причины, чем только недостаток еды, и человеческие жертвоприношения, вероятно, одна из них. Сначала жертв съедали потому, что убивали их; потом убивали, чтобы съесть. Церемонии, которые, возможно, изначально имели суеверный характер, превратились лишь в ужасные пиры, после которых люди, опустившиеся ниже животных, спорили между собой за клыки, полные крови, и за ужасные части тел. Религиозная идея исчезла, задушенная под горой трупов и утопленная в море крови.

Размышляйте, господа, и замечайте глубокую тайну, содержащуюся в том, что человек убивает человека ради искупления собственных грехов. Понятен жертвенный акт дарения; понятна аскеза и самопожертвование в стремлении выкупить свои грехи и умилостивить богов. Но как могла возникнуть идея искупления собственных вольных преступлений через жертву подобного себе, и как она стала одной из причин всеобщего обычая — это остаётся непостижимым. Разумеется, христианская доктрина искупления — это тайна; но, по моему мнению, она не намного более загадочна, чем идея искупления, заложенная в человеческих жертвоприношениях. Трудность постижения одинакова. Однако с одной стороны это тайна безумия и жестокости, а с другой — тайна преданности и любви.

Обычай человеческих жертвоприношений был, таким образом, очень распространён; но как он исчез? Достаточно ли для этого какой-то цивилизации? Нет. Историки спорят о числе жертв, приносимых в жертву в Мексике, которые ацтеки добывали, поддерживая постоянные войны. Обычно называют число около двадцати тысяч в год. Все эти жертвы употреблялись в пищу и составляли важную часть рациона народа столицы. Однако Мексика была весьма цивилизованной во многих отношениях. Сохранился весьма любопытный документ — письмо мексиканской матери к дочери. В нём она говорит о долге женщины, жены, матери с таким тоном серьёзной нежности, что христианское сердце не отвергнет его; она также даёт строгие наставления о скромности и целомудрии, а также о туалете и поведении — признаки настоящей, почти изысканной цивилизации. И вот, господа, когда эта прекрасно воспитанная девушка присутствовала на каком-либо религиозном празднике в кругу семьи, часть

праздника составлял банкет, а главным блюдом была туша раба, принесённого в жертву ради церемонии и тщательно приготовленного. В истории мира мало таких ярких и болезненных контрастов, как этот — безудержный каннибализм среди цивилизованного народа, достойного по многим параметрам уважения и сочувствия.

У греков и римлян публичные жертвоприношения людей относятся к давним временам; однако, когда их запретили на публичных площадях, они нашли убежище в мистериях. В одной из поэм Горация предполагается, что и в его время на тайных, безнравственных обрядах приносили детей в страшную жертву. В трудах Плиния Старшего — почти современника Иисуса Христа (он родился в 23 г. н. э.) — выражается честная радость по поводу императорского указа против человеческих жертв. Этот указ не всегда исполнялся: император Коммод, взойдя на престол в 180 г. н. э., жертвовал детей в мистериях Митры, к которым он был посвящён. Развитие разума и сердца почти повсюду, за исключением Мексики, уменьшило число человеческих жертв и запретило их публичное совершение; однако полное исчезновение этих жертв было вызвано двумя влияниями: в части Азии — Буддой, великим человеком, о котором я вам расскажу, а в остальном мире — Иисусом Христом.

Христианство оказывает двойное влияние: оно останавливает пролитие крови жертв, возвышая идеи и смягчая, очищая нравы. В этом смысле его действие — расширение и укрепление разума и сердца. Затем, и это его особенность, оно удовлетворяет требование совести в искуплении: оно останавливает руки, поднятые на жертвы, посвящённые идолам, именем Великой Жертвы, которая добровольно принесла себя за грехи мира. Даже сегодня в Африке и на островах Полинезии проповедь Евангелия прекращает человеческие жертвоприношения.

Послушайте рассказ современного путешественника об островах Общества:

> «Мы посетили Марайи, или священные камни — последние остатки религии страны. Мы спокойно осмотрели это место, пропитанное кровью, пролитой во имя религии... То, что делало человеческие жертвы на островах Общества особенно ужасными, — это то, что несчастные жертвы всегда выбирались из некоторых семей, выделенных для этой цели из поколения в поколение. Как возникла эта каста рожденных жертв — неизвестно. Многие из этих семей тайно уходили в каноэ в открытое море, предпочитая риск утонуть или умереть от голода ужасной неопределённости своей судьбы, постоянно нависшей над ними.
>
> Когда кто-то приходил к жрецам с просьбой добиться небесной или, вернее, адской милости, ему отвечали, что бог требует человеческой жертвы, называли жертву и выдавали смертельный пропуск — камень жертвы. Тогда человек прятал камень при себе и, собрав друзей, начинал поиски жертвы. С их помощью он находил несчастного, мирно сидевшего под деревом или чинящего каноэ, говорил с ним о погоде, рыбалке и вдруг показывал роковой камень — камень смерти. Испуганный человек пытался бежать; случалась короткая борьба, после которой его сваливали на землю, связывали и нещадно вели к жрецам. О, какое ужасное зрелище это должно было быть! Иногда несчастные избегали охотников и скрывались в горах, где умирали в безвестности.
>
> Погода была слишком жаркой, чтобы мы чувствовали холодок, но тень больших деревьев и спокойная красота пейзажа делали историю этого места ещё ужаснее».

Это не рассказ миссионера или даже серьёзного человека; это слова молодого английского лорда, который относится к нравственным вопросам весьма легкомысленно и религиозным — с оттенком дерзости; но перед лицом отмены человеческих жертв, работы христианских миссий, улыбка исчезает, и на его тронутых губах появляются только что услышанные слова.

Смерть Христа стала началом и самой могущественной причиной Его действия в мире. Оно не вышло за узкие пределы Палестины; именно с Креста Его дело распространилось по вселенной. Какое бы догматическое значение ни придавали Его смерти, эта смерть была и остаётся земной жизнью тысяч человеческих созданий. Теперь перейдём к вопросам, которые касаются нас более непосредственно.

Учение о Кресте, то есть учение об Искуплении, является самым прочным оплотом нравственной и религиозной истины. Я говорил во втором своём выступлении, что монотеизм серьёзно утвердился и сохранился лишь под влиянием христианской проповеди; возможно, сейчас мы увидим причину этого факта. Учение о Кресте действует двояко: оно служит для обращения людей и удержания их в лоне веры.

Прежде — для обращения. Вот Павел, великий миссионер, в Коринфе, Афинах, Риме. Он знает, что жители этих больших городов слышали слова мудрецов. Он цитирует строку греческого поэта и, вероятно, знаком с трудами Сократа и Платона. Однако после слов мудрецов он видит, что идолы стоят и нравы развращаются, а поклонение этим ложным богам скорее усиливает порок, чем борется с ним. Перед его словами идолы начинают шататься на своих пьедесталах. Не естественно ли, что он восклицает: «Бог, Которого вы не смогли познать своей мудростью, открывается вам через безумие проповеди. Безумие Божие мудрее человеческой мудрости, а немощь Божия сильнее человеческой силы» (1 Кор. 1:18, 21, 23–25).

Александр Вине заметил, что если сделать христианство внешне более разумным, отменив доктрину искупления, оно потеряет свою силу. Это может показаться удивительным, но утверждение оправдано фактами. Разве не естественно думать, обращаясь к совершенно одичавшим дикарям: прежде чем сделать их христианами, сделаем их людьми? Такая попытка была. Английские филантропы под руководством Уилберфорса пытались цивилизовать аборигенов Западной Африки без прямого религиозного влияния — попытка провалилась. Губернатор Канады поступал так же с индейцами — тоже безрезультатно. Попытки цивилизации без религии не увенчались успехом.

Другие думали использовать религию, но начиная с доктрин так называемой естественной религии — Бога и бессмертия души, временно умалчивая специально христианские догматы. Эта попытка была предпринята в Америке последователями Уильяма Пенна; она продолжалась полтора века и полностью провалилась. Один миссионер рассказывал, что хотел идти тем же путём: говорил с язычником о Боге, Провидении, но без результата. Вдруг по внезапному вдохновению он открыл Новый Завет и прочитал рассказ о Страданиях Господних. Слёзы дикаря потекли, и он обратился в веру! Брахманы Индии пытаются толковать свою религию в духе монотеизма, отвратить соотечественников от идолопоклонства и привести их к Богу без доктрины Искупления. Какая будет судьба их дела? У меня есть предсказание, но не стану его озвучивать.

Я останусь на твёрдой почве истории и теперь покажу результаты попыток, предпринятых в Европе, чтобы удержать внутри христианства умы, склонные от него удаляться, исключая из веры центральный догмат искупления. Стареющее дерево покрывается мхом и омелой; ветхая постройка разрушается — такова судьба всего земного. В религии, поскольку она проявляется в человечестве, со временем появляются пороки и злоупотребления. Эти пороки и злоупотребления могут оттолкнуть людей, не враждебных основам веры. Отсюда попытки реформы, чтобы предотвратить или исправить отходы. Такие попытки бывают двух видов. Одни остаются в пределах фундаментальной христианской доктрины — о них здесь говорить не буду, чтобы не входить в конфессиональные споры. Другие же стремятся сохранить религию, исключая христианство как таковое. Вот о них и речь. В новое время было три основных таких попыток.

1. В 1796 году в Париже появился культ теофилантропов, сводивший свои заповеди к двум: «почитать Бога и любить людей», исключая Евангелие как таковое.
2. В 1830 году аббат Шатель основал французскую церковь, которая провозгласила своим девизом: «естественный закон, и только он, весь естественный закон», открыто выступая против христианства.
3. В 1844 году возникла церковь немецких католиков, самым громким апостолом которой был Иоганн Ронге, которого на время считали новым Лютером, но который вскоре перешёл к пантеизму.

Общие черты этих новых культов — исключение из религии идеи особого вмешательства и искупительного действия Бога. Их кратковременный расцвет сменился быстрым упадком. Они были замешаны в политические движения. Времени нет рассказать историю этих трёх попыток, ограничусь судьбой самой древней — теофилантропов.

26 нивоза 5-го года (декабрь 1796) пятеро семейных отцов собрались в Париже на улице Сен-Дени, 34, и по итогам конференции опубликовали манифест, где говорилось:

> «Несколько отцов семей, убеждённых, что религиозные принципы — единственная прочная основа хорошего воспитания, единственный сдерживающий фактор тайных преступлений, лучшая утешительная опора в бедах и наиболее действенный стимул к исполнению всех обязанностей, собрались искать способы оградить детей от опасностей безбожия. Они посчитали, что мистические культы имеют много противников, что большинство молодых людей, воспитанных в таких культах, не выдерживают в мире многочисленных нападок и, отказавшись от мистерий, забывают и религию, и мораль. Поэтому они решили привить детям принципы естественной религии, которые никто не осмелится оспорить, если не безумен или совсем развращён; и однажды привыкнув жить по этим принципам, которыми уважают все народы и которые являются основой всех земных культов, они вряд ли откажутся от них и будут добрыми людьми до конца своих дней».

Такова была суть и цель предприятия. Речь шла о том, чтобы придерживаться Кредо Робеспьера, которое, по мнению Руссо, было чистым продуктом разума, принятого всеми народами земли! Надеялись таким образом удержать или вернуть тех, кого мистерии отдаляют от религии. Попытка была честной. Среди теофилантропов были люди выдающиеся: Дюпон де Немур — человек сердца, к которому Людовик XVI обращался в тёмные дни революции: «Дюпон, вас находят там, где вы нужны», и милый автор «Поля и Виргинии» Бернардин де Сен-Пьер. Секта была поддержана правительством: ей позволили использовать некоторые церкви Парижа, в том числе Нотр-Дам. Получила она и небольшое финансирование.

Сначала к новому культу было много желающих, но многие шли из любопытства или чтобы протестовать против католицизма, поэтому толпа быстро разрежалась. Любопытство быстро проходило, и долго терпеть скуку культа, в который не верят, ради простого протеста, не удавалось. Вне Парижа образовались общины в провинции и Италии, но скоро усердие угасло, храмы опустели, деньги кончились, вспыхнули внутренние раздоры, и главный основатель института Шемен с печалью заявил в опубликованном меморандуме, что «теофилантропство проповедовали люди, которых не влекла ни любовь к истине, ни рвение к добродетели, и которые покинули его, убедившись, что здесь нет ни денег, ни должностей».

Две другие попытки, которые я упомянул как аналогичные теофилантропству, имели такой же итог. Надеялись вернуть к культу людей, отдалившихся от него, убрав из веры мистические элементы, особенно доктрину искупления — её центральную тайну. Цель не была достигнута. Считали, что можно привести религию в соответствие с современной культурой мысли — опыт доказал, что выбран путь ошибочный.

Возможно, это удивит вас. Кажется, легче было бы привести умы к идеям о Боге и будущей справедливости, чем к жертве Христа. Религия Руссо кажется проще для поддержания, чем Евангелие. Но это не так: безумие Креста сильнее нашей мудрости. Ваше удивление не опровергает факт, а лишь подтверждает его. Это удивление разделял и я, разделяю и сейчас до некоторой степени, но, если я не ошибаюсь, вот объяснение феномена. Чтобы действовать, человеку нужна радость и надежда. Когда совесть развита (условие привязанности к культу; если совесть притуплена, человек пойдёт не в церковь), чувство греха вызывает печаль, а печаль рождает уныние. Уныние — болезнь души, иссушающая источники жизни и действия. Верните надежду — вернёте мужество! Вот именно так действует доктрина прощения.

Поэтому она с силой воздействует на души язычников. Идите к бедным дикарям, у которых во рту кусок человеческого мяса, и чья совесть, пробудившись, осуждает их жестокое и нечистое прошлое. Просто скажите им о Боге, Его законе, Его справедливости — ваши слова будут для них не лучом света, а молнией, убивающей! Расскажите им о Боге, который оправдывает грешников — их сердца смягчатся. И мы, господа, хотя и не несем на совести людоедских обедов, не нуждаемся ли и мы в слове прощения, которое снимет тяжесть нашего прошлого и станет началом новой жизни? Общее и расплывчатое представление о Божьей доброте не заменит центральную доктрину Евангелия. Говорить лишь о Божьей доброте, не уделяя места Его справедливости — значит ослаблять совесть.

Если пойти по этому пути, скоро скажут: «Не стоит всё преувеличивать; грех не так уж страшен; Бог — добрый Отец, не требующий слишком многого от нашей слабости». Это путь к пропасти, ибо святость закона скрывается за вуалью, и нравственный порядок разрушается в своей самой основе. Ставьте себя же перед Крестом, где через жертву проявляется доброта Бога, прощающего! Это тайна, конечно, но размышляя о ней, вы увидите неразрывное единство святости закона, серьёзности греха и широты высшей милости. Тогда сохраняются два столпа морали: справедливость и любовь.

Если она (доктрина искупления) необходима для жизни, потому что питает источники надежды и мужества, то не менее она нужна — а возможно, ещё больше — чтобы умереть в мире с собой. Подойдите к умирающему! Его совесть говорит; он верит, что за завесой смерти есть нечто. Мысль о справедливости его страшит; расплывчатая идея Божьей доброты не отвечает состоянию его тревожной совести. Если вы не принесёте ему слово прощения, что же вы скажете? Он умирает.

Я не игнорирую пагубных иллюзий, которые могут вызвать обращения в веру в последнюю минуту. Чтобы исправить целую жизнь эгоизма, чувственности, скупости и лжи, конечно, недостаточно просто благоговейно прочесть несколько стихов из Библии, креститься или поцеловать распятие. Я знаю суровые слова, которыми Сорэн, великий протестантский проповедник, бичевал трусливую снисходительность некоторых духовных лиц у постелей смертников, забывающих о заботах своего Господа. Но, насколько человеческий взгляд может проникнуть в такие тайны, бывают искренние обращения в последнюю минуту; бывают преступники, поражённые истинным раскаянием, и к ним применимо благословенное слово, которое однажды распятый сказал другому распятому: «Сегодня же будешь со Мною в раю» (Лука 23:43).

Вот тайна силы Креста; вот почему, если её убрать, соль Евангелия теряет вкус. Это — залог прощения для отчаявшегося грешника, условие возрождения, надежды, силы и жизни. Это также объясняет странные судьбы этого знака спасения. Привычка мешает нам почувствовать странное сочетание слов в выражении «Крест почёта». Монархи присуждают кресты, как знак отличия, людям, чьи заслуги они хотят отметить, придворным, пользующимся их милостью, или настойчивым ходатаям, от которых нужно, наконец, избавиться. Крест изображён на коронах царей и шпилях церквей. Швейцария и Италия

поместили на своих знаменах белый крест на красном фоне; красный крест на белом фоне — знак нейтралитета скорой помощи. Всё это нас не удивляет. Однако изначально крест был древом бесчестия, орудием казни рабов и самых низких преступников.

Чтобы понять суть, снимите с Креста золото и бриллианты; не смотрите на него, как он вырисовывается на голубом небе в повороте горной тропы. Представьте себе дерево смерти, человека, прибитого к этому дереву в муках медленной агонии, кровь, стекающую капля за каплей; и представьте, что, гуляя у ворот нашего города, вы могли бы увидеть такую сцену. Так было вплоть до императора Константина. В течение трёх столетий Крест был предметом ужаса, знаком позора. Отсюда — насмешки язычников. При раскопках на месте дворца Цезарей в Риме была найдена комната, где, вероятно, собирались императорские страницы. На стене грубый рисунок изображает распятого с ослиной головой, и под ним надпись, не оставляющая сомнений в намерениях художника: «Алексамен почитает своего Бога».

Даже обращённые язычники не могли избавиться от чувства отвращения и ужаса к орудию казни, свидетелями которой они были ежедневно. Возможно, поэтому в самых древних рисунках катакомб, где встречается много аллегорических изображений, Крест либо не изображён, либо изображён скрытно. Тем не менее, Крест стал знаком христиан, самым распространённым и почитаемым символом их веры. Откуда произошла эта небывалая перемена? Крест утешает, напоминая о страданиях Учителя, чья память помогает ученику переносить свои страдания. Крест учит умирать. Это мысль, которая вдохновила Ламартина в его стихах о Распятии:

«Чтобы прояснить ужас этого узкого прохода,
Чтобы поднять к Богу их упавший взгляд,
Божественный утешитель, образ которого мы целуем,
Что Ты им говоришь?»
— «Ты знаешь, ты знаешь, как умирать!..»

И действительно, как Он умеет умирать — Тот, Кто в ужасе страшной агонии поручает Матерь возлюбленному ученику, молится за своих палачей и спокойно отдаёт дух Отцу Небесному! Какой пример!

Конечно, господа, я не хочу умалять утешения и уроки Креста, но объяснение судьбы этого знака позора и оскорбления нужно искать ещё в другом источнике. Именно на Кресте прибит залог прощения. Оттуда, прежде всего, исходит его сила, потому что он отвечает на самое серьёзное и глубокое в душе человека — совесть.

† † †

Краткий обзор четвертой лекции вернуться к содержанию >>>

В этой лекции Навиль рассматривает самую сердцевину христианской веры — Христа как Искупителя. Речь идёт о таинстве Креста, о спасении через страдание и смерть Иисуса, и о духовном смысле жертвы, которую Христос совершает ради людей.

1. От Учителя и Утешителя — к Искупителю
   - В предыдущих лекциях Христос предстаёт как:
     — Учитель истины,
     — Утешитель страдающих.
   - Автор переходит к центральному аспекту Его миссии — искуплению вины.
   - Вопрос: если Христос только учит и утешает, достаточно ли этого?
   - Ответ: нет, потому что человек — не только страдающий, но и виновный.
2. Человеческая вина и нужда в прощении
   - Каждый человек несёт в себе грех — не просто ошибки или слабости, а внутреннее искажение воли, бунт против Бога, совесть, знающая вину.
   - Это не устраняется философией, прогрессом или воспитанием.
   - Человеку нужно не только учение и утешение, а прощение и освобождение.
3. Крест — центр христианской веры
   - В центре христианства — не заповеди, не Нагорная проповедь, а Крест.
   - Всё Евангелие ведёт к Голгофе.
   - Страдание и смерть Христа — не трагическая случайность, а добровольное искупление.
   - Христос не просто погиб — Он умер за других, ради освобождения людей от вины и страха смерти.
4. Что значит «искупление»?
   - Искупление — это:
   — Свободное действие любви — Христос не обязан, но добровольно принимает смерть.
   — Замещение — Он становится на место виновного, берёт на Себя последствия греха.
   — Мост между Богом и человеком — через жертву устраняется разрыв, вызванный грехом.
   - Христос не просто умирает: Он делает это ради спасения других.
5. Моральное значение Креста
   - Крест — не юридическая схема, а духовная реальность.
   - Христос принимает на Себя страдание, чтобы дать человеку мир с Богом.
   - Его жертва — совершенный акт любви и послушания, в котором открывается и правда, и благодать.
6. Как человек участвует в искуплении
   - Человеку нужно:
     — Признать свою вину,
     — Принять жертву Христа с верой и благодарностью,
     — Открыться благодати, которая обновляет сердце.
   - Искупление действует там, где вера соединяется с покаянием и доверием.
7. Последствия искупления
   - Устраняется страх перед Богом и смертью.
   - Совесть освобождается от груза вины.
   - В человеке рождается новая жизнь, основанная на любви, благодарности и смирении.

Христос как Искупитель — это сердце христианства. Он не просто говорит истину и утешает страдающих, но берёт на Себя вину мира, чтобы примирить человека с Богом. Крест — это не поражение, а победа любви. И каждый, кто верует, приобщается к этой победе.

Господа,

В 1842 году один весьма уважаемый современный юрист, господин Троплонг, выступал в Институте Франции с докладом о римском гражданском праве. Он закончил его следующими словами: «Христианская философия — основа нашего общественного существования; она питает корни нашего права; и хотя не все это осознают, мы живём больше благодаря ей, чем благодаря идеям, уцелевшим после гибели греко-римского мира».

Иными словами, наша цивилизация имеет множественные истоки: она отчасти происходит от греков и римлян; но среди всех влияний, которые способствовали её формированию, самое значительное — влияние христианства. Однако Иисус Христос не имел никакой политической власти и не хотел её иметь. Нетерпеливые евреи под римским игом пытались возвести Его во главу попытки освобождения и сделать царём, но Он уклонился. Он отказался исполнять гражданские функции.

Один из Его учеников однажды сказал Ему: «Учитель, скажи моему брату, чтобы он разделил наследство со мной». Он ответил: «Кто поставил Меня судьёй или разделителем между вами?» (Лука 12:13–14). Он не согласился занять место судов и воспользовался случаем, чтобы дать урок об алчности. Наконец, Он заявил римскому прокуратору, что Он Царь, но что Царство Его не от мира сего (Иоанн 18:36). Отсутствие всякой социальной власти, которое было условием для Христа, оставалось в течение трёх веков условием для Его Церкви. Христиане не имели доступа в советы Империи; они были вынуждены организовываться вне государства и под его гонениями. Тем не менее этот Царь, который не был из мира сего, оказал на мир влияние более значительное, чем все законодатели и политические органы, имевшие право создавать законы и силу для их исполнения. Как так получилось?

Чтобы понять этот вопрос, нужно различать веру, на основании которой люди, преданные Иисусу Христу, объединяются в общество, устремлённое за пределы этого мира, и принципы, вытекающие из этой веры, которые касаются временной жизни общества и становятся основой цивилизации.

Итак, существует христианская цивилизация. Если отвлечься от учения и культа, существуют христианские народы. Это название может показаться почти насмешкой, учитывая поведение отдельных лиц и политику государств. Но в нём есть серьёзный смысл. Оно обозначает нации, в которых под влиянием Евангелия появились законы, институты и обычаи, глубоко отличающие их от буддийских стран и народов, покорённых саблей Мухаммеда.

Как Иисус Христос осуществил своё законодательное дело? Чтобы ответить, нужно изучить значение одного принципа, который Он положил. Однажды Его спросили, чтобы поймать в ловушку: разрешено ли платить дань кесарю? Если Он скажет «да», патриоты, терпящие иго чужеземцев, обратятся против Него; если скажет «нет», Он станет вождём революционного движения. «Покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». (Матф.22:19-21). Так Он избежал ловушки. Но разве это всё? Нужно быть слепым умом, чтобы не увидеть, что на примере одного инцидента Он провозгласил принцип, преобразующий общество.

Он различает две области и две власти: Бога — хозяина совести; кесаря — хозяина мирских дел. Кесарь — это государство, олицетворённое императором, королём или представленное голосованием собрания или народа. В древнем мире эти две области не были разделены. Римская империя позволяла каждому исповедовать свой культ, но при условии участия в

официальном культе и поклонения статуе императора. То же происходит и в современной Китае: свобода всех культов, но все чиновники обязаны участвовать в церемониях официальной религии; и именно запрет посещать такие церемонии подвергает христиан гонениям. Когда духовное и светское смешаны, никогда точно неясно, регулирует ли государство религию или жрецы властвуют над государством.

Иисус Христос произносит эти слова: «Отдайте кесарю кесарево, а Богу — Божье». Это новый принцип. Кесарево — земное. Кесарь требует, главным образом, денег: христиане будут исправно платить налоги. Кесарь требует послушания: ученики Христа повинуются во всём, что касается его власти; преследуемые, сколь бы многочисленными они ни были, не восстанут. Божье — совесть, и когда императоры захотят, чтобы их боготворили, вся их власть разобьётся о решительное сопротивление не только молодых мужчин в расцвете сил, но и стариков, женщин, дев.

Так ясно разграничены духовный и светский порядки; отсюда два важных последствия. Первое — освобождение религиозной совести. Нужно подчиняться гражданским законам, поскольку это условие существования общества; но есть закон выше человеческих, который уже знал Софокл — высший закон, которому надо повиноваться, прежде всего. Если христианство запретило восстания, то оно предписало энергичное, непреклонное сопротивление, когда совесть нарушена.

Это различие слишком часто игнорировали. В монархиях ещё встречаются, боюсь, сторонники философа Гоббса, который считал, что монарх должен быть абсолютным хозяином совести. Я недавно видел в демократическом городе, который я не называю, плакат, достойный серьёзных размышлений: он требовал от имени очень мощной партии «суверенитета народа в религиозных вопросах». Однако, хотя часто неправильно понята, речь Христа остаётся как вечное зерно свободы. Она действует даже на тех, кто отказывается её реализовывать, ибо нередко противники религиозной свободы осмеливаются нападать на неё лишь, присваивая её имя и надевая её мантию. Освобождение совести, поработённой политической властью — вот первый вывод, вытекающий из разделения, установленного Христом.

Второй — освобождение гражданского общества. Среди учеников Иисуса было двое юношей, сыновья по имени Зеведеевы. Их мать, услышав о славных перспективах Мессии и, вероятно, мечтая о той светской власти, которую многие современники приписывали Ему, подошла к Иисусу и сказала: «Даруй, чтобы один из моих сыновей сидел по правую руку Твою, а другой — по левую в Царствии Твоём». Иисус ответил: «Цари народов господствуют над ними и властвуют над ними великие. Но не так будет у вас. Кто хочет стать большим среди вас, да будет вам слугой» (Матфея 20:20–21, 25–27). Он провозгласил, что в обществе, которое Он учреждает, величие человека измеряется служением другим.

Когда Он говорит о Царстве Небесном, Он говорит с авторитетом, как свидетель Небесных истин; но в земных делах Он отказывается от всякой власти; Он хочет пользоваться лишь свободно принятым влиянием. Он отвергает всякое материальное принуждение во имя религии. Это, можно сказать, программа Христа в этой области. Его влияние на общество должно быть чисто нравственным; чтобы понять природу этого влияния, необходимо взглянуть на христианскую мораль.

В книге Второзакония читаем: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всей душою твоею и всеми силами твоими» (Второзаконие 6:5), и в Левите: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Левит 19:18). Самые продвинутые из иудеев в понимании религиозных вещей сближали эти два места. Однажды Иисус Христос спросил у законника, что в законе важнее всего, и тот ответил, приведя тексты, которые я только что напомнил. Иисус одобрил этот ответ и, приняв изложенное законником краткое содержание закона, добавил две мысли. Он утверждает, что вторая заповедь подобна первой и что весь закон

зависит от этих двух заповедей (Матфея 22:37–40). Апостолы часто воспроизводят подобные мысли: «Кто любит других, тот исполнил закон» (Рим. 13:8). «Всякий закон исполнен в одной этой заповеди: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Гал. 5:14) — так говорит святой Павел. Святой Иаков выражается сходно: «Царская заповедь такова: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Иак. 2:8).

Постараемся хорошо понять смысл двух утверждений, которые Иисус объединил в кратком содержании закона. Вторая заповедь подобна первой: она является её развитием. «Возлюби Бога твоего». Какого Бога? Отца всей человеческой твари. Любить Его — значит исполнять Его волю. Чего Он хочет? Блага всех Своих детей. Значит, нельзя любить Его, не трудясь ради блага всех; любовь к ближнему — непосредственное проявление любви к Небесному Отцу. Поэтому Иисус часто заявляет, что всякое служение Богу, которое не приводит к любви к людям, есть пустое служение. Таков закон любви в самом широком значении этого слова. Любовь — это не только благотворительность, милостыня, но энергичная и плодотворная любовь к человечеству, которая должна существовать всегда, начинаться здесь, расцветать за завесой смерти и составлять связь между землёй и небом.

Чтобы вступить на этот путь, человек, склонный к эгоизму, должен покаяться; именно поэтому необходимость покаяния — краеугольный камень христианской морали. Но человек не одинок; ничто в его совести не происходит без воздействия на общество. Покаяние отдельных людей — это очаг, излучение которого преобразует законы, институты и нравы.

Второе утверждение Иисуса состоит в том, что все обязанности заключены в двойной заповеди любви к Богу и к людям. Моралисты предлагали различные классификации обязанностей. Лучшая, как мне кажется, та, что сводит их к трём классам: достоинство, справедливость и благожелательность. И вот эти три класса включены в закон любви, взятый в общем смысле. Воля Создателя — чтобы люди образовали общество счастливых духов, в котором каждый будет трудиться ради блага других. Это выражение высшего закона.

Из этого можно вывести:

1. обязанности достоинства — Бог хочет, чтобы Его дети реализовали требования духовной природы и создали общество духов, а не животных;
2. обязанности справедливости — каждый должен уважать в другом природу, подобную своей;
3. обязанности благожелательности — нужно не только признавать права ближнего, но и добровольно трудиться на его благо в соответствии с волей Создателя.

Достоинство, справедливость, благожелательность — три второстепенных луча, на которые делится луч любви. Я хочу отметить социальное действие христианства с этой тройной точки зрения, показывая, что требовалось сделать во времена появления Евангелия, и что было сделано. Тема огромна; я ограничусь тремя примерами.

Для достоинства я выбрал гладиаторские бои, так как делать из страданий и смерти ближних развлечение кажется мне самым страшным нарушением достоинства человеческой природы. Второй пример — рабство, как радикальное отрицание справедливости. Что касается благожелательности, я укажу на отношение древности к несчастным. Развернём эти три примера, начиная с последнего.

Человек по природе — существо сострадательное, и это сострадание никогда не угасает окончательно. Ж.-Ж. Руссо, с присущей ему долей преувеличения, отметил верный факт, когда писал: «Вор, грабящий прохожих, всё же прикрывает наготу бедняка; а самый свирепый убийца поддерживает упавшего человека». Везде и всегда есть добрые сердца, добрые дела и благотворительные учреждения; но превосходство христианской

благотворительности над древним миром бесспорно. Среди множества доказательств, которые можно привести в пользу этого утверждения, вот одно, которое достаточно. Оно взято из трудов императора Юлиана, где говорится:

«Кажется, что небрежность наших жрецов по отношению к бедным навела безбожных галилеян на мысль заняться благотворительностью. Наибольший вклад в распространение безбожия внесли благотворительность к чужим, заботы о могилах умерших, лицемерное благочестие жизни. Мы должны действительно практиковать каждую из этих добродетелей... Было бы позором, когда ни один из иудеев не попрошайничает, а безбожные галилеяне кормят не только своих бедных, но и наших, если бы мы пренебрегали нашими нуждающимися... Учите эллинов участвовать в этих благотворительных делах».

Вот свидетельство явного противника Евангелия, признающего явное превосходство евангельской благотворительности. Ничего решительнее не найти. Дух Христа укрепляет сострадание и борется с дурными наклонностями, которые мешают ему. Во всех культах и во всех моральных учениях встречаются предписания о благожелательности; но христианство в этом отношении обладает особой добродетелью, источник которой легко узнать. Евангелие — это милость Божия, милосердие, которое поглощает справедливость. Тот, кто пришёл совершить это дело — Искупитель, что Он требует в обмен на Своё самоотвержение, самоотвержение до смерти? Вы знаете. Прочтите ещё раз этот отрывок, где Иисус описывает грядущее Страшное Суда. Учитель скажет:

> «Когда вы кормили алчущего, одевали нагого, посещали больного или в заключении — всё, что вы сделали для одного из малых братьев Моих, вы сделали для Меня» (Матфея 25:31-46).

Вот источник особого действия христианского учения в деле развития доброты — это Спаситель, который принимает на Себя (позвольте мне использовать торговое выражение) всё, что делается во благо страдающих членов человеческой семьи. Влияние этих слов было огромным. Наши библиотеки содержат тысячи томов и миллионы страниц, но среди всех этих страниц нет ни одной, которую бедняки должны были бы орошать слезами благодарности так же, как эту. Не нужно на этом останавливаться. Влияние христианства на развитие сострадания настолько известно, что его не только не оспаривают, но иногда даже ставят в укор религии. Да, господа, Евангелие упрекали в духе благожелательности, который окружает заботой больного ребёнка, сохраняет жизнь старика и позволяет хромым грустно доживать долю пищи, которой могли бы наслаждаться здоровые.

Высказывались мысли, что лучше оставить слабых умирать, чтобы род улучшился, а мир стал счастливее. Проследите, в настоящем и прошлом, все дела благотворительности, помощи и поддержки, и узнайте, кто их совершал и кто продолжает совершать. Среди деятелей милосердия вы встретите людей с добрым сердцем, не обязательно находивших своё влияние непосредственно в Евангелии; но вы увидите ясно, что самыми ревностными, активными и настойчивыми работниками являются ученики Христа. Позвольте привести по этому поводу один довольно показательный пример.

В 1835 году я присутствовал на богослужении Французской церкви, основанной аббатом Шателем. Прихожане окропляли святой водой портрет генерала Лафайета, а все церемонии носили отпечаток ожесточённой реакции против традиционной христианской веры. Однако среди икон, рекомендованных к почитанию верующими, находился портрет святого Винсента де Поля. Винсент де Поль — удивительный человек, оставивший свой след во всех областях благотворительности; я не знаю ни одного доброго дела, которым бы гордился наш век, которое бы он не начал или, по крайней мере, не задумал и не желал. Откуда же черпал Винсент тот пыл, который прожег его жизнь, не уменьшив при этом её продолжительность?

Христианская вера — семя, плодом которого является милосердие. Если этот плод не появляется, значит семя мертво. Учения Христа очень ясны в этом отношении: вера рождает благотворительность; и, в свою очередь, серьёзная практика благотворительности может привести к вере.

Вот что рассказывает отец Гратри: «Я знаю одного значительного и хорошо известного человека, который уверяет меня, что стал христианином именно таким экспериментальным путём. "Я взял на себя заботу о нескольких бедных семьях, которых сопровождал на протяжении многих лет, подробно изучая их жизнь, задаваясь вопросом: как им помочь обрести благосостояние? Я увидел, что моральный прогресс зависит от религиозного прогресса. Это для меня такая же опытная наука, как и физические законы. Я пошёл дальше. Я посоветовал тем же заняться нескольким молодым людям, сомневающимся в своих убеждениях. Я сказал им начать без предубеждений и пристрастий тщательное изучение нескольких бедных семей, чтобы найти причины и средства. Их выводы были всегда одинаковы: нет прогресса в благосостоянии без морального прогресса; нет морального прогресса без религиозного».

Христианское милосердие проникло в обычаи и, в известной мере, в законы. Однако в последнем отношении опасность состоит, возможно, в излишках. Дела благожелательности должны оставаться в области свободных действий. Закон любви — принцип всякого добра; но любовь закона таит в себе много недостатков, ибо, за редким исключением, пагубно, когда государство выходит за пределы своей собственной сферы — справедливости.

Перейду теперь к несправедливости, и на этом примере — рабству, которое станет второй темой нашего рассмотрения. Несправедливость — отрицание права; рабство — отрицание всех прав одновременно. В древнем обществе раб приравнивался к вещи, к животному. Он был беззащитен перед жестокостью господина, а если рабыня — то и перед его распутством. Что сделало Евангелие? Оно укрепило хорошие элементы разума и совести, которые уже выступали против этого великого социального зла, хотя и безрезультатно. Как оно действовало? Христиане не могли издавать гражданские законы об освобождении рабов, потому что не обладали властью. Проповедовали ли они восстание? Их принципы запрещали это. К тому же менее века до нашей эры Спартак во главе 70 000 восставших рабов охватил Италию огнём и кровью; это восстание, подавленное Помпеем и Крассом, скорее ухудшило участь несчастных, взявших оружие.

Евангелие напомнило, что раб — человек, и что все люди — братья. Прочитайте письмо апостола Павла к Филимону, возвращающему беглого раба — там вы найдёте хартию отмены древнего рабства. Принцип установлен, и Церковь извлекла из него последствия. Она не может издавать гражданские законы, но вводит церковные правила, дух и смысл которых очевидны. Хозяин обязан жениться на рабе, которую соблазнил — союз, совершенно чуждый обычаям и законам античности. Хозяин, который несправедливо избил раба, подвергается анафеме. Рабы должны отказывать хозяину в любом поступке, противоречащем закону Божию. При причащении раб-христианин остается, хозяин — если он только оглашенный или покаявшийся — должен выйти. Рабы могут получить церковный сан и с духовной точки зрения стать выше своего господина.

Так Церковь работала над смягчением положения рабов, а христианское влияние подталкивало к их освобождению. При Траяне, префект Рима Гермес освободил в Пасху 1250 рабов и дал им средства к существованию. При Домициане другой префект Рима Хромац освободил 1400 крещеных рабов, заявив: «Те, кто начинают быть детьми Божьими, не должны больше быть рабами людей». Цель была — добиться гражданских законов, но работа была сложной и медленной. Сначала нужно было преодолеть привычки и интересы собственников. Затем пришли варвары, чьё вторжение, хотя и полезное в некоторых отношениях, имело пагубный эффект — идея силы стала важнее идей справедливости и

права. Однако христианский дух постепенно приносил плоды: рабство смягчалось, менялось, трансформировалось. Работа продвигалась, была почти завершена в Западной Европе, когда произошёл один из самых печальных эпизодов истории.

Португальцы, взяв в плен мавров из Африки, получили от мусульман в Португалии предложение обменять своих соплеменников на чернокожих рабов. Это дало португальцам идею самим отправиться за ними, и 8 августа 1444 года, в этот зловещий день, первый корабль с рабами причалил к европейским берегам. Это начало работорговли чернокожими. Торговля затем приняла огромные масштабы для обеспечения рабами американских колоний; но ошибочно искать происхождение этого отвратительного дела в колониальной экспансии европейцев. Когда первые чернокожие были проданы в Португалии, Христофор Колумб был ребёнком. Все европейские нации участвовали в этом беззаконии: Португалия и Испания начали, за ними последовали Англия, Франция, Голландия...

Рабство, установленное в колониях, на время распространилось и в Европе. В 1762 году — всего около века назад — в Париже продавали рабов! Это подтверждается указом герцога Пентьевра, адмирала Франции, направленным на прекращение этого преступления, в котором говорится: «Франция, особенно её столица, стала публичным рынком, где люди продавались тому, кто даст больше, — нет ни одного горожанина или рабочего, у кого не было бы своего негритянского раба. Мы узнали о множестве таких покупок и с болью видели, как по распоряжению полиции многих негров незаконно удерживали в заключении».

Это зло было случайным и временным в Европе, но в США оно закрепилось с ужасной силой и длилось до наших дней. Но наконец, человеческая совесть заговорила. Сначала она восстала против работорговли, затем произошла эмансипация чернокожих в США на наших глазах. Также в наше время Россия отменила крепостное право; Бразилия провозгласила прогрессивный и разумный закон об освобождении; и можно сказать, что, кроме некоторых незначительных исключений, земля христианских народов очищена от позора рабства. Под каким влиянием происходили усилия, приведшие к этим результатам? Нет нужды рыться в старых документах с неопределёнными результатами — речь о недавних фактах, всё на виду.

Кто в середине прошлого века первым требовал и практиковал освобождение рабов? Американские квакеры, провозгласившие рабство противоречащим Евангелию. Кто с наибольшей энергией и настойчивостью отстаивал права негров в парламенте Англии? Явные христиане: Уилберфорс и Бакстон. Какой дух руководил автором книги «Дядя Том», так сильно повлиявшей на общественное мнение в пользу чернокожих? Твёрдый христианский дух. Какие чувства движут царём России, когда он даровал свободу двадцати миллионам человек? Прочитайте его манифест от 19 февраля 1861 года; он заканчивается словами: «А ныне, благочестивый и верный народ, сделай на челе своём священный знак креста и соедини свои молитвы с нашими, чтобы призвать благословение Всевышнего на твою первую свободную работу».

Но разве философия XVIII века не внесла свою долю в дело? Мы приписываем христианству декрет Конвента, который освободил рабов? Да, господа, без всякого сомнения. Здесь у нас поучительный пример разделения, которое может возникнуть между цивилизацией и верой, породившей её. Когда хотят понять истоки действий людей, нужно гораздо больше учитывать влияния, под которыми формировался их ум, чем теории, которые они исповедуют. Христианская традиция сформировала XVIII век; и благородные умы того времени, хоть и порвали с верой, всё же выражали восхищение моралью Евангелия, под влиянием которой они находились. Отрицаете ли вы реальность этого влияния? Пойдёте ли вы говорить о чистой философии, о простой культуре разума? — Да. Тогда скажите мне, почему философии индейцев, персов, арабов, не лишённые ни блеска, ни силы, не боролись против рабства? Случайно ли, что единственная философия,

принявшая участие в этой борьбе, была философией христианских народов? Нет, господа, здесь нет никакой случайности. Философы XVIII века, работая над освобождением рабов, служили делу христианства. Рабовладельцы США, когда цитировали Библию, защищая свою дурную правду, боролись и предавали дело Евангелия.

Рабство отменено в христианском мире; но оно всё ещё существует, в ужасных масштабах, в странах исламских. Исламские страны по-прежнему открыты для рынка человеческой плоти; и Ислам сохраняет это пятно во всей его отталкивающей мерзости. Арабы и турки нуждаются в рабах для работы. Им нужны искалеченные рабы для охраны гаремов; и в тот момент, когда я говорю, в Верхнем Египте делают запасы негритянских детей, которых калечат, и большинство из которых умирает от последствий этой операции. Африка наполнена междоусобными войнами, целью которых является захват и продажа побеждённых. То, что делается в больших масштабах вооружёнными столкновениями, совершается в малых — другими способами.

Охотники за людьми бродят, словно хищники, вокруг хижин. Когда ребёнок отходит в сторону, его хватают, затыкают рот, чтобы он не мог позвать мать; и если он переживает тяготы и лишения пути, его привозят на рынок. Количество проданных рабов исчисляется десятками тысяч ежегодно; и это число — лишь малая часть пойманных человеческих существ. По самым скромным подсчётам, на каждого негра, который достигает рынка, в пути умирают, по меньшей мере, четыре или пять. Путешественники в Африке пересекали плодородные земли, на которых видны следы обработки почвы и определённой цивилизации. Через несколько лет они находили те же земли пустынными: торговцы рабами забрали и увезли всех жителей. В этих пустынных местах есть дорога, которой можно следовать, не сбиваясь с пути, потому что она достаточно помечена побелевшими костями рабов, умерших в дороге.

Только что основано общество под покровительством короля Бельгии, чтобы положить конец стольким ужасам. Я не хочу умалять заслуги короля Бельгии и его честных соратников; но кто является главным инициатором этого дела? Кто, преодолевая тысячу опасностей и обладая героическим мужеством, видел сцены, преследовавшие его как ужасный кошмар, и издавал крик ужаса и призыв, который раздался на обоих берегах Атлантики? Христов миссионер Ливингстон. Он писал в своём дневнике, среди географических заметок, такие фразы:

1 января 1871 г. — «Отец! помоги мне завершить моё дело в твою славу».

1 января 1872 г. — «Да дарует мне Всемогущий завершить моё дело в этом году! Даруй это мне ради Христа!»

И 1 мая 1873 года он умер в хижине дикарей, после долгой борьбы с тяжёлой болезнью. Негры, которых он считал своими друзьями, нашли его неподвижным и холодным на краю своей постели в молитвенной позе. Ливингстон был английским протестантским миссионером.

Позвольте в этой связи отметить согласие двух главных ветвей западного христианства в деле человечности. 1 августа 1838 года по декрету парламента Великобритании солнце, взойдя над английскими Антильскими островами, освещало уже только свободных людей; а 3 ноября 1839 года булла папы Григория XVI напомнила об усилиях его предшественников в пользу рабов, подтвердила и дополнила их решения и произнесла торжественный и окончательный приговор абсолютного осуждения рабства во всех его формах. От рабов перейдём к гладиаторам.

Путешественники, посещающие Рим, восхищаются развалинами Колизея, самого большого цирка, когда-либо построенного в мире. Это был театр, где устраивались праздники разного

рода; но главными из них, наиболее любимыми публикой, были бои людей, которые калечили и убивали друг друга для удовольствия зрителей. Гладиаторами чаще всего были пленники и рабы, иногда добровольцы, выбравшие эту профессию, иногда даже женщины! Некоторые любили эти кровавые упражнения; но военнопленные, галлы, гордые германцы часто испытывали непреодолимый ужас перед ролью, которую им приходилось играть. В одном только письме Сенека упоминает три самоубийства гладиаторов. Один протыкает собственную грудь мечом, который ему только что вручили, показывая, по словам философа, «что достойнее умереть, чем убивать».

Второй, галл, берёт палку и втыкает её себе в горло. Третий кладёт голову между спицами колеса и таким образом раздавливает её, так что «колесница, везшая его на казнь, послужила для него средством спасения». Бои гладиаторов обходились в огромные суммы. Они стали для богатых римлян средством электоральной борьбы. Когда кандидат хотел завоевать голоса народа, он устраивал большой бой. Императоры иногда были вынуждены ставить пределы этому способу влияния, так как их политические интересы компенсировали недостаток гуманности.

Богатые частные лица не только устраивали для народа бои гладиаторов при жизни; иногда они завещали устроить такие бои в память о себе после смерти. Например, известны последние распоряжения двух римлян, которые завещали на бои в цирке: один — всех молодых людей своего дома, другой — своих красивых рабынь. Я ещё не всё сказал. По-видимому, в Кампании было достаточно древнее обычаи развлекать трапезы зрелищем боёв гладиаторов. Эта практика распространилась по Италии и проникла во все места, где жили римляне, достаточно богатые, чтобы жертвовать людьми ради удовольствия своих гостей. Остановитесь на этой мысли!

Представьте себе в воображении эти долгие банкеты, где кровь лилась из ран одновременно с наливанием вина в кубки! Вообразите себе эти убийства людей, сменяющиеся распутными плясками куртизанок! И где это происходило? У варварских народов? Нет, господа. Это происходило в Римской империи, у народа, который ценил очарование од Горация и нежную гармонию стихов Вергилия; у народа, в котором процветали искусства, у народа, который основал науку права и оставил её нам в наследство. Так вот, в этой цивилизации, развитой во многих отношениях, бои гладиаторов были излюбленным развлечением всей нации. Народ, магистраты, женщины, девушки с энтузиазмом толпились в Колизее, чтобы видеть, как течёт человеческая кровь. Какие нравы! И речь идёт не только о нравах; эти бои были общественным институтом.

Были гладиаторы, содержавшиеся за счёт государства, а игры проходили под надзором официального комиссара, занимавшего высокий пост. Император Коммод спускался сам в арену; но, трус, он был единственным вооружённым и избивал своих жертв дубиной, полагая подражать боям Геракла. Коммод, правда, был всего лишь нечистым и жестоким зверем, одетым в императорскую пурпуру; но Тит, добрый Тит, человек, заслуживший прозвище «наслаждение рода человеческого», Тит отдавал евреев, взятых в Иерусалиме, на бои в цирке. А законы? Известен закон Августа, запрещавший устраивать бои с участием более 120 человек одновременно, но этот закон, впрочем, не соблюдался. Таково было презрение к человеческой жизни в обществе, где проповедовалось Евангелие.

Борьба Церкви была долгой. Противостоять развлечениям, любимым публикой, — трудная задача; здесь нужно было победить вкус, превратившийся в страсть. Эта страсть могла захватить даже добрых по природе людей, как показывает история Алипия, рассказанная его другом святым Августином. Алипий испытывал отвращение к кровавым играм в цирке. Но однажды друзья, словно силой, увлекли его туда; и, согласившись пойти, он решил держать глаза закрытыми. Он какое-то время верно придерживался этого решения; но вот раздаётся огромный шум. Какой же это был крик из уст восьмидесяти тысяч зрителей

Колизея! Алипий открыл глаза; лилась кровь. Как только он увидел эту кровь, он с жадностью впитал жестокость зрелища; не отводил взгляда; впился в это; напился кровавого наслаждения. Это уже был не тот человек, который пришёл туда против своей воли; это был человек толпы, достойный спутник тех, кто привёл его сюда. Он смотрел, кричал, возгорелся; ушёл оттуда с безумным желанием вернуться туда.

Константин запретил бои гладиаторов; но закон не исполнялся. Император Гонорий согласился отпраздновать годовщину своего консульства кровавыми играми в цирке 1 января 404 года. Это последние игры, о которых упоминает история; и вот непосредственная причина окончательного запрета этих жестоких зрелищ. Молодой монах по имени Телемах отправился в цирк. В момент начала боя он бросился на арену, чтобы разнять бойцов. Его убили — смутьяна; но кровь мученика человечества не пролилась напрасно. Кажется, совесть императора была тронута. Гонорий возобновил эдикт Константина и заставил его выполнять. Гладиаторы не появлялись вновь, как появлялись рабы. Испанцы имеют свои корриды; средневековье — турниры, где рыцари добровольно мерялись храбростью; но ни в одном христианском государстве полиция не допускала праздников, где убивали бы людей ради удовольствия зрителей.

Я, господа, лишь привёл несколько примеров, чтобы напомнить о влиянии христианства в пользу достоинства, справедливости и доброжелательности. В истории нашей цивилизации линии добра сходятся к Христу, как в картине Преображения сходятся линии света, проведённые гением Рафаэля. Мы все это глубоко знаем; наши чувства и слова доказывают, что мы это знаем. Некоторые портреты короля Людовика XV носят надпись: Rex Christianissimus (царствующий христианин). Почему это название вызывает горькую улыбку? Из-за резкого контраста между титулом христианина и поведением этого скандального распутника.

Чем больше человек заявляет о своём благочестии, тем более требовательны мы к его поведению. Признайте, что гордость поражает вас больше у священника, чем у кавалериста, злоупотребление вином — больше у пастора, чем у лесничего, скупость или роскошь — больше у епископа, чем у светского человека. В этом отношении противники Евангелия мыслят и говорят, как его последователи. Иногда религию критикуют, перечисляя пороки её приверженцев. Не замечают, что осуждение человека — это дань доктрине, которую он исповедует, и которую упрекают в неверности, потому что знают, что эта доктрина, если её исполнять верно, была бы источником добродетели.

Евангелие, создавшее нашу цивилизацию, — это принцип, который её поддерживает. Почему же христианская вера подвергается нападкам не только со стороны людей, подчинённых дурным страстям — а это всегда будет, — но и со стороны благородных умов, живущих её духом? Вот одна из причин этого печального факта. Это забывчивость заповеди Иисуса Христа: отдавайте кесарю кесарево, а Богу — Божие. На протяжении трёх веков христианская Церковь не имела иной основы, кроме веры своих членов, иных средств, кроме их добровольных даров, иных отношений с правительствами, кроме подвергшихся гонениям. Вера завоёвывала души только силой убеждения и преданности.

С момента Константина всё изменилось. Император заметил, что новая религия завоёвывает его народы, и решил исповедовать её сам. Обратим внимание здесь на существенную разницу между фактами двух порядков. Законодатель должен издавать законы, которые считает наиболее благоприятными для блага народа. Влияние христианства должно было перейти из нравов в законы. Чтобы привести лишь один пример, князь, чья совесть была просвещена Евангелием, должен был отменить бои гладиаторов как противоречащие законам человечности. Это законное влияние, которое религия должна оказывать на общество. Оно поднимает нравственный уровень, а это повышение отражается в лучших институтах и законах.

Но кесарь выходит за пределы своей сферы двумя способами: во-первых, если он издаёт законы о мирских вещах не потому, что считает их социально полезными, а потому, что это законы Церкви; во-вторых, если он устанавливает какие-либо правила, касающиеся веры и культа. Если кесарь занимается религией, всегда существует большая опасность для свободы совести. Ведь суть государственного закона — не обязывать морально, а принуждать. Кесарь носит меч и, если он принимает или издаёт религиозные законы, всегда склонен заставлять их исполнять силой. Отсюда — гонения. Так, увы, происходило в христианстве.

Несмотря на яркие воззвания некоторых Отцов Церкви, после кратковременного периода религиозной свободы, Церковь перестала быть преследуемой, чтобы стать инициатором преследований. Правда, гражданская власть держала ключи от тюрем, разжигала костры и убивала; но за гражданской властью стояла Церковь, которая её вдохновляла, указывала жертв и которую справедливо считали ответственной за совершённое зло. Это положение вызвало естественную реакцию. Потребовали освобождения совести; потребовали, чтобы преобразование церковных законов в гражданские не подчиняло общество власти духовенства; потребовали, короче, режима свободы. Отсюда возникла великая борьба. В этой борьбе дух свободы слишком часто превращался в дух бунта. Многие люди, смешивая совершенно разные вещи, приписывали религиозной вере преступления фанатизма и отдалялись от Христа, потому что гонения совершались от его имени. Вот почему некоторое число душ, по природе своей христианских, оказывается сбитыми с пути в рядах противников Евангелия.

Путаница в представлениях огромна. Послушайте! В интересах религии применяли железо и огонь. А вот чему именно учил Христос об употреблении железа и огня. Небольшой городок самарян отказался его принять: «Неужели мы должны призвать с неба огонь, чтобы поглотил их?» — спрашивали ученики. Учитель их строго упрекнул и сказал: «Вы не знаете, каким духом вы движимы» (Лука 9:54–55). Когда вы читаете историю религиозных преследований; когда с ужасом останавливаетесь перед пытками, истязаниями и кострами инквизиции — тогда, пожалуйста, услышите над этим нечестивым пламенем и преступным дымом голос Учителя: «Вы не знаете, каким духом вы движимы». И ещё выше, в спокойной безмятежности небес, над словом осуждения услышите слово бесконечного милосердия: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Луки 23:34).

Они не знали, что творят, но мы — знаем! Мы знаем, что они на века задержали нормальное развитие христианской цивилизации; мы знаем, что они создали самые могущественные орудия, которыми и сегодня пользуются современные враги религиозной свободы. Вот что Иисус думал об употреблении огня; а вот что — о железе. В момент, когда Его пришли арестовывать, один из учеников выхватил меч, чтобы защитить Его: «Верни меч на место, ибо все, кто возьмётся за меч, от меча и погибнут» (Матфея 26:52). Вот полный отказ от всякой меры насилия. В этих словах две вещи: приказ — «Верни меч в ножны»; и угроза — «Кто взял меч, тот от меча и погибнет». Приказ был нарушен; а угроза?

Быстро пробежимся по истории Франции. 24 августа 1572 года — резня в ночь Святого Варфоломея. Советники короля Карла IX убедили его уничтожить еретиков во имя религии. 22 октября 1685 года — отмена Нантского эдикта. Советники Людовика XIV настояли на изгнании протестантов из страны ради религиозных целей. Идём дальше! В 1793 году преследования коснулись священников всех конфессий, а также простых верующих. Тех, кто провозглашал себя христианином, бросали в тюрьму, отправляя на плаху или под гильотину. Меч, вынутый ради защиты религии, обернулся против своих хозяев. Исполнилось пророчество Христа.

Эти беды, господа, закончатся. В мире всегда будут борьбы и сражения; но если современное общество не разрушит своими руками основы, на которых держится; если дух

Христа, слишком долго не признаваемый, проникнет в институты, тогда мы, наконец, увидим исчезновение с почвы христианских наций последних следов этой отвратительной вещи — религиозных преследований. Для этого что нужно? Вернуться к программе Христа. Государство должно оставаться в своей сфере, а религия — в своей. Только кесарь, государство, может применять силу. Пусть оно никогда не соглашается использовать её в служении Церкви для подавления совести, и только этим фактом будет обеспечена свобода вероисповедания.

Тогда, когда призрак религиозных преследований перестанет тревожить умы, христианская вера сможет вернуть своё социальное утраченное влияние. Она его вернёт, если христиане, верные заповедям своего Учителя, проявят усердие в любом деле милосердия, свободы и справедливости; если их увидят на передовой в любой доброй работе — первыми в бою и последними в труде. Вот так они смогут вернуть в свои ряды не всех врагов своей веры, но многих благородных умов, которые естественная реакция на злоупотребления прошлого вывела из их естественного пути.

† † †

Краткий обзор пятой лекции вернуться к содержанию >>>

Навиль рассматривает Христа как законодателя нового закона, но не в юридическом или политическом смысле, а в нравственно-духовном. Он показывает, что Иисус пришёл не просто провозгласить новые заповеди, а обновить саму суть закона, вложить его в сердце человека. Закон Христа — это внутренняя истина и любовь, а не внешний свод правил.

1. Признание Иисуса как Законодателя
   - Многие признают в Христе Учителя и Пророка, но забывают, что Он пришёл дать Закон.
   - Однако Его закон отличается от Моисеева и от всех человеческих кодексов.
   - Он Сам говорит: «Вы слышали, что сказано древним... А Я говорю вам...» (Мф. 5)
   - Это заявление власти и новизны: Христос провозглашает собственный моральный закон.
2. Отличие Закона Христа
   - Закон Моисея касался поведения, внешней праведности, поступков.
   - Закон Христа касается сердца, намерения, внутреннего человека.
   - Христос делает нравственность внутренним актом:
     — не только «не убей», но и не гневайся;
     — не только «не прелюбодействуй», но и не пожелай;
     — не только «люби ближнего», но и люби врага.
3. Духовность и абсолютность Закона
   - Закон Христа не облегчает мораль, а наоборот — делает её глубже и труднее.
   - Его требования:
     — радикальны (прощение, смирение, жертва),
     — абсолютны (будь совершенен, как Отец),
     — всеобъемлющи (любовь — к каждому).
   - Это закон не по принуждению, а по любви, изнутри, добровольно.
4. Христос — не отменяет Закон, но исполняет
   - «Не думайте, что Я пришёл нарушить закон… Я пришёл исполнить» (Мф. 5:17).
   - Это исполнение:
     — углубление смысла заповедей,
     — преобразование их основания — от страха к любви,
     — воплощение Закона в собственной личности.
   - Христос — живой Закон, Его жизнь — образец нового Закона.

5. Свобода и Закон
- Закон Христа не порабощает, а освобождает.
- Это не давление извне, а зов свыше.
- Закон Божий в Христе — это правда, которая становится радостью, потому что отвечает самой природе обновлённого человека.

6. Закон и благодать
- Закон Христа — свят, высок, строг;
- но Христос — не только Законодатель, но и Искупитель.
- Человек не может исполнить этот закон сам. Поэтому:
  — Закон показывает нужду в благодати,
  — Благодать даёт силы жить по Закону.

Закон Христа — это не просто набор заповедей, а путь внутреннего преображения, путь любви, истины и свободы. Он требует всего сердца, но и даёт силу жить по нему через благодать. Христос — не только Учитель, но и Власть, Законодатель, голос Которого обращается прямо к совести человека.

† † †

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ. ХРИСТОС — ГОСПОДЬ

вернуться к содержанию >>>

Господа,

Христос объявил Себя не только Утешителем, Спасителем и Искупителем. Однажды ученики обратились к Нему, назвав Его: «Учитель и Господь». И Он ответил: «Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то» (Иоанна 13:13). Та Господская власть, которую Он принимал, была властью всеобщей. Когда Он поручает ученикам распространять Своё учение, Он говорит им: «Идите и научите все народы» (Мф. 28:19). А за мгновение до этого Он сказал о Себе: «Всякая власть на небе и на земле дана Мне» (Мф. 28:18). Апостол Павел, полный веры в слова Учителя, утверждает, что у Иисуса «есть имя, превыше всякого имени» (Фил. 2:9–11).

Однако реалии, которые мы наблюдаем на жизненном опыте, не кажутся соответствующими этим словам. Среди народов, внешне христианских, множество людей всех сословий отказываются признать верховенство Иисуса Христа; а среди тех, кто принимает Его, есть множество упущений, несоответствий и страданий самого разного рода. К тому же, что представляют собой так называемые христианские нации в целом населении мира? Статистика, даже в цивилизованных странах, остаётся делом трудным и подверженным ошибкам; тем более нельзя ей доверять, когда речь идёт о варварских или диких народах. Тем не менее современные исследователи полагают, что на земном шаре проживает от 1,3 до 1,4 миллиарда человек, из которых христиане составляют немного менее трети.

(На 1 января 2025 года население земли достигло 8,19 млрд, христиан примерно 2,38 млрд человек — это ≈ 31,1 %) Прим.Ред.

Поэтому всеобщего господства Христа далеко ещё не достигнуто. Это правда; но не забудем, что, говоря о Своей власти, Иисус не обещал, что она будет немедленной или быстрой. Одним из образов, которыми Он выражал судьбы Своего дела, была маленькое зёрнышко, которое постепенно вырастает в большое дерево. Он предвидел и предсказал гонения для носителей Слова Своего. Он не сказал, что все примут Его Слово; напротив, Он сказал: одни услышат, но не поймут; другие примут с радостью, но отступят при первом гонении; третьи помешаются остаться верными из-за житейских забот и страсти к богатству. Он заявил, что зло, изображённое в виде плевел, будет смешано с добрым зерном до конца

времён. Когда человек охвачен великой идеей, первая волна энтузиазма обычно толкает его поверить в немедленную победу дела, которое он принял; затем приходят разочарования и уныние. Но у Христа иное отношение; Его взгляд исполнен спокойствия и уверенности. Он знает, что дело Его свершится, но медленно и через тысячи препятствий. Для нас, живущих всего несколько лет, девятнадцать веков — большой срок; для дела, которое должно охватить весь мир и подготовить вечность, это немного. Взгляд Иисуса, созерцающего плоды Своей власти, разделяет видение Того, кто терпелив, потому что вечен.

Важно заметить, что именно власть, а не новизна идей и чувств, составляет особенность проповеди Евангелия. Евангелие — это восстановление, а не создание человеческой природы. Совесть, сердце, разум — реальные, но затемнённые, а не уничтоженные царством зла. Нет почти ни одной нравственной истины или добродетели, зародыш которой не встречается в древних письменах; но эти зародыши безплодны. Единобожие было угадано Мудрецами; но идолы стояли и после Сократа и Платона. Стоики провозгласили принципы права и поднялись до идеи человечности; но они серьезно не изменили ни законов, ни нравов. Милосердие выразилось в сочинениях индийцев, а Цицерон дал ему имя; но в языческом мире бедняки были относительно заброшены, а гладиаторские бои были забавой римского народа.

Для славы Христа не нужно умалять высокую нравственную ценность Будды, клеветать на Сократа или унижать Регула. Его несравненная слава — в том, что он посвятил всю свою жизнь и добровольную смерть для оживления добрых начал человеческой души. Именно в этом особенно проявляется сила, развитие которой мы теперь будем изучать, рассматривая его в трёх аспектах: установление христианской Веры, её поддержание и распространение.

Для рассмотрения установления учения Иисуса и степени власти, которую предполагает это установление, не будем рассматривать всю планету, даже не Римскую империю; если хотите, сосредоточимся на одном городе — Коринфе. Коринф — город богатый торговлей, украшенный плодами искусств, возвышенный литературной культурой, печально знаменитый роскошью и развратом. Через одно из его врат входит Павел из Тарса. Кто он? Не простой лодочник, как Пётр и Иоанн, а образованный человек. Он знал иудейскую науку и не был полностью чужд греческой литературе. Однако, как сказал Боссюэ, он пришёл в эту изящную Грецию, мать философов и ораторов, с резкой, чуждой интонацией. Чем он зарабатывал на жизнь? Он был ткачом — своими руками делал ткани для изготовления палаток. И в великолепном Коринфе, где сосредоточены культуры Греции и могущество Рима, он живёт у ремесленника того же дела, еврея, изгнанного из Рима с соотечественниками указом императора.

Вот в каких условиях Павел прибывает в Коринф. И что он предлагает жителям этого города, известного пороком? Мораль, которая бросает вызов всем плохим страстям человеческого сердца. Перед идолами и статуями Императора, которым полагалось поклоняться, он провозглашает духовное владычество неизвестного еврея. Какой новый культ он хочет поставить вместо прекрасных обрядов Греции? Безусловно, христианство породило великолепное искусство. Когда под сводами готического собора звучат великие произведения сакральной музыки, можно задаться вопросом, равны ли или превосходят ли наши искусства искусствам античности. Это вопрос вкуса. В целом искусство — один из элементов цивилизации, который изменил христианство, не утверждая, что оно усовершенствовало его. Но когда Павел пришёл в Коринф, христианское искусство ещё не родилось; приходилось собираться в бедных комнатах и оставлять храмы, руины которых вызывают наше законное восхищение. Представьте себе этого ткача, входящего в город, где соединялись греческая культура и римская мощь, с намерением завоевать его для Распятого, которого он называл своим Учителем. Он остаётся там восемнадцать месяцев и основывает большое собрание, зачаток завоевания города и империи!

Для установления Евангелия нужно было преодолеть внешние трудности и сопротивление; но это не всё. Подумайте о трудностях, исходящих изнутри христианских общин. Скверны человеческого сердца вошли вместе с людьми в новорожденную Церковь. Павел должен был сурово наказывать за инцест; он говорит о профанациях причастия, о раздорах в собрании верующих. С самого начала Церковь была подобна осаждённой крепости, атакуемой врагами снаружи и предаваемой своими защитниками. Тем не менее, Евангелие утвердилось, и если оценить силу препятствий, с которыми оно столкнулось, удивляет относительная быстрота его утверждения.

Император Нерон однажды безумно решил поджечь один квартал Рима — либо ради зрелища, либо чтобы расчистить место для новых построек. Когда народ возмутился, он захотел отвлечь подозрения и, пользуясь ненавистью к христианам, обвинил их в поджоге. Он распял их на крестах, бросал на съедение зверям на аренах, смазывал смолой и использовал как живые факелы в своих садах. Историк Тацит, рассказывая об этом, замечает, что «это ужасное суеверие» (так он называет христианство), хоть и было на время подавлено, вновь распространялась, не только в Иудее, где возникло, но и в Риме — «канализации мира». Именно при Нероне, во времена, когда Павел погибал мучеником за веру, серьёзный историк писал о распространении христианства. Это примерно 64 год нашей эры, спустя тридцать лет после смерти Иисуса, когда Тацит называет учеников Христа «многочисленным народом».

В конце второго века Тертуллиан гордо обращался к язычникам: «Мы — всего лишь вчерашние, а уже заполняем ваши города, острова, замки, деревни, советы, военные лагеря, племена, центурии, дворцы, сенат, публичные площади; вам остаются лишь ваши храмы. Без оружия, без мятежа мы могли бы бороться с вами, просто уйдя; если бы такая масса ушла в отдалённые края, потеря стольких граждан любого ранга была бы для вас наказанием; вы боялись бы своей пустоты, молчания мира, казавшегося мёртвым… Ваши изощрённые жестокости ни к чему не приводят. Мы умножаемся, когда вы нас косите; наша кровь — семя христиан» («Apologeticum»).

Нужно ли видеть здесь преувеличения страстного защитника? Нет, господа. Ещё до Тертуллиана Плиний писал императору Траяну в известном письме, касающемся преследований христиан: «Дело показалось мне достойным размышления, особенно из-за числа людей, подвергающихся опасности. Множество людей всех возрастов, положений и полов вовлечены и будут вовлекаться ежедневно в это обвинение. Эта заразная болезнь распространилась не только по городам, но и по селам и деревням»

Плиний объясняет, что до принятых им мер и их действия, храмы были почти пусты, жертвоприношения заброшены, жертв почти не продавали. Не прошло и сотни лет с тех пор, как был поставлен крест Христа, а языческий правитель писал эти слова. Кроме того, ничто лучше не свидетельствует о большом числе христиан и их влиянии, чем принятие нового культа Константином, который сделал христианство официальной религией империи. Вот кратко об установлении евангельского учения; теперь рассмотрим, при каких обстоятельствах оно сохранялось.

Константин вознёс христианство на императорский престол, но старый мир не считался побеждённым. Скипетр перешёл к Юлиану — ученику философов и ораторов, страстному любителю греческой литературы, цивилизации эллинов, памяти прошлого и исполненному глубокого презрения к галилеянам. Он призвал к сопротивлению, используя все оставшиеся инстинкты общества, приложил весь вес императорской власти и развязал христианству войну, тем более опасную, что она была умелой и сдержанной в формах. Потом пришёл Мухаммед и миссионерство меча, чьи успехи были поразительны. Мухаммед умер в 632 году; всего через столетие — в 732 году — Карл Мартелл сражался при Пуатье с

мусульманами, владевшими Испанией и Португалией, которые перешли Пиренеи и двигались к сердцу Франции.

К этим внешней борьбе добавлялись внутренние беды. С самого начала, как мы видели, скверны человеческой природы проникли в христианские общины. После Константина, когда христианство стало официальной религией, ситуация усугубилась. Совершенно не обращённые массы стремились войти в Церковь, неся с собой свои привычки, страсти и пороки. К тому же к интересу присоединилось, увы, насилие. Возьмите хронологический справочник и посмотрите на дату 777 год: там написано: «Карл Великий заставил саксов принять христианство». Факт таков: саксы оказали энергичное и упорное сопротивление, которое было сломлено лишь после многих кровопролитных боёв. Император приказал им креститься, а к силе оружия добавил другой метод — угощения.

Я не беру сведения у враждебных христианству памфлетистов, а у серьёзного и верующего историка: Цезаря Кантю. Вопрос ставился так: умри или ешь! Многие солдаты предпочли есть — побежали креститься и после крещения садились за стол. Гордые вожди сопротивлялись дольше. Эти факты, господа, вызывают у вас улыбку. Как они одновременно отвратительны и смешны — можно выбрать, плакать или смеяться. Вы выбрали более весёлое; но что значит ваша улыбка? Это признание великой мысли Христа, что дела Божии не могут быть навязаны силой кесаря. Печально же, ужасно печально, что крещения огнём и мечом внесли в Церковь массы, крещённые только водой, а не Духом, с их низкими обычаями и суевериями.

Однако христианская вера выжила. В ней есть двойная сила — сопротивляться внешним нападкам и исправлять внутренние злоупотребления. Благодаря этому она создала уникальную цивилизацию, универсальную цивилизацию. Другие цивилизации, хотя и блистательные, были подобны полевым цветам — они исчезли или угасают. Что осталось от цивилизаций Ниневии, Вавилона или Египта? Лишь любопытство археологов. Что осталось от Греции и Рима? Много, но лишь то, что вошло в русло христианской мысли и развивалось с ней. Это для мёртвых цивилизаций; другие же угасают. Китайский император командует миллионами и считает себя первым правителем мира; но везде в его империи видны следы прошлого, превосходящего настоящее. Китайская цивилизация не застыла или окостенела, как говорят, а находится в упадке без признаков самостоятельного возрождения. Древняя Индия возвела архитектурные памятники, восхищающие путешественников, создала много литературных произведений с глубокими мыслями и красотой; но её великие вдохновения, кажется, иссякли, и сегодня её огромные территории подчинены европейцам. Некоторые мусульманские народы достигли высокого уровня социальной и научной культуры. В XII веке арабы Испании были во многих отношениях учителями учёных наших стран. Сегодня в европейских академиях изучают причины упадка мусульманской цивилизации. Этот факт не оспаривается, пытаются лишь объяснить его.

Чтобы получить объективное мнение, нужно освободиться от современных забот, связанных с Восточной войной. Поэтому я черпал сведения из документов, предшествующих борьбе русских и турок. Например, я изучил работы г-на Бланки об общественном положении населения европейской Турции, изданные в 1842 году, и обратился к воспоминаниям европейских дипломатов, когда-то живших в Персии. И в Персии, и в Турции цивилизация угасает, а население заметно сокращается. Полигамия имеет смертельные последствия в прямом смысле. Изучайте факты, читайте книги, спрашивайте путешественников — вам не составит труда отличить на земле человечества засохшие деревья и те, что постоянно простирают ветви. Никто в глубине души не оспаривает ценность европейской цивилизации; и именно христианство даёт ей ту небывалую силу, которую проявляло в своё время для утверждения, поддержания и сегодня для распространения. Об этом современном могуществе распространения мы теперь и будем говорить.

Любая религиозная вера порождает прозелитизм. Нет такого культа, который бы в той или иной мере не имел миссионерского духа; однако в этом отношении существуют заметные различия. Религия Будды, после обширных завоеваний, стала стационарной. Несколько лет назад я читал в одном журнале, что император бирманцев сообщил профессору Максу Мюллеру из Оксфорда о намерении издать на английском священные книги буддизма «в надежде распространить в Европе и Америке знание своей религии, которую он считает превосходящей христианство». Позже говорили о миссионерских попытках благочестивых брахманов; но, по нынешним данным, нельзя утверждать, что культы Индии и Китая готовятся к мировому завоеванию. Вера мусульман обладает большей жизненной силой. Последователи Корана проповедовали с мечом, страшно и победоносно; но дни их великих триумфов прошли. В Африке отмечаются современные попытки распространения их веры, но это локальное явление. Ливингстон заявляет, что на той части континента, которую он исследовал, он встретил много арабов, занятых охотой за неграми, но не обнаружил никаких следов религиозного влияния на язычников.

Миссионерский дух — одна из ярких черт христианской веры и проявляется во всех церквях. Рим с недавних пор с новой энергией возобновил свою проповедническую работу, столь блистательную в XVII веке, и направляет усилия главным образом в Индию и Китай. Все протестантские церкви последовали славному и святому примеру братьев Моравских и теперь соперничают в усердии по обращению язычников. Восточная православная церковь, мало известная и часто неправильно понятая у нас, содержит миссионеров на Алеутских островах, в горах Алтая и, вероятно, в других местах. У меня мало сведений об этом, но одно есть: в 1839 году богатый московский торговец Малков, овдовев и потеряв единственного ребёнка, распродал своё имущество, отправился в долины Алтая, поселился среди идолопоклонников и посвятил свою жизнь, время и состояние их евангелизации и цивилизации.

Современные миссии сталкиваются с теми же трудностями извне и изнутри, что и раннее распространение Евангелия. Это, прежде всего, сопротивление человеческого сердца обращению, требуемому христианской моралью; затем привязанность к обычаям и памяти предков; наконец, привлекательность культов, часто поддерживающих дурные страсти. Ещё одна серьёзная проблема — поведение «христиан по имени», торговцев, искателей золота и завоевателей среди народов-язычников. История завоевания Мексики и Перу ужасна. Почти столь же страшны, хотя и в меньшем масштабе, события, связанные с установлением европейцев в Мысе Доброй Надежды. При чтении этих мрачных страниц невольно задаёшься вопросом, какое представление язычники могли иметь о так называемых христианских народах, и вынужден ответить: для них христианин — это жадный и жестокий грабитель. Я оставляю это мрачное прошлое и перехожу к более современным временам.

Современная миссионерская деятельность затрудняется моряками, предающимися непомерным развратам на языческих землях и препятствующими моральному подъёму местного населения, когда тот возникает. Её тормозят торговцы, бесчестно обманывающие бедных дикарей и препятствующие их просвещению, поскольку образование делает их менее легкой добычей для обмана. Затем идёт торговля спиртным, вносящая смерть в племена, которые раньше не знали этого зла. Послушайте жалобу одного индейского вождя Северной Америки, сказанную европейцу: «До того как ваши предки поселились рядом с нами, мы не знали огненной воды. Но некоторые из ваших злых братьев принесли нам этот яд, и посмотрите, к каким последствиям это привело! Теперь нас осталось лишь немного, чтобы оплакать могилы наших предков».

Это благородные, трогательные слова, а факты, вызвавшие их, ужасно печальны. Даже бедным индейцам не дают спокойно плакать над могилами предков; их земли отбирают то хитростью, то силой. Их прогоняли с места на место… Когда они занимали земли, отведённые им по договору, и начинали жить своим трудом, их грубо выгоняли и загоняли в

пустыню. Многие, если не все, индейские войны возникали из-за нарушенных обещаний и несправедливых действий жителей Соединённых Штатов. Это не я, господа, выношу такой суровый приговор. Я зачитал вам отрывок из Послания Президента США от 3 декабря 1877 года. Но и это не всё; после изгнания шла работа по уничтожению.

Часто говорят, что низшие расы человечества исчезают в силу фатального закона. В этом утверждении есть доля истины; мы обсудим это на следующем занятии. Но знаете ли вы, как запускается этот страшный закон? Слушайте: « В прошлом году, в 1877-м, умерла женщина, которая была последним представителем целой расы — тасманийцев с острова Ван-Диман. В 1803 году англичане основали на этом острове каторжников. С 1803 по 1810 год — семь лет — не было никаких наказаний за убийство аборигена. Как использовали это беззаконие? Европейцы заключили соглашение, по которому за каждую взрослую голову аборигена платили 125 франков, а за детскую — 50 франков. Люди, на которых охотились, словно на зверей, оказались в состоянии войны с англичанами. Иначе и быть не могло. Их дважды, если я не ошибаюсь, депортировали, и в итоге этот народ исчез с лица земли. Подробности этих зверств содержатся не в писаниях предвзятых людей, а в научной монографии, где каждый факт подтверждается свидетелями. Таковы дела и поступки тех народов, которых должны обратить в Евангелие народы так называемых христиан.

А что делают правительства? Когда скандал становится слишком явным, правительства вмешиваются во имя гуманности. Но с другой стороны, пушки Франции навязали крепкие напитки полинезийцам, а Англия заставила китайцев принимать опиум — яд, который их убивает и лишает рассудка. Кроме того, что делают все правительства? Они присваивают территории, с которых вытеснили коренных жителей. Вот как Европа предстает перед языческими народами. Понимаете теперь, почему миссионерская деятельность сталкивается с таким мощным сопротивлением? Понимаете, почему миссионер Уильямс, служивший на островах Полинезии, когда объявлялось о приближении европейского корабля, начинал молиться, словно перед лицом величайшей опасности?

Я рассказал вам, что слишком часто видят язычники, когда к ним приходят европейцы. А что видят они, когда попадают на берега Европы? Между разными народами мира обмены увеличились в огромных масштабах. Сейчас в Лондоне живут множество индусов, китайцев и африканцев. Макс Мюллер рассказывал о глубоком разочаровании одного обратившегося индуса, который по чтению Нового Завета представлял себе христианскую страну, а побывав в Европе, увидел всё иначе. Его вера выдержала испытание, потому что он смог отличить христианскую веру от искажений и неприличного поведения её представителей, но испытание было тяжёлым.

Конвертированные гренландцы сейчас находятся в Париже. Недавно их посетили некоторые учёные столицы. Увы, среди посетителей был представитель самого полного материализма. В 1873 году шах Персии объехал Европу. Что он мог вынести о нашей цивилизации? Не знаю, что он видел из её скрытых позорных сторон, но, видя наши арсеналы и армии, наверняка заметил, что искусство убивать людей — одна из главных забот христиан.

Позвольте сделать из этих размышлений практический вывод. Большинство из нас, господа, не могут отправиться в зарубежные миссии; многие не могут поддерживать дело пожертвованиями; но все мы можем помочь этому великому делу. Мы не можем нести свет далеко, но можем работать над его очищением дома. Реформировать злоупотребления у себя в стране и, прежде всего, реформировать себя — значит трудиться на благо языческих народов, ибо всё в этом мире взаимосвязано и действует взаимно. Не забывайте, что нехватка христианства у самих христиан — одна из главных преград для миссий. И именно эту преграду каждый из нас может в некоторой мере устранить.

Я рассмотрел трудности извне, теперь взглянем на те, что рождаются в самих миссиях. Миссионеры — люди со своими слабостями и недостатками. Одни полны не слабеющего

рвения, но оно не всегда сопровождается нужной рассудительностью — скорее живое, чем мудрое; у других не хватает настойчивости. Ливингстон жаловался на суперинтенданта английских миссий в Центральной Африке, который находил удобным жить в прибрежном городе, наслаждаясь цивилизацией. Он сетовал с некоторой горечью на «людей, которые играют в миссионеров и довольствуются наблюдением за своей епархией через телескоп». Миссионеры приносят с собой привычки и идеи своих народов. Иногда их пытаются навязать религией обычаи, которые не вытекают напрямую из евангельской веры. Если миссионер из мощной страны — Франции, Англии, США — патриотизм может невольно склонить его искать не только расширение Царства Божия, но и политическое влияние своей страны.

И, наконец, укажем на прискорбную борьбу между представителями разных конфессий. Представьте себе язычников, которые приоткрывают завесу своих суеверий, начинают формироваться в христианские общины, а тут приходят миссионеры другого христианского обряда и говорят им, что их неправильно научили, и пытаются убедить, что только они приносят истинное учение. Какое смятение в душе этих бедных людей! Их мысль замирает, и Христос рискует быть забыт. Эти распри существуют не только между католиками и протестантами; неопровержимые свидетельства говорят, что даже англиканские епископальные церкви иногда скорее враги, чем союзники на поле миссионерской работы.

Часть мира, которая ещё подлежит обращению в христианство, огромна, и для всех тружеников здесь достаточно места; но порой кажется, что миссионеры разных конфессий следуют друг за другом по одной тропе и тем самым вредят делу друг друга. Создаётся впечатление, что это голодные люди, вошедшие в сад, где для всех хватает плодов, и они бросаются к одним и тем же деревьям, чтобы отвоевать их. В наш век конгрессов и международных конвенций не могло ли бы быть соглашения между Церквами и миссионерскими обществами, чтобы они на один-два века обязались не вмешиваться в дела друг друга и поделили между собой те области, куда ещё не проник ни один проповедник Христа? По окончании срока соглашения можно было бы заняться совершенствованием уже начатой работы в соответствии с убеждениями каждой конфессии. Такая идея, как мне кажется, должна понравиться всем, кроме католиков, которые считают, что лучше оставаться язычником и есть человеческое мясо, чем стать протестантом, и протестантов, которые думают, что лучше быть идолопоклонником и жертвовать человеческими жертвами, чем стать католиком.

Несмотря на внешние препятствия и внутренние беды, дело евангелизации язычников идёт вперёд; оно приносит плоды в виде обращений и цивилизации. Чтобы составить суждение об этом, важно опираться на беспристрастные источники. Отчасти можно отвергнуть, то есть считать нуждающимися в контроле, рассказы миссионеров и миссионерских обществ, которые, естественно, склонны благоприятствовать своему делу. Точно так же следует с осторожностью относиться к рассказам тех, кто открыто враждебен христианству. А что сказать о жалобах моряков, недовольных сопротивлением, которое оказывают новообращённые «дикари», или нападками торговцев, раздражённых тем, что не могут так легко обманывать более развитые умы? Можно сказать, что это — высокая дань уважения доброму делу, которое эти плохие люди, пороча его, всё же признают. К счастью, для формирования мнения у нас есть действительно беспристрастные источники: достоверные рассказы путешественников, дипломатические документы, свидетельства учёных, которые случайно встречали миссионерскую работу.

Особую гарантию беспристрастности даёт возможность получить оценки католических миссий от протестантов и протестантских миссий от католиков. В связи с этим позвольте выразить желание, реализация которого обогатила бы наши библиотеки — ведь в них полно бесполезных книг — важной книгой, в которой собраны бы упомянутые свидетельства по делу миссий всех Церквей, изложенные с полной беспристрастностью. Автор излагал бы эти

свидетельства в повествовательном стиле, избегая частых и слишком благочестивых сантиментов, свойственных людям, посвятившим жизнь евангелизации, но кажущихся обывателям чрезмерными. Он выделил бы результаты проповеди Евангелия в деле прогресса цивилизации, и её религиозного влияния. Работа над такой книгой заняла бы годы, но была бы очень полезна.

Можно расширить круг источников за счёт молодых людей из богатых семей, которые часто отправляются в дальние путешествия на месяцы и годы, не приносящие им ничего, кроме развлечений и расходов. Если бы некоторые из них посетили миссии, не будучи связаны с миссионерскими обществами, путешествуя за свой счёт и сохраняя полную независимость, они смогли бы привезти ценные материалы для книги, которую я задумал.

Что можно сейчас сказать о результатах миссий? О настоящих глубоких обращениях знает только Бог, но мы можем констатировать число язычников, крещённых и записанных в церковные книги — их уже сотни тысяч. В странах с национальными религиями официальная запись в церковные книги не имеет особой религиозной ценности — она равна нулю. Но с формирующимися церквями среди язычников дело обстоит иначе. Чтобы принять слово Евангелия, надо порвать с традициями и привычками, часто рисковать преследованиями, иногда пытками и смертью. Христов мученик — не только часть истории. В новейшее время почва Японии, Китая и Мадагаскара была пролита кровью исповедников веры. В этих условиях вступление в церковь и пребывание в ней доказывают многое. Ещё большее доказательство — то, что обращённые язычники принимают активное участие в евангелизации. Они жертвуют средства, вместе с европейскими и американскими обществами, и многие из них сами становятся миссионерами. Существование этих коренных миссионеров — факт большой важности и в целом новый факт. Легко понять преимущества такого явления с точки зрения прозелитизма. Кроме того, благодаря этому многие жизни спасаются, так как дело может продолжаться в тех регионах, где климат смертелен для европейцев.

Обращения — лишь часть миссионерской работы. Проповедь Евангелия влияет и на общественные нравы, и наряду с непосредственным воздействием веры на души действует её социальный радиус. Быстро исчезают людоедство, человеческие жертвоприношения, убийство младенцев, полигамия. Самыми упорными пороками остаются пьянство и распущенность. А кто мы такие, чтобы судить «дикарей»? Время поджимает, поэтому я приведу лишь несколько фактов из материалов задуманной мной книги.

В 1823 году капитан Дюперре, ставший впоследствии адмиралом, представил министру флота Франции доклад об архипелагах Полинезии, особенно об острове Таити. Он знал историю этого кровавого края, где печи для сжигания человеческих тел никогда не гасли, и отметил чудесные перемены, произведённые трудами лондонских миссионеров, сумевших сделать из свирепого народа мягких и цивилизованных людей. Министр Гайд де Нёйвиль уже был информирован другими морскими офицерами о поразительных результатах в Океании. Он напечатал доклад капитана Дюперре в «Мониторе», добавив собственные размышления о цивилизующей силе христианской религии. Этот номер попал в руки астронома Лапласа, человека, как известно, не имевшего религиозных убеждений.

Прогуливаясь в саду обсерватории с другом, он сказал ему: «Знаете ли вы, что христианство — действительно прекрасная вещь? Читали ли вы в «Мониторе» доклад капитана Дюперре о переменах, введённых миссионерами на Таити? Христианская религия — единственная, способная произвести настоящую цивилизацию и сделать людей способными идти путём добродетелей, света и свободы».

Вот первый факт; а вот второй.

Вы знаете Дарвина — автора гипотезы естественной истории, из которой пытаются извлечь ненаучные и антирелигиозные выводы. Дарвин совершил кругосветное путешествие, о чём написал книгу. Он упоминает труды миссионеров, особенно на Таити и в Новой Зеландии. Он свидетельствует (и это очень беспристрастный свидетель), что под влиянием христианской религии население этих островов достигло относительно высокого уровня нравственности. Он говорит, что был введён в заблуждение врагами миссий, утверждающими, что христианство делает «дикарей» грустными и мрачными, тогда как он их нашёл весёлыми и счастливыми. И он направляет колкое замечание в адрес клеветников, говоря, что если бы они когда-то терпели кораблекрушение на прежде негостеприимных берегах, то сейчас были бы рады найти там народы, на которых Евангелие оказало своё влияние.

В 1847 году английское судно «Грэм», сбитое с курса ураганом, было вынесено к неизвестным и ледяным берегам. Капитан, сверившись с морской картой, опознал их как берега Лабрадора. Команда страдала от нехватки всего: пищи, дров, теплой одежды; корабль был без мачт, без парусов. При помощи подзорных труб можно было различить постройки, но выстрелить сигнал бедствия из пушки никто не осмеливался. Лучше терпеть всё, чем попасть в руки этих жадных и свирепых эскимосов! Тем не менее несколько каяков оторвались от берега и приближались, гребя изо всех сил. Матросы схватились за оружие, но с каяков раздались сигналы мира... «Грэм» был приведён в укрытую бухту; христианское гостеприимство оказало пассажирам помощь, и вскоре миссионеры-моравы, пасущие эту небольшую общину, пришли их приветствовать. По возвращении в Англию капитан «Грэма» опубликовал этот трогательный эпизод своего путешествия. Крупные газеты перепечатали его.

Ещё один факт, и я закончу свои заметки. Француз господин де Вариньи прожил четырнадцать лет на Гавайских островах. Там он стал государственным министром, и его официальный статус дал ему все необходимые возможности для получения достоверной информации. Он опубликовал результаты своих наблюдений в ценном томе, вышедшем три года назад. Вот что там написано: жители этих островов обладали всеми чертами самых деградированных народов, возможно, кроме каннибализма. Рабство, многожёнство, человеческие жертвоприношения, абсолютный деспотизм, непрерывные войны, свирепые или смешные суеверия — ничто им не было чуждо. Сегодня Гавайский архипелаг — это конституционная монархия. Парламентская система там устоялась на прочной основе. В парламенте Гонолулу звучат речи, достойные многих европейских ораторов. Этот маленький народ отстаивает свою независимость против посягательств Соединённых Штатов. Образование процветает; религиозная свобода полна; благотворительность практикуется даже за пределами островов. В 1870 году эти бывшие «дикие» услышали о бедах Франции; они собрали пожертвования в пользу пострадавших от войны, и, хотя их немного и они относительно бедны, собрали сумму более 10 000 франков.

Это необыкновенное преобразование совершилось за пятьдесят лет. В 1820 году первые миссионеры высадились на Гавайских островах; в 1870 году весь народ отмечал торжественный юбилей, посвящённый полувековой дате своей цивилизации. И при этом не было ни одного препятствия, которое бы помешало действию Евангелия: злые страсти человеческого сердца, давняя привычка к порокам, традиционная привязанность к идолопоклонству предков, ошибочные меры королевы-конвертита, которая хотела навязать свою веру, угрозы со стороны морских офицеров из США и Франции, поддерживавших распущенность и ввоз крепких напитков, борьба между тремя религиозными конфессиями — протестантами, католиками и епископатами. Всё это было преодолено, и за пятьдесят лет, очень короткий срок для жизни народа, христианство явило свою силу социальной трансформации так ярко, что нужно иметь крайне легкомысленный ум, чтобы не обратить на это самое серьёзное внимание.

Никто, полагаю, не обвинит меня в сокрытии недостатков миссионерской деятельности. Несмотря на них, эта деятельность заслуживает симпатии и поддержки всех друзей человечества. С точки зрения веры она является религиозным долгом для всех верующих. Но не только это. Ужасы, совершённые европейцами в отношениях с языческими народами, требуют компенсации. Цивилизация этих народов (а только Евангелие их цивилизует) — это долг чести для всех жителей Европы и США. Около восемнадцати веков назад Иисус сказал своим ученикам: «Идите и научите все народы» (Мф. 28:19). Возьмите глобус, отметьте на нём миссионерские станции — и вы увидите, что Христос теперь имеет своих солдат по всем уголкам земного шара. Никакие трудности их не останавливают. Они идут в тропики, где жара губит, идут на ледяные берега Гренландии, где холод убивает. Они умирают, и их заменяют другие.

Чтобы проникнуть в неизвестные земли, любопытство географов сделало многое, любовь к науке — ещё больше, жажда наживы — ещё больше. Слово Христа сделало и делает больше. Оно делает больше, чем любопытство, чем любовь к науке, чем жажда золота и жадность охотников за рабами. Миссионеров — тысячи. Какая армия! Они бросают вызов всем климатам, подвергаются всем опасностям; и в этой войне, если проливается кровь, это всегда только их собственная кровь, орошающая землю. А командир? В человеческом языке Он умер; но в языке истины Он — живой вечно. Эта мысль, кажется, произвела сильное впечатление на ум Наполеона. Когда он перестал трясти мир, когда шум битв и барабанные боевые дроби уступили место его размышлениям на острове Святой Елены, он с меланхолией посмотрел на свою судьбу; и по естественной ассоциации подумал о Цезаре, Александре, Людовике XIV... а затем о Христе, и между ними предстал резкий контраст. За славой великих земных правителей последовало забвение и отречение несчастных, затем — молчание смерти. Вот очень близкая судьба великого Наполеона...

Какая пропасть между моей глубокой нищетой и царством Христа, проповедуемого, восхваляемого, любимого, поклоняемого, живущего по всему миру. Это смерть? Неужели скорее жизнь?.. Христос говорит, и теперь поколения принадлежат Ему. Мир полон бед, позоров и преступлений; но он стремится к гармонии и единству; таков характер цивилизации, прогресса. Но не думайте, что прогресс — это закон, подобный физическим законам, которые всегда осуществляются и достигают полноты только со временем. Если бы так было, если бы прогресс человечества был неизбежен, тогда на земле уже не было бы дикарей и варваров. Прогресс — это нравственный закон, предлагаемый свободе человека. Социальный прогресс имеет свои условия, и когда эти условия не выполняются, цивилизация отступает. Однако, если смотреть широко и в общем, цивилизация всё же движется вперёд.

Итак, каков главный источник прогресса, исток, в который сливаются все хорошие плоды работы разума, сердца и совести человека? Этот источник находится в Иудее, у подножия Назаретской горы. В области мысли великими именами являются Сократ, Платон, Аристотель, Декарт и Лейбниц. Среди законодательных деятелей — Ликург, Солон, Карл Великий. Среди властителей — Александр, Цезарь, Наполеон. Но имя, выше всех этих великих личностей, — имя Иисуса. Апостол Павел сказал: Он получил «имя, выше всякого имени» (Фил. 2:9). О ком он говорил? О Распятом, объекте ненависти иудеев и насмешек греков. Это утверждение было дерзким и могло исходить только от глубокой веры. Ну что ж, господа, то, что для Павла было вопросом веры, для нас стало жизненным опытом.

Когда Римская империя была во всей своей мощи, молодой ремесленник из презираемой провинции покидает свою деревню, чтобы проповедовать в соседних селениях учение, которое он называет Евангелием. Некоторые простые люди присоединяются к нему; после наставлений он говорит им: «Идите и научите все народы! (Мф. 28:19)» Видя, что люди разрознены и разделены, он объявляет себя универсальным Пастырем. Он основывает религию, которую даже те, кто не считает её истинной, если они серьёзны, признают за

лучшую из религий. Он создаёт цивилизацию, которая становится цивилизацией человечества. Плотник из Назарета, ставший Распятым на Голгофе, сделал больше, чем любой человек, для прогресса мира в единстве и гармонии, в достоинстве, справедливости и доброжелательности. Откуда у Него была эта необыкновенная сила? Что Он из себя представлял? Это вопрос, который я поставил в начале своих речей. Мы собрали элементы ответа; теперь остаётся сделать вывод.

† † †

Краткий обзор шестой лекции вернуться к содержанию >>>

Навиль завершает свой цикл лекций утверждением: Христос есть Господь, т.е. Глава, Властелин, Царь, имеющий высшую власть над человеком, Церковью и историей. Это не метафора и не титул чести, а действительное положение, которое требует покорности, веры и любви. Автор подводит итог всему сказанному ранее: Христос — не только Учитель, Утешитель, Искупитель, Законодатель, но Тот, Кто имеет полную власть над всем, что есть, и Кто должен быть признан и принят как Господь.

1. Что означает "Господь"?
   - В Евангелии слово «Господь» по отношению к Христу означает:
     — власть над жизнью и смертью,
     — царственное достоинство,
     — объект поклонения.
   - Это не просто уважительное имя, а признание Его Божественности и Царства.
2. Христос обладает вселенской властью
   - «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28:18).
   - Он не только умер и воскрес — Он вознесён, жив, царствует.
   - Он — Господь истории, перед Кем склонится всякая колена.
   - Если Христос воскрес, то Он не просто Спаситель — Он Владыка.
3. Внутреннее господство Христа
   - Христос хочет владычествовать в сердцах: не через страх, а через веру и любовь.
   - Это господство:
     — добровольное (не навязывается),
     — живое (не юридическое),
     — всепроникающее (обнимает всю жизнь человека).
   - Принять Христа как Господа — значит отдать Ему первое место в мыслях, желаниях, решениях, совести.
4. Христос — Глава Церкви
   - Христос — не только личный Господь верующего, но и Господь Церкви.
   - Церковь — не человеческое учреждение, а Тело Христово, где Он — Глава.
   - Законы, обряды, служения — вторичны; первично то, что Христос живёт и действует в Своём народе.
   - Церковь без живого послушания Христу — мертвый организм.
5. Христос — Судия и Царь будущего
   - Христос — не только Воскресший, но и Грядущий.
   - Он придёт не как Учитель, а как Судия и Царь.
   - Это должно пробуждать в человеке:
     — страх Божий,
     — бодрствование,
     — верность,
     — ответственность перед Вечностью.

6. Реакция человека на господство Христа

- Есть два пути:
  — либо подчиниться Ему с верой и любовью,
  — либо жить, отвергая Его господство — что приведёт к суду.
- Навиль призывает к сознательному и добровольному признанию Христа как Господа жизни, а не просто символа веры.

Христос — живой Господь, Владыка всего. Он — не символ, не идея, а реальная Личность с властью над душой, совестью, историей и будущим. Признать Христа Господом — значит жить в подчинении Ему, доверии к Нему и преданности Ему. От этого выбора зависит всё: жизнь, смерть, вечность.

† † †

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ — ЗАКЛЮЧЕНИЕ вернуться к содержанию >>>

Господа,

Я в общих чертах наметил картину дела, которое Христос совершил в мире, не углубляясь в недостатки, о которых и так не стоит напоминать. Я старался держаться подальше от всего, что может оспариваться научной критикой. Также я не касался всех умозрительных исследований, составляющих догматическую теологию. Моя задача — показать вам дерево через его плоды.

После перечисления и констатации фактов нам остаётся искать их наилучшее объяснение. Но важно чётко понимать, что это объяснение не сможет породить истинную веру — то есть состояние души, которая отдаёт себя Иисусу Христу как своему Господу и Спасителю. Истинная вера не может быть простой логической выводом, потому что вера — это акт доверия, исходящий из всей души, а не только из рассудочной деятельности. К Христу как Утешителю ведёт не столько слово, сколько жизненный опыт — опыт скорбей, разочарований и бессилия человеческой помощи. Именно для такой подготовленной души слова «Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас» (Мф. 11:28) обретают всю свою силу.

К Христу как Искупителю ведёт серьёзное пробуждение совести и потребность в прощении, рождающаяся из ощущения нашей нравственной немощи; это ясное осознание закона в его святой чистоте и наших грехов. Здесь важнее не разум, а совесть и воля. Сам Иисус дал правило для проверки истинности Своего учения, сказав: «Если кто хочет делать волю Божию, тот узнает, есть ли учение Моё от Бога» (Ин. 7:17). Он обращается к воле, чтобы привести разум к истине. Пусть будет ясно: для религиозного роста души важнее всяких рассуждений приручённая страсть, акт самоотверженности, жертва, приносимая долгу. Я не хочу умалять пользу работы, которая помогла мне и, надеюсь, поможет и некоторым из вас; но было необходимо точно охарактеризовать суть моего учения и указать границы его действия.

И теперь, каково лучшее объяснение рассмотренных фактов? Чтобы правильно понять вопрос, не забудем, что появление христианства — это не единичное явление. Религия Иисуса уходит корнями в прошлое и раскидывает ветви в будущее. Израиль готовил Церковь. И не только дело Евангелия связано напрямую с Израилем, но оно связано с общей историей человечества. Александр и Цезарь подготовили её, объединив Римскую империю, что должно было облегчить распространение нового учения; Сократ и Платон подготовили её, направляя мысли в высокие сферы; стоики подготовили её, показывая ценность души и распространяя идею человечности. Христианство собирает в своём потоке

все чистые элементы прошлого, чтобы построить будущее. Чтобы оценить дело Христа, недостаточно изучать только события восемнадцатого века назад; нужно изучать происходившее в течение этих восемнадцати веков и то, что происходит сейчас.

«Что доказывает истинность Евангелия?» — спрашивал Данте Алигьери и отвечал: «Дела, которые оно совершило» (Парадиз, песнь XXIV). Это то, что слишком часто забывают учёные, особенно посвящённые теологическим исследованиям. Они сосредотачиваются на текстах, подвергающихся постоянным критическим спорам, и пыль научных дебатов заслоняет для них великие и ясные лучи света, пронизывающие историю. Проблему происхождения дела Христа можно решить двумя способами: натуралистическим и христианским. Сторонники натуралистического решения утверждают, что христианство — простой продукт человеческой природы, и его появление объясняется обычными законами истории, подтверждёнными опытом. Сторонники христианского решения признают в Христе и Его деле особое Божье вмешательство. Они допускают, что милосердие, прощающее грехи, вмешалось в порядок справедливости, по которому зло влечёт страдание и смерть.

К слову, об одной часто выдвигаемой против такого мышления возражении. Говорят: невозможно допустить вмешательство Бога в мир, потому что мир — творение бесконечно мудрого Создателя, и хороший мастер не нуждается в исправлениях своего творения. Меня всегда удивляет, когда такое возражение высказывают серьёзные писатели. Хороший мастер не исправляет своё творение? Но, по вере христиан, Бог вмешался, чтобы остановить естественные последствия греха в порядке справедливости. А грех — дело творения, а не Творца. Идея божественного прощения связана с идеей свободы, которая делает возможным восстание. Это нельзя забывать, и забывают те, кто применяет к духовному порядку рассуждения, допустимые лишь для чисто физического порядка, где свобода не участвует.

Иисус спрашивал по поводу дела Иоанна Крестителя: «От Бога ли оно или от человеков?» (Мтф. 21:23–25; Марк. 11:27–30). То же вопрос мы задаём и по делу Иисуса самого, и это — вопрос веры. Дело Христа имеет предысторию в прошлом и последствия в будущем, связано с общей историей человечества; но является ли оно в своей сути и происхождении особым проявлением Бога — да или нет? Если да, то можно спросить: каков был способ соединения Бога с человечеством в лице Христа сначала, а затем в Его действии на мир? Это вопрос догматики, который, как я не устану повторять, можно серьёзно и плодотворно обсуждать только после утвердительного решения вопроса веры. Моя же работа касалась только вопроса веры.

Рассмотрим обе стороны поставленной проблемы. Натуралистическое решение имеет разные формы. Из них две я исключаю из обсуждения: одна — потому что оскорбляет совесть, другая — потому что противоречит истории.

Вот форма, оскорбляющая совесть: если считать религию злом; если полагать, что ради блага человечества надо убедить его в том, что всё предопределено судьбой, справедливости не будет, мёртвые потеряны навсегда и не имеют надежды встретиться вновь… тогда понятно, что плохому делу приписывают нечистые источники. Но это не позиция известного писателя, автора нашумевшей «Жизни Иисуса», который признаёт в Иисусе непревзойдённого благодетеля, приписывает Ему «высочайшее сознание Бога, какое было среди людей», но, чтобы объяснить Его могущество, допускает, что Он прибегал ко лжи и шарлатанству; и оправдывает это тем, что народ можно вести лишь обманом, и тех, кто его обманывает, не следует порицать, потому что «великое дело всегда совершается так». Я не понимаю такого; скорее понимаю, что дело Христа — не в вопросе, а вопрос в совести и человечности. Тот, кто верит в совесть и уважает человечность, с лёгкостью повторит гордую фразу Данте: «О таких учениях не спорят; смотришь и проходишь!» Проходим, господа!

Вторая форма натуралистического решения, которую я исключаю, — та, что открыто противоречит истории. Один писатель прошлого века, член Французской академии Дюпюи, в объёмной книге 1795 года «Происхождение всех культов» утверждал, что Иисус Христос никогда не существовал, а персонаж с этим именем — лишь одна из многочисленных олицетворений солнца. Подобные мысли и сегодня мелькают в тенях низкопробной литературы, но ни один серьёзный писатель не осмелится их повторить. Есть объяснения, не кажущиеся столь абсурдными на первый взгляд, но по сути относящиеся к той же категории. Это те, которые, не отрицая существования еврея по имени Иисус, утверждают, что влияние христианства в мире не исходит от него; что учение под его именем на самом деле происходит — одни говорят из Греции, другие из Индии, третьи — из смешения греческих и восточных идей; так что христианство не от Христа, а от случайно к его имени прикрепившихся мнений.

Против таких фантастических исторических интерпретаций достаточно противопоставить свидетельство Тацита, который был лучше осведомлён о событиях своего времени, чем многие современные учёные, даже самые проницательные. Что же он нам говорит?

«Имя «христианин» происходит от Христа, который, при Тиберии, был предан казни прокуратором Понтием Пилатом. Подавленная на короткое время, эта гнусная суеверная секта вспыхнула вновь, не только в Иудее, где она возникла, но и в самом Риме, куда стекаются и находят сторонников все мерзости и ужасы мира». (Тацит, Анналы, кн. XV, гл. 44)

Вот факты, изложенные человеком, которого нельзя заподозрить в симпатиях к христианской вере. Как же можно было так исказить историю, чтобы отрицать, будто христианство исходит от Христа?

Вот объяснение этого явления. Христианское учение, каким оно было установлено Иисусом Христом и Его апостолами, подверглось работе человеческой мысли, которая стремилась извлечь из принятой веры некую науку, догматику. Отцы Церкви, взявшиеся за эту задачу, с самого начала испытали влияние греческих философов, а затем и Александрийской школы, куда проникли идеи восточного происхождения. Это происходило уже после того, как новая вера, пришедшая из Иудеи — по свидетельству Тацита и всех историков — развернула свою силу. Но если не изучать исходные документы религии, если искать христианство не в сочинениях его первых проповедников, а лишь в трудах вторичных толкователей, можно принять за воду источника те потоки, которые, усилив его, зачастую и замутили.

Так, например, Эмиль Сессé пришёл к выводу, что в Евангелии он видит лишь переработку платонизма, потому что изучал его не столько по Новому Завету, сколько по сочинениям святого Августина. Догматика святого Августина действительно сильно испытала влияние платоновской философии; но основы веры, которые он утверждает и которые по ключевым вопросам противоречат платонизму, он заимствовал не у Платона. Я считаю установленным, что если элементы греческой мысли и теории восточных философов играют в христианском богословии, особенно у Отцов Церкви и схоластиков, слишком большую роль, то само христианство, в своей сущности, идёт от Христа.

Перейдём теперь к более серьёзной форме натуралистического объяснения. Вот как она формулируется: «Религия — неотъемлемый элемент человеческой души. Она развивается и принимает разные формы под влиянием рас и климатов, а также под влиянием великих личностей, таких как Будда, Конфуций, Зороастр... Народ семитский, по инстинкту, как говорят одни, или вследствие развития, как утверждают другие, был монотеистическим, в то время как греки естественным образом склонялись к политеизму, а индусы — к пантеизму. Среди семитов появился выдающийся учитель, человек высокого ума, чистой совести и большого сердца, превосходящий Будду, Конфуция и Зороастра… Иисус из Назарета! Он распространил по миру монотеизм — продукт своей расы.

Разумная глубина и нравственная чистота его учения обеспечили ему успех. Оно особенно привлекло бедных и простых людей своей проповедью любви, в то время как умных привлекало борьбой с идолопоклонством. Когда новая религия утвердилась, вокруг её основателя возникла легенда о чудесах, как это бывает со всеми великими людьми; но в действительности всё происходило естественным путём. Христианство — самая прекрасная из религиозных форм, но его происхождение объясняется, как и происхождение всех других культов, обычными законами истории».

Таково мнение многих современных учёных. Подобного рода объяснение встречалось уже и среди современников святого Августина: они признавали в Иисусе высшую человеческую мудрость, но отказывались признавать Его божественность: «Язычники, которые не смеют хулить самого Господа Иисуса Христа, признают в Нём величайшую мудрость, но — как в человеке... Его следует почитать как мудрейшего человека, но не как Бога». (Августин, О согласии евангелистов, кн. I, гл. VII, §11)

Мы имеем дело с серьёзным утверждением, которое способно с первого взгляда увлечь умы, сформированные современной философией и наукой. Однако это утверждение вызывает серьёзные и многочисленные затруднения. Был ли монотеизм естественным для евреев? Всё указывает на обратное. Этот народ, согласно собственным летописям, постоянно склонялся к идолопоклонству, и голос законодателей и пророков должен был непрестанно звучать, чтобы удержать его от этого падения.

Можно ли объяснить успех учения Иисуса его согласованностью с разумом, сердцем и совестью? Да, оно удовлетворяет разум, — но ведь в нём есть и тайны, которые его поражают! Да, оно утешает сердце, — но и сокрушает его, когда требует, чтобы даже самые естественные и законные чувства при необходимости были принесены в жертву Богу и долгу. Да, оно успокаивает совесть прощением, — но как же оно её тревожит своими требованиями, когда учит, что жертве Учителя на кресте должна соответствовать внутренняя жертва ученика, через искоренение эгоизма из глубины души! В учении Иисуса всякая причина, способствующая его распространению, сопровождается одновременно и столь же сильным препятствием.

Теперь обратимся к внешним препятствиям. Палестина — страна, подвластная Риму, и, по мнению греков — варварская. В самой Палестине Галилея, родина Иисуса, считалась презренной провинцией. «Может ли быть что доброе из Назарета?» (Иоанна 1:46) — спрашивали. Иисус был простым ремесленником: «Разве Он не плотник? Разве Он не сын плотника?» (Марка 6:3) — спрашивали с удивлением или презрением. Он умер позорною смертью после проповеди, продолжавшейся, по-видимому, не более трёх лет. Его ученики были бедняки: рыбаки, сборщик податей... Вспомните высокомерное презрение Тацита, безжалостные насмешки философа Цельса, надменные пренебрежения императора Юлиана, считавшего это учение грубым, недостойным греческой мудрости; затем — вспомните гонения. Представьте себе, как история слагает одно за другим все неблагоприятные обстоятельства против распространения какого-либо учения — и вы поймёте силу слов Иоанна фон Мюллера, швейцарского историка, который отмечал, что «Евангелие явилось самым неподходящим способом, если бы целью было его принятие».

Вот сколь серьёзные трудности стоят перед натуралистическим объяснением. Именно размышления такого рода заставили профессора Рёса из Страсбурга, человека, в котором нельзя заподозрить наивную веру, сказать: «Если бы в делах Иисуса не было ничего, выходящего за пределы обыденного опыта, Его история стала бы ещё более непостижимой» (Библия. Синопсис трёх первых Евангелий, стр. 109). Трудности натуралистического объяснения естественным образом обращают мысль к христианскому решению. Но это всего лишь косвенное и отрицательное доказательство. Чтобы признать особое Божье вмешательство, требуется больше: нужны положительные и прямые

доказательства. Древние апологии веры ссылаются на пророчества и чудеса. Могу ли я говорить о них в XIX веке, при свете современной науки? Могу ли я упомянуть их, не выходя за рамки своей задачи — избегать предметов, оспариваемых критикой? Да, господа, я могу говорить о пророчествах и чудесах — и сделаю это, не отступая от своей программы.

Я начну с пророчеств. Я принимаю, в рамках обсуждаемой мной темы, все сомнения самой радикальной критики — при условии, что она остаётся серьёзной. Эти книги не аутентичны; эти имена авторов — неточны; эти даты — ошибочны; пророчества были написаны уже после описываемых событий. Допустим, всё это справедливо. Тогда я спрашиваю: утверждают ли книги Ветхого Завета — и не в редких исключениях, а в длинной последовательности текстов, — что Бог Израиля станет Богом человечества, и что все народы придут к Нему? (Исайя 2:2–3). Передаёт ли Новый Завет слова Иисуса, в которых Он возвещает, что Его учение будет проповедано по всему миру, что оно будет предложено всем, но не всеми принято; что Его дело будет всеобщим, но оно осуществится среди трудностей, преград и гонений? (Марка 16:15–16).

Произошло ли это в действительности — и происходит ли до сих пор? Движется ли религия Христа, согласно условиям, указанных её основателем, к покорению мира? И становится ли Бог Израиля, Бог Авраама и Моисея, через христианство, Богом человечества? Факты соответствуют текстам Ветхого и Нового Завета. Можно ли допустить, что евреи подделали Ветхий Завет ради пользы христианства или что они позволили христианам вставить в него неаутентичные отрывки — в книгу, хранителями которой они сами являются? Такую гипотезу даже невозможно обсуждать всерьёз. А могли ли утверждения Нового Завета о распространении Евангелия быть написаны уже после исполнения предсказаний? Допустите любые споры о датах, предположите все возможные искажения текстов — всё равно остаётся с полной достоверностью установленным, что мы располагаем древнейшими текстами, содержащими предвидения, которые ныне исполняются. Это — о пророчествах. Перейдём теперь к чудесам.

Что такое чудо? Опыт даёт нам возможность распознавать в явлениях мира определённый порядок, который наука выражает в формулах, называемых законами. Эти научные законы имеют исключения. По мере того как исследование углубляется, большинство таких исключений вписываются в более полное и точное понимание самих законов. Но возможно, что мы сталкиваемся с исключениями такого рода, которые допускают в качестве гипотезы: они — результат вмешательства порядка, превосходящего обычный порядок опыта, проявление действия Первопричины, иного, чем тот, что установил обычное течение событий. Такая гипотеза допустима, если только атеизм не признан за безусловную истину. Если гипотеза признана истинной, тогда исключение получает в нашем языке название чуда, потому что оно является особым знамением Божьей силы.

Слово знамение, которое мы переводим как чудо, — именно то, которое обычно используют авторы Нового Завета, говоря о сверхъестественных деяниях, приписываемых Иисусу из Назарета. Таким образом, мы приходим к определению чуда, которое даёт Словарь Французской академии: «Акт Божественной силы, противоречащий известным законам природы». Словарь справедливо говорит: противоречащий известным законам природы, а не законам вообще — в смысле произвольной и капризной силы. Для христианина, действительно, чудо или знамение — это не произвольный акт, а вмешательство порядка милосердия в порядок справедливости. (См. развитие этой мысли в речи о Вечной жизни, пятая лекция, в начале).

Заметим, что в сфере опыта можно установить только исключение из известных законов, но не чудо как таковое. Мы видим следствия, но не видим причин. Можно установить факт, но невозможно опытным путём установить, что этот факт — дело Божье. Как правило, мёртвые не возвращаются к жизни. Предположим, что врач, два врача, три врача, на основании всех

данных своей науки, констатировали смерть. И вдруг мёртвое тело возвращается к жизни! Если эти врачи — атеисты, поверят ли они в чудо? Ни в коем случае. Они скажут просто: «Мы ошиблись; пациент не был мёртв». Если же им придётся признать, что все известные признаки смерти были налицо, они скажут: «Мы ещё не знаем всех законов природы. Нужно внести коррективы в наши учебники физиологии». Я повторяю: можно опытным путём установить исключение из известных законов, но не акт Божий. Божий акт — это причина, которая неосязаема и невидима, которая ускользает от микроскопа и скальпеля. Ничто в мире не заставит человека, отрицающего существование Бога, признать действие Божье. Это абсолютно очевидно.

Помимо влияния атеизма, разум образованных людей требует очень серьёзных оснований, чтобы признать исключение из известных законов природы, ибо история науки учит, что в большинстве случаев дальнейшие исследования приводили к естественному объяснению фактов, которые первоначально считались исключениями или чудесами. Вопрос, таким образом, заключается в следующем: обнаруживаются ли в судьбах христианства признаки, оправдывающие идею Божественного вмешательства? Данте считал, что если исключить идею чуда, то история христианства станет… ещё более чудесной, и я уже приводил вам аналогичную мысль профессора Рёса.

«Если мир обратился к христианству, —
Сказал я, — без чудес, то это —
Чудо, превзошедшее все другие стократ».
(Рай, песнь XXIV)

Данте здесь лишь повторяет мысль своего учителя — святого Фомы Аквинского. (См. Сумма против язычников, кн. I, гл. VI).

Приступим к изучению этой важнейшей проблемы. Я хочу указать вам три чуда — или, если вам больше по душе другое слово (я не настаиваю на термине), — три знамения, которые, по моему мнению, оправдывают утверждение, что судьбы христианства представляют собой положительное исключение в истории человечества.

Первое из этих знамений — способ существования христианской веры.

В наши дни активно развивается новое научное направление благодаря труду множества учёных — сравнительное религиоведение, которое, в свою очередь, должно стать основой общей науки о религии. Эта наука далека от завершения, поэтому преждевременно говорить от её имени или предсказывать её окончательные выводы. Тем не менее, каждый делает по этому поводу предположения — и они вполне допустимы, если не выдавать их за окончательные истины. Противники христианства утверждают, что чем больше будет изучена религия вообще, тем сильнее будет теряться особое положение христианства среди других вер. Моё предположение иное. Я полагаю, что чем глубже будут известны религии, чем твёрже будут установлены законы их формирования, тем яснее станет исключительный характер христианства, и это исключение будет научно обосновано.

Вот некоторые основания моего предположения. Три главные религии господствуют над человечеством: религия Мухаммеда, религия Будды и религия Христа. Проведём краткое сравнение между ними.

Религия Мухаммеда содержит в себе достойные элементы. Она учит единству Бога — против всякого идолопоклонства, и предписывает некую нравственность, содержащую во многих отношениях ценные предписания. Поэтому ислам оказал благотворное влияние на народы Северной Африки, положив конец человеческим жертвоприношениям и принеся относительно благую цивилизацию диким и деградированным племенам. Горе тому, кто не умеет этому радоваться! Но, как мы уже видели, и с чем нельзя всерьёз спорить, Ислам —

это ветвь, отделившаяся от христианства; отсюда и его превосходство над языческими религиями. Однако эта ветвь, отделённая от ствола, который её породил, глубоко испортилась, и успехи исламской веры объясняются не только тем добром, которое она содержит, но и теми злыми элементами, которые в ней имеются.

Она возбуждает жажду удовольствий, обещанных в раю, и снимает всякие ограничения с этих удовольствий на земле. К соблазну чувственных наслаждений добавляется применение силы. Религиозное применение меча прямо предписано в Коране. Вот что там написано:

«Убивайте идолопоклонников, где бы вы их ни нашли; берите их в плен, осаждайте, устраивайте засады. Но если они обратятся, станут совершать молитву и давать милостыню, — оставьте их в покое» (Сура IX, 5).

«Воюйте с теми, кто не верует в Бога и в последний день, кто не считает запретным то, что Бог и Его посланник запретили, и кто не исповедует истинную религию. Воюйте с ними, пока они не заплатят дань своими руками и не станут покорны» (Сура IX, 29).

«Когда вы встретите неверных, убивайте их, пока не устроите великое побоище, и крепко связывайте пленников» (Сура XLVII, 4).

Карл Великий обращал саксов в христианство методами, описанными в Коране. Но насильственное обращение с помощью меча вошло в историю христианства только после того, как Евангелие уже одержало победу словом и мученичеством, тогда как в деле Мухаммеда меч применялся с самого начала. Рабство и многожёнство — две самых чёрных тени на мусульманской цивилизации. Они соединяются в фигуре этих оскоплённых негров, сторожащих вход в гаремы. Многожёнство не является всеобщей практикой. Пропорция полов не позволяет этого, поскольку число рождений мальчиков и девочек примерно одинаково. Кроме того, содержание гарема — дело дорогостоящее и доступное лишь богатым.

Монополизация многих женщин одним мужчиной влечёт за собой ужасные нравственные последствия, подробности которых я не могу здесь излагать, и которые проявляются, в частности, в депопуляции, о которой я упоминал в предыдущей речи. Господин Огюст Шуази, французский инженер, недавно путешествовавший по Малой Азии, говорит о кладбищах, полных сравнительно недавних могил, в местах, где сегодня больше нет жителей. Персия представляет аналогичную картину. Ислам представляет собой смесь чувственных и воинственных страстей, покоящуюся на определённом основании разума и относительной морали. Он распространился, как пламя пожара. Арабы, после завоевания Испании, где они явили собой блестящую цивилизацию, продвинулись до сердца Франции; турки угрожали Вене.

Христианству, казалось, бросил вызов страшный соперник — неверный сын, вышедший из его лона. Но слава Корана исчезла. Поражения мусульман на полях сражений — ничто по сравнению с внутренней язвой, разъедающей их цивилизацию. Приближается то время, когда новый Монтескьё сможет объяснить законы возвышения и падения мусульман по обычным законам психологии и истории.

Перейдём к буддизму — удивительной религии, которую мы начинаем хорошо узнавать, по крайней мере, в её основных чертах, и которая заслуживает самого серьёзного внимания. За шесть веков до нашей эры один индийский принц, человек прямой совести и великого сердца, был столь потрясён страданиями жизни, что решил отказаться от всего ради дела религиозной проповеди. Он оставил свои блага, надежды на власть, счастливую семейную жизнь, стал жить в строжайшей аскезе и провозгласил столь чистую мораль, что из всех известных нравственных учений, включая греческие, именно его ближе всего к Евангелию.

Его дело имело колоссальный успех. Его религия быстро утвердилась в Индии. Позже она подверглась гонениям и, покинув свою колыбель, распространилась по другим странам Востока. Сегодня, если верить статистике, треть населения земного шара исповедует эту религию. Это удивительно; но, как мне кажется, всё это поддаётся естественному объяснению. Представьте себе эффект, произведённый решением молодого принца, который добровольно и абсолютно отказывается от всех благ блестящего положения. Будда прожил восемьдесят лет. В стране каст он провозглашает равенство всех людей, что вызывает симпатию народа. В то же время он находит поддержку в высших слоях общества — от князей, с которыми он равен по рождению и некоторые из которых достаточно быстро принимают его учение.

Наконец, властелин по имени Ашока, завоевавший почти всю Индию, принимает новую веру и навязывает её своим подданным. Он — Константин буддизма. Но, насколько я могу судить об истории, которую мы знаем не полностью, между этими двумя внешне схожими фактами есть кардинальное различие:
— Христианская вера завоевала империю, и тогда Константин принял её;
— Буддизм же был навязан Ашокой народам, привыкшим пассивно подчиняться воле властей.

Этот столь распространённый культ подчинился закону, по которому подчиняются все земные дела. Он носит печать восточной мысли и, хотя он распространился за пределы Индии, не покинул регион, где находится его исток. Он быстро оброс суевериями, не проявив, как это постоянно делает христианство, внутренней силы к обновлению. Именно западная наука, а не восточные учителя, открывает под грудой странных и подчас абсурдных легенд более глубокое содержание. И когда наши учёные проникают в изначальные слои буддизма, они с изумлением находят рядом с прекрасной моралью учение без Бога и без надежды на бессмертие.

Буддизм сегодня явно угасает. В VII веке нашей эры он был, по всем параметрам, более процветающим, чем европейское христианство того времени (хотя это — не большая заслуга); но с тех пор его жизненная сила только убывает. Наконец — и это связано с природой его догматов — он устремляет человека к созерцанию и аскезе, а не к действию. Поэтому он поместил Восток в целом, а особенно Китай, вне всякого движения прогресса.

Сравните теперь с Мухаммедом, вооружённым мечом и располагающим обольщениями чувственных наслаждений, и с Буддой, князем знатного происхождения, посвятившим свою жизнь делу до самой старости, — этого юного еврея, вышедшего из самых низов общества, который проповедует лишь три года, не имея других связей с власть имущими, кроме того, что был обвинён старейшинами своего народа и предан римскому наместнику! Сравните судьбы ислама и буддизма с судьбой этой религии, в которой заложен вечный принцип обновления, которая родилась на Востоке, а затем была перенесена на Запад, и которая явно шагает к завоеванию мира! Остановимся на этом последнем моменте: христианство своим универсальным характером нарушает общий закон, по которому существуют другие религии.

Христианская религия, как и все прочие, безусловно, подвергается влиянию рас, климата, и её обрядовая форма меняется в зависимости от среды. В формулировке догматов на неё влияют выдающиеся личности: святой Августин и святой Фома Аквинский оставили в богословской науке неизгладимый след. Но суть, субстанция веры, то, что отличает Евангелие от всех других религий, обладает универсальным характером. Но как универсальный элемент может быть объяснён частными причинами? Если существует закон, согласно которому каждый народ имеет свою религию, как же этот закон может объяснить появление учения, предназначенного для всех народов? Чем твёрже мы утверждаем существование закона, тем ярче становится видна исключительность.

Иисус сказал: «Я совершил дела, которых никто другой не совершал» (Иоанн 15:24).

Мы не можем, как очевидцы Его жизни, видеть те дела, о которых Он говорил. Но мы можем удостовериться, несмотря на всю критику, что Он основал религию человечества, дело, которому нет равных. Универсальность этого дела естественным образом направляет мысль к высшей причине, к причине единой и всемогущей.

Эта мысль поразила Монтескьё, когда он писал: «Небесная религия утверждается не теми путями, какими утверждаются земные. Прочтите историю Церкви — и вы увидите чудеса христианства. Решила ли она войти в какую-либо страну — она находит путь открыть себе двери. Все средства для неё хороши. Иногда Бог берёт рыбаков, иногда — императора, и склоняет его голову под ярмо Евангелия. Скрывается ли она в катакомбах — подождите немного, и вы увидите, как император возвышает её голос. Она пересекает моря, реки, горы — не земные преграды удерживают её. Возбудите отвращение в умах — она победит и его. Установите обычаи, порядки, обнародуйте указы, сочините законы — она одолеет климат, законы, которые он порождает, и законодателей, которые их создают» (Монтескьё, Pensées diverses).

Монтескьё писал эти строки до начала миссионерского пробуждения, характерного для нашего века, и именно это пробуждение даёт новые и веские аргументы в поддержку его утверждения. Способ существования христианской веры не поддаётся естественным объяснениям, которые могут быть применены к судьбам других религий: вот та мысль, развитие которой вы только что услышали.

Из этого общего факта я выбираю один частный, на который прошу вас особенно обратить внимание: нынешнюю способность христианства к распространению. Это — второй знак, который я хочу вам указать. В человечестве существуют низшие расы, которых мы называем дикарями, и которые, по-видимому, неспособны к самоцивилизации. Многие учёные утверждали, что эти расы гибнут под действием некоего закона природы, перед которым ничто не может устоять. Я уже говорил вам об ужасных средствах, с помощью которых европейцы ускорили действия этого закона. Но сам закон, по-видимому, существует: эти расы увядают и исчезают, когда предоставлены самим себе.

Не только провозглашали этот закон, но и извлекали из него три вывода:

1. Оправдание введения крепких напитков среди народов, не знавших их:

В 1820 году капитан Росс, отчитываясь о своей экспедиции к Северному полюсу, выразил довольно распространённое тогда мнение, говоря о судьбе эскимосов следующими словами: «Их участь, похоже, та же, что и у краснокожих — исчезновение. Но не лучше ли ром, чем меч испанцев? Ром действует не менее эффективно, и при этом доставляет им хоть какое-то удовольствие. Дикари должны уступить место цивилизации. Это закон этого мира, и никакие причитания, никакие усилия слезливого человеколюбия ничего не изменят».

2. Оправдание истребления дикарей вообще:

На этот раз речь идёт не о британском моряке, а о французском публицисте из «Обозрения народного образования» за 7 марта 1867 года: «Жалуются на жестокости, совершаемые моряками против дикарей. Но кто может сожалеть о том, что исчезают такие образцы человечества? Пусть нас не обманывает ложная жалость и ребяческое братство». Ещё раньше, 15 октября 1860 года, один известный литератор писал в «Revue des Deux Mondes»: «Можно только пожелать мягкой смерти диким расам, этим печальным остаткам детства мира; надо позволить последним детям природы угаснуть на груди своей матери, не мешая их лунным танцам и краткому сладкому опьянению».

3. Утверждение, что цивилизовать дикарей невозможно, и все усилия в этом направлении — напрасны.

Так, о папуасах писали: «Мы, привыкшие видеть, как они бродят по нашим улицам, едва прикрытые отвратительными лохмотьями, более похожие на обезьян, чем на людей, и чаще всего в состоянии полного опьянения, воспринимаем их как полностью вырожденных существ, не имеющих с нами ничего общего, и мысль об их цивилизации кажется нам немыслимой». Но что ж, господа! Невозможное свершилось. Некоторые из этих презренных папуасов, больше похожих на обезьян, чем на людей, сейчас живут в деревнях, где труд в почёте, жители одеты опрятно, нравы их достойны, дети посещают хорошие школы, и численность населения, прежде быстро убывавшая, заметно растёт.

Эти удивительные факты были впервые сообщены миссионерами, которые стали их орудием. Сначала им не поверили, заявили: это иллюзия. Но нет — сведения подтвердились. На Всемирной выставке в Вене папуасы были награждены медалью за приготовление арроурута (съедобный крахмал). Но ещё значительнее было то, что школы для туземных детей на миссионерской станции Рамайюк были признаны лучшими в колонии по оценке государственных инспекторов. Сегодня австралийская пресса пишет об этих «цивилизованных папуасах», и туристы посещают их деревни. Таковы плоды долгого и героического терпения моравских братьев. Они верили вопреки всякой надежде — и теперь пожинают плоды своих трудов.

Похожие факты происходят и с индейцами Северной Америки. Чероки, чокто — ныне христианские племена. Евангелие стало для них словом жизни — и в буквальном, и в духовном смысле: не только прекратилась смертность, быстро их уничтожавшая, но численность этих народов растёт. Дикие расы гибнут, когда предоставлены самим себе: людоедство, человеческие жертвоприношения, разврат — всё это истощает их силы. Контакт с европейцами лишь ускоряет их исчезновение. Таков закон, установленный наблюдением и сформулированный наукой.

Но вот исключение: проповедь Евангелия побеждает этот естественный закон. Только Евангелие обладает этой силой — как подмечал даже астроном Лаплас. Христианская вера — единственная причина, поднимающая самых униженных представителей человеческого рода. То, что было признано невозможным — совершается. Не будем говорить о чуде, не будем говорить о сверхъестественном, если эти слова вас смущают; но признайте, что это — очевидный знак исключительной силы. Теперь я перехожу к третьему знаку, на который прошу обратить ваше внимание.

Вы знаете, что король Пруссии Фридрих II был справедливо назван поэтом Андрие «очень плохим христианином». У него был священник-придворный проповедник — такая должность полагается государю, даже если он сам в Бога не верит. Король любил приглашать его к столу, но чаще всего — чтобы ставить его в тупик каверзными вопросами.

Однажды он сказал ему:
— Господин проповедник, я бы хотел иметь неопровержимое доказательство божественности Писания. Но такое, чтобы оно было простым и коротким, в одном слове желательно.
Проповедник задумался на мгновение, затем ответил:
— Думаю, Ваше Величество, я могу вас удовлетворить.
— Но, — настаивал король, — чтобы одно слово!
— Израиль, — сказал проповедник.
Говорят, что король задумался и ничего не ответил.

И действительно, было о чём задуматься. Пройдитесь по улицам Женевы. Храмов здесь достаточно: официальные и независимые протестантские церкви, католическая,

«государственная» католическая, православная, англиканская, лютеранская, американская епископальная и т. д. Новые церкви возводятся постоянно. Христианские ветви, произошедшие от общего ствола, объясняются законами религиозной истории. Но остановитесь перед этим восточным зданием, вокруг которого сегодня расположены главные банки и финансовые учреждения города. Аристотель говорил, что удивление — начало познания. Если вы проходите мимо синагоги и не удивляетесь, вы утратили корень всякого научного духа. Кто сегодня соблюдает законы Ликурга и Солона? Кто о них знает, кроме студентов-юристов? Кто соблюдает предписания римского права, кроме тех, что вошли в современные кодексы? А закон Моисея читается каждую субботу по всему миру, людьми, которые, насколько возможно, стараются ему следовать.

Вот народ, рассеянный по всей земле, веками преследуемый, гонимый, презираемый, растоптанный — но сохранившийся. И как только он вырвался из своего униженного положения, в которое его ввергли злые законы, он проявил такую живучесть, что его сыновья достигли первых мест не только в финансах, где они особенно сильны, но и в литературе, искусстве, политике — настолько, что это вызывает тревогу у некоторых. Где вы найдёте нечто хотя бы отдалённо аналогичное? Будете ли вы сравнивать народ Израиля с цыганами или зингарами, которые, как говорят, некогда пришли из Индии и скитаются по Европе? Это расы без истории, и единственное их отношение к цивилизации — это отношение с полицией, которая за ними следит. Аналогия здесь очень слаба.

Побеждённый и рассеянный народ может сохранить свою национальность — временно (поляки служат тому живым доказательством). Но со временем он растворяется в окружающих культурах и исчезает — таков закон истории. А сохранение Израиля с его верностью обрядам, культу, преданиям — это явное исключение из этого закона. Это постоянное чудо, чей сияющий свет заслоняет привычка. Нас больше не удивляет, что есть евреи и синагоги, потому что они всегда были. Но именно в том, что это всегда было, и заключается чудо, знак, знамение. Вот уже восемнадцать веков! Разве вы не понимаете, насколько судьбы этого удивительного народа направляют наши взоры к Иерусалиму и Кресту Голгофы?

Этот народ, хранитель пророчеств, есть, по-своему, свидетель Иисуса Христа. Евреи не обратились! Но во что они могли бы обратиться? – спрашиваю я вас. В христианство? Как могли бы они распознать его под покровом крови и грязи, в которые оно было завернуто в их глазах? Как могли бы они распознать учеников Христа в тех злобных и жадных людях, которые мучили их и грабили? Как могли бы они распознать цивилизацию в этих нечестивых законах, которые объявляли вне закона остатки Израиля и Иуды? Слава Богу, время этих беззаконий прошло. Было две вещи, которые следовало сделать по отношению к евреям. Первая — признать за ними полные гражданские права; это уже сделано или делается. Вторая — протянуть им братскую руку в обществе, где они вновь обрели права и достоинство человека, и сказать им:

«Братья, давайте вместе смиримся у подножия креста, воздвигнутого вашими предками. Они принесли в жертву Праведника; а мы — что сделали мы? С высоты креста Он просил у Отца прощения для тех, кто предавал Его смерти; а мы, неверные ученики, завидовали вашим богатствам, презирали вас, ненавидели и мучили. Наши преступления равны. Смиримся вместе; а затем воспрянем вместе в любви к Распятому, который из двух народов сделал один. И займите среди нас почетное место, которое принадлежит первенцам в семье, ибо „спасение — от иудеев“ (Иоанн 4:22)».

Я указал вам на одно пророчество и три чуда — или три знамения — которые, как мне кажется, неподвластны критике. Учёная критика легко вызывает сомнения в отношении древних текстов и фактов, принадлежащих всё более отдалённому прошлому; но большинство фактов, рассматриваемых в нашем исследовании, иного рода: они

развертываются у нас на глазах и принадлежат настоящему, которое явно готовит будущее. При всем уважении к правам серьёзной науки, лучшее объяснение неоспоримых фактов, касающихся христианской веры, — для тех, кто верит в Бога — это божественность Христа и Его дела. Таков мой вывод. И это всё, что можно ожидать от рассуждения. Я бы на этом закончил, если бы не хотел в нескольких словах рассеять туман, который, возможно, омрачает мысли некоторых из вас.

Христианская вера — это нечто из прошлого; разве она не устарела и не неспособна отвечать на требования современного духа? Ведь закон прогресса должен исполняться. Люди нашего времени нуждаются в чём-то новом. — Да, без сомнения, нам нужно нечто новое; ибо всякая жизнь — это развитие, всякое развитие приносит нечто новое, а человечество хочет жить.

Но что предлагают новаторы, желающие разорвать с христианской традицией? Чего они требуют? В том, что называется современным духом, новым духом, есть два духа, не только различных, но противоположных, которым повинуются две совершенно разные категории людей. Одни требуют освобождения плоти, страстей, эгоизма; они издают дикие крики против общества и вопли против Бога. О них мы говорить не будем!

Другие — благородные и добрые умы, движимые великодушными стремлениями. Изучите, что они предлагают. Они требуют более полного признания прав каждого, увеличения доброжелательности, облегчения страданий, борьбы с невежеством, замены силы — справедливостью, а эгоизма — любовью. Но всё это в зародыше уже содержится в христианстве. Эти честные новаторы не провозглашают ничего нового, не могут даже представить себе ничего за пределами того, что уже находится во Христе — как в неисчерпаемом источнике, из которого обновлялась человеческая совесть. Они питаются плодами дерева, которое хотят срубить.

Вот в чём ошибка, осуждение многих христиан и оправдание немалого числа их противников. Берут устаревшие элементы неполной цивилизации за древнюю и вечно новую истину. Полагают, позволяют другим думать, внушают, что вся христианская мысль заключена в ныне разрушенных рамках схоластики, вся христианская цивилизация — в обломках средневековых институтов, вся христианская вера — в шлаке, которым ошибки людей покрыли её, а вся христианская мораль — в поведении отдельных лиц и народов, чья жизнь позорит религию, которую они исповедуют. Нет! Нет! Источник живой воды не может застаиваться в неподвижных болотах.

Дело Евангелия — не здание с возведённой крышей, которому остаётся только ветшать под действием времени; это — семя, непрерывно развивающееся. Не смотрите только на засохшие ветви вечно живого дерева; смотрите на молодые побеги, распускающие листья на солнце вечной истины. Да, нам нужно нечто новое; но что может быть новее, чем обращение душ и постепенное преобразование общества словом Христовым? Что может быть новее, чем организация человеческой семьи в единстве, в гармонии, в любви?

Достигнуты великие успехи, но, сколько ещё предстоит сделать! У нас больше нет гладиаторов, но есть война и её ужасы. У нас больше нет рабов, но, сколько ещё нужно улучшений в отношениях между различными социальными классами! О братстве говорят в торжественных речах и на патриотических банкетах, но истинное братство зачастую так далеко от наших сердец! Вы чувствуете необходимость прогресса — берегитесь, чтобы не задушить её. Чтобы довольствоваться миром таким, каков он есть, и собой такими, какие вы есть, нужно было бы разрушить самые благородные инстинкты природы, обеднить и искалечить ваши души. Прогресс — это закон жизни; но для осуществления этого закона не нужны невозможные мечты и неизвестные теории. Проблема не в отсутствии истины, а в том, что мы сами изменяем истине. Жить истиной, воплощать в жизнь мысль Христа — всегда будет великой новизной.

В нашей христианской цивилизации — пусть и не вполне христианской — верные ученики Иисуса, которые воплощают в жизнь веру, которую исповедуют, кажутся странными людьми. Хотите испытать это? Будьте настоящими христианами; постарайтесь быть полными христианами. Вступайте в борьбу страстей, в конфликты интересов и партий только ради того, чтобы представлять — насколько это в ваших силах — право, справедливость и истину. Вас сочтут назойливым новатором, а может быть, и безумцем.

Потому что многие из тех, кто говорит о прогрессе и новизне, вовсе не хотят новизны, которая их унижает, и прогресса, который их осуждает. Тем не менее, идите твёрдым шагом! В той мере, в какой вы реализуете любовь Христову, вы будете одним из зёрен соли земли, пусть и наименьшим; одним из лучей вечного света, пусть и самым слабым.

Вы встретите большие препятствия извне — и ещё большие в немощи своей природы; но не падайте духом! Не забывайте, что нравственная жизнь — это борьба, и что один из великих законов духовного порядка — это необходимость идти к успеху через поражение, проходить через унижение, чтобы прийти к славе. Под водительством Провидения мир, в конце концов, следует за тем, что сначала отвергает. Греки убили Сократа, а потом чествовали его и ставили ему статуи. Руками евреев человечество пригвоздило к кресту Иисуса из Назарета; но затем — по зову нескольких рыбаков и одного изготовителя палаток — оно сдвинулось с места и последовало за Ним.

† † †

Краткий обзор седьмой лекции вернуться к содержанию >>>

Заключительная лекция подводит итог всему курсу размышлений о Христе. Навиль обращается к сердцу читателя/слушателя, чтобы не просто повторить сказанное, а побудить к личному выбору: кем для меня является Христос? Он вновь проходит по основным образам — Учителя, Утешителя, Искупителя, Законодателя, Господа — и показывает их живую целостность в одной Личности. Это не философское обобщение, а экзистенциальный и духовный призыв.

1. Итоговая картина Христа
   - Навиль как бы собирает воедино «портрет» Христа, нарисованный в предыдущих лекциях:
     — Он Учитель, потому что открывает истину.
     — Он Утешитель, потому что вникает в страдание и даёт надежду.
     — Он Искупитель, потому что освобождает от вины.
     — Он Законодатель, потому что устанавливает высший моральный закон.
     — Он Господь, потому что имеет полную власть.
   - Всё это не части, а единое живое целое. Христос — не символ и не идея, а реальная Личность, требующая ответа.
2. Христос как вопрос к человеку
   - Центральный вопрос: «Кем является для тебя Христос?»
   - Можно изучать Его философски, теологически, исторически — и не принять Его сердцем.
   - Но если всё, что сказано, истина — то Христос не может остаться на периферии жизни.
   - Это вызов совести и веры.
3. Противоречие нейтралитета
   - Нельзя быть «нейтральным» по отношению ко Христу:
     — Он или есть Тот, Кем себя называет, или Он никем не является.

- Христос требует всего: — ума, сердца, воли, жизни.
- Любой отклик — либо принятие, либо отвержение.

4. Личное обращение к слушателю
   - лекция завершается призывом к личному отклику:

   — Не откладывай.
   — Не прячься за сомнения и теории.
   — Обратись к Нему как к живому, присутствующему Христу.
   - Это обращение к совести и свободе, но не с давлением — с уважением и глубокой верой.
5. Христос — конец и начало
   - Христос — не только цель размышлений, но начало новой жизни.
   - Познание Христа не завершает путь — оно открывает его.
   - Всё, что сказано в лекциях, имеет смысл, только если становится личным переживанием.

Эта последняя лекция — духовный поворотный пункт книги. Всё, что вы услышали, требует ответа. Не просто согласия ума, а решения сердца: принять Христа как Истину, Путь и Жизнь. Христос — не тема для лекций, а Господь, призывающий к Себе.

† † †

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ вернуться к содержанию >>>

- Вопрос первый — Не могли бы вы дать дополнительные разъяснения относительно взаимосвязи между религией и наукой?

- Вопрос второй — Вы приписываете развитие современной науки влиянию христианского монотеизма, утверждавшего единство и гармонию мира. Но разве пантеизм не содержит того же утверждения, и не является ли он, следовательно, столь же благоприятным для развития науки, как и христианская доктрина?

- Вопрос третий - Указывая на тёмные стороны римской цивилизации (гладиаторские бои, рабство и т. д.), не оставили ли вы в тени её светлые стороны: прочное устройство семьи, уважение к домашнему очагу, заботу, которую хозяева проявляли к своим рабам?

- Вопрос четвертый - Разве прогресс не является законом мира и разве он сам по себе не способен объяснить социальные преобразования, которые вы приписываете силе Христа?

- Вопрос пятый - Вы сказали, что христианская религия — единственная, у которой есть будущее. Знаете ли вы, что это научно? Религии, которые мы сейчас видим в упадке, тоже имели свои эпохи расцвета. Кто нам скажет, что через несколько столетий христианство не окажется в состоянии упадка, подобном тому, что мы наблюдаем сейчас у религии Будды или у ислама?

† † †

ВОПРОС ПЕРВЫЙ (ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ) к списку вопросов >>>

Не могли бы вы дать дополнительные разъяснения относительно взаимосвязи между религией и наукой? Некоторые из ваших слушателей, по-видимому, не поняли вашу мысль. Разве наука не подчиняется своим собственным законам? Не искажаете ли вы факты, стремясь ввести влияние религии в её развитие, и не рискуете ли вы тем самым повредить делу, которому хотите послужить? Кто хочет доказать слишком много — не доказывает ничего.

ОТВЕТ

Я констатировал факт и предложил его объяснение. Факт таков: Наука и научная индустрия в наше время находятся в монопольном владении христианских наций. Объяснение, которое я считаю наилучшим, — это то, которое я уже дал. Между религией и наукой существует ложная и истинная связь.

Ложная связь — это та, которую устанавливают богословы, когда пытаются решать научные вопросы при помощи текстов из Священного Писания или постановлений церковной власти. Такой ложный подход проявился с особой яркостью в процессе Галилея. Этот знаменитый процесс — лишь один пример из многих препятствий, которые богословы часто пытались воздвигнуть на пути человеческого разума.

Истинная связь основывается на следующих соображениях: Часто утверждают, что наука возникает исключительно из наблюдения за явлениями; это — абсолютная ошибка. Наблюдение действительно является необходимой основой всякой серьёзной теории и единственным законным критерием всех гипотез; но наблюдение лишь фиксирует факты, а не объясняет их. При поиске объяснений человеческий разум всегда действует под влиянием определённых направляющих принципов. Все без исключения основатели современной науки, а также достойные называться первооткрывателями наши современники, руководствовались идеей единства мира, простоты и гармонии его законов.

Эти идеи — естественное стремление разума, и они уже проявлялись в греческом мире, о чём свидетельствуют труды Пифагора, Платона и Аристотеля; но естественное стремление разума к единству сдерживалось в своём развитии дуалистическими и политеистическими представлениями. Поэтому размышления мудрецов не достигали зрелости и оставались уделом немногих избранных умов. У основателей современной науки и у современных первопроходцев мы находим веру в единого Бога, которая укрепляет разум в его естественных стремлениях. Это — вопрос факта, который может быть доказан только исторически. Я собрал некоторые элементы этого доказательства в «Научном обозрении» в Париже (15 мая 1875 года) и в «Всемирной библиотеке» (июль и август 1875 года).

Исторически установленная истинная связь между христианской религией и наукой такова: Религиозные догматы не содержат решений научных вопросов — нет ни христианской физики, ни христианской математики, ни христианской астрономии; но, очистив и обобщив идею единого и премудрого Бога, Христос укрепил те стремления разума, из которых рождается наука. Таково моё объяснение. Если его не примут, то сам факт, что наука и научная индустрия в наши дни находятся в руках христианских наций, остаётся в силе. Следует тогда искать иное объяснение, ибо было бы странно, если бы одновременное присутствие религии и значительного развития человеческого разума (факт, который никто не может отрицать) было бы всего лишь случайным совпадением.

Важно понимать — чтобы не исказить мою мысль и не дискредитировать мою позицию, — что речь идёт о воздействии монотеизма на человеческий разум, а не о других элементах христианской веры, которые не имеют отношения, или по крайней мере не имеют прямого отношения к науке о природе, которая была предметом моего исследования. Если кто-то

заподозрит, что я исказил факты, движимый апологетическим намерением, то я приведу свидетельство учёного, к которому никакие подобные подозрения быть применены не могут. Господин Дю Буа-Реймон, профессор из Берлина, не так давно на собрании немецких натуралистов в Кёльне сказал следующее: «Хотя это и звучит как парадокс, современная наука обязана своим происхождением христианству». После того как он противопоставил абсолютный теизм, распространённый христианством, политеизму древнего мира, он продолжал: «Эта идея Бога, передававшаяся из поколения в поколение в течение веков, в конце концов, начала воздействовать и на саму науку, приучая человеческий разум к мысли об одном едином Разуме вещей, и тем самым разожгла в нём желание постичь этот Разум».

Эти слова были опубликованы в «Научном обозрении» от 19 января 1878 года, на странице 676. Можно себе представить моё удовлетворение, когда я обнаружил в словах господина Дю Буа-Реймона точное выражение той идеи, которую я отстаивал. Медленное проникновение духа монотеизма в человеческий разум — по отношению к науке — является делом средневековья, эпохи, которую современные критики зачастую оценивают с удивительной легкомысленностью.

Такой исторический взгляд позволяет понять, что когда исчезли злоупотребления ложной методологии, когда люди стали искать законы астрономии и физики в рациональном объяснении фактов, а не в текстах Писания или сочинениях Аристотеля, тогда современная наука сделала рывок вперёд, причём без какого-либо разрыва в развитии человеческой мысли. Под покровом схоластических заблуждений в умах готовились и укреплялись направляющие принципы великих открытий.

† † †

ВОПРОС ВТОРОЙ (ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ) к списку вопросов >>>

Вы приписываете развитие современной науки влиянию христианского монотеизма, утверждавшего единство и гармонию мира. Но разве пантеизм не содержит того же утверждения, и не является ли он, следовательно, столь же благоприятным для развития науки, как и христианская доктрина?

ОТВЕТ

Пантеизм — это учение, выводящее вселенную из начала, лишённого сознания и свободы, но представляющего собой единый принцип, развивающийся по законам разума. Единство и гармония мира действительно утверждаются как пантеизмом, так и христианским теизмом. Поэтому в отношении физических наук, объектом которых не является свобода творений, можно было бы подумать, что воздействие обеих доктрин одно и то же, поскольку в обоих случаях учёный действует под влиянием идей единства и гармонии. Но вот в чём заключается различие:

Для пантеиста происхождение мира — это результат необходимого развития, осуществляющегося в соответствии с законами разума. Для христианина же мир разумен благодаря соответствию между законами мышления и законами явлений, но при этом он есть плод свободного акта. Эти две доктрины ведут к различным последствиям в научной методологии.

Пантеизм делает человеческий разум сознанием универсального разума, отсюда следует не только то, что явления постижимы через их соотнесённость с нашей мыслью, но и то, что законы явлений присутствуют в человеческом духе, который является необходимым источником развития мира. Следовательно, человеческий дух может найти в самом себе, посредством одного лишь акта размышления, основание для всего существующего. Отсюда

— априорная или конструктивная методология в науке, достигшая своего апогея в системе Гегеля. Эта методология послужила источником множества серьёзных и глубоких ошибок, которые современная наука справедливо отвергла.

С точки зрения христианского теизма, если мир — результат свободного акта, то законы мира — это факты, которые нужно зафиксировать. Разум человека, способный их понять, не имеет силы их построить или обнаружить внутри себя одним только размышлением. Отсюда — необходимость опыта как основы и критерия всех теорий. Таким образом, оправдывается экспериментальный метод, который следует чётко отличать от эмпиризма. Именно этому экспериментальному методу современная наука обязана всем своим прогрессом.

Таким образом, пантеизм и христианский теизм в равной степени справедливо указывают на цель, к которой следует стремиться: открытие простых и гармоничных законов, в которых проявляется единство мирового начала; но пантеизм ведёт мысль по ложному пути, тогда как теизм — по истинному. Легко было бы показать, что некоторые учёные, отрицающие существование всемогущего и свободного Бога, вводят в современное мышление, под покровом эмпиризма, плод умозрительной системы. Однако это требовало бы слишком длинных и сугубо научных рассуждений, которые здесь были бы неуместны.

† † †

ВОПРОС ТРЕТИЙ (ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ) к списку вопросов >>>

Указывая на тёмные стороны римской цивилизации (гладиаторские бои, рабство и т. д.), не оставили ли вы в тени её светлые стороны: прочное устройство семьи, уважение к домашнему очагу, заботу, которую хозяева проявляли к своим рабам? Что касается института рабства, он, несомненно, противоречит духу Евангелия. Но, с точки зрения естественного права, не был ли он всё-таки шагом вперёд? Слово servus (раб) происходит от servatus (сохранённый); таково, по крайней мере, мнение этимологов. Не напоминает ли эта этимология о том, что сохранение пленных, обращённых в рабство, пришло на смену их истреблению — первобытному обычаю? Разве такая замена не является прогрессом?

ОТВЕТ

Я не оспариваю ни одного из фактов, упомянутых моим корреспондентом. Я не намерен отрицать или преуменьшать ту долю добродетели, которая действительно существовала в греко-римском мире. Но моя цель состояла не в общей оценке античной цивилизации, а в том, чтобы показать влияние христианства на эту цивилизацию. Это влияние заключалось в том, чтобы укрепить положительные элементы человеческой природы и уничтожить или уменьшить ужасные пороки, о которых свидетельствует история древности.

Что проповедь Евангелия принесла те положительные плоды, на которые я указывал, — это не может вызывать сомнений у беспристрастного историка. На этот счёт можно найти немало свидетельств в многочисленных трудах, и в особенности — в трёх следующих книгах, получивших в своё время премии Французской академии:

1. Шастель, Историческое исследование о влиянии христианской любви в первые века. Один том, Париж, 1853.
2. Шампани, Христианская любовь в первые века Церкви. Один том, Париж, 1856.
3. Шмидт, Историческое исследование о гражданском обществе в римском мире и его преобразовании под влиянием христианства. Один том, Париж, 1853.

Что касается участи римских рабов, то нет сомнений в том, что многие из них действительно получали доброе обращение и жили как члены семьи. Те, кто принадлежал хорошим

хозяевам и родился в их доме, наверняка ощущали к себе привязанность. Они были защищены от нужды надёжнее, чем современные рабочие. Но восстания рабов, происходившие с небольшими интервалами (в 139, 105 и 73 годах до н.э.), ясно свидетельствуют о том, что люди, лишённые свободы, часто с нетерпением сносили налагаемое на них иго. Не стоит также забывать, что если рабы, рождённые в римских семьях, могли привыкнуть к своему положению, то совсем иначе было с военнопленными. Напомню, что Сенека в одном лишь письме (№ 70) упоминает три случая самоубийства этих несчастных, которые предпочли смерть, чтобы избежать позора гладиаторских боёв, где их должны были выставить на потеху толпе.

Во времена выхода в свет книги Хижина дяди Тома часто можно было услышать утверждения, будто положение негров на Юге не было столь тяжёлым, как это представлялось. В этой связи вспоминается рассказ, который особенно поразил меня, поскольку был произнесён человеком, занимавшим по отношению ко мне, по крайней мере, отчасти, роль защитника института рабства. Вот сам случай:

Один богатый человек имел от своей рабыни — уже с сильно смешанной кровью — двух дочерей, красивых и почти полностью белых. Он отправил их учиться в Англию, в престижный пансион. В силу рождения, девочки должны были оставаться рабынями, как и их мать, но отец твёрдо намеревался даровать им свободу. Однако он внезапно умер, не успев уладить этот важный вопрос. И тогда двух девушек выставили на продажу и отдали тому, кто предложил за них наибольшую цену! Разве одного такого случая недостаточно, чтобы судить о самом институте?

Да, замена истребления пленных их сохранением действительно является шагом вперёд. Я лишь позволю себе заметить, что если такой поворот дел был вызван исключительно стремлением использовать людей, которых раньше убивали без пользы, то это скорее результат расчёта, чем возвышенного чувства. Не отрицая реальности указанного прогресса, не стоит забывать также, что в ряде случаев побеждённые скорее предпочли бы смерть рабству. Особенно это касается женщин. Во время войны за независимость Греции Европа с волнением следила за рассказом о том, как греческие девушки, чтобы не попасть в руки турок, исполнили на краю обрыва прощальный хоровод и одна за другой бросились в пропасть.

† † †

ВОПРОС ЧЕТВЕРТЫЙ (ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ) к списку вопросов >>>

Разве прогресс не является законом мира и разве он сам по себе не способен объяснить социальные преобразования, которые вы приписываете силе Христа? Во времени всё организуется и совершенствуется. Элементы первичной туманности, составлявшие пыль мира, породили путём своего сближения небесные светила. Из примитивных организмов развились растения и животные, и это развитие со временем привело к существующей флоре и фауне. Разве этот великий закон прогресса не проявляется также в развитии обществ, которые, начиная с животного состояния, поднялись к цивилизации? Не следует ли объяснять действие общего закона, а не приписывать его частному факту, такому как проповедь христианской доктрины?

ОТВЕТ

Идеи, только что высказанные, нашли в своё время своё наиболее полное и наивное выражение в предисловии к французскому переводу труда Дарвина Происхождение видов. Автор перевода утверждает, что «человечество, происходя из ничто, откуда берёт начало,

постоянно движется и поднимается к бесконечности, которая есть его цель и конец». Эта концепция — результат некоторого опьянения мыслью.

Что астрономический мир организовывался постепенно, начиная с состояния, в котором не было никаких скоплений, — это гипотеза, зачатки которой можно найти у Декарта, резвившаяся у Канта и получившая дальнейшее развитие у Лапласа. Но, даже принимая эту гипотезу, можно ли утверждать, что в физическом мире существует постоянный и бесконечный закон прогресса? Нет. Лаплас, хотя и установил в противовес Ньютону временную устойчивость мироздания, всё же предвидел (пусть и несоизмеримо отдалённую) эпоху, когда наш мир постигнет судьба цветка, завершившего нормальный цикл существования, — он увянет и умрёт[1]. Последние расчёты, основанные на механической теории тепла и особенно связанные с именем физика Клаузиуса, приходят к тому же научному предвидению: разрушение существующей вселенной. Какую бы ценность ни придавали этим идеям, они исходят от уважаемых учёных, а потому нет оснований утверждать, что непрерывный и бесконечный прогресс — это закон неорганического мира.

[1] Exposition du système du monde, заключение.

Если же принять теории Дарвина как объяснение происхождения растительных и животных видов, вытекает ли из этого, что можно утверждать бесконечный прогресс флоры и фауны в будущем? Вовсе нет. Ничто не мешает допустить, что постепенное развитие привело живые существа к нынешнему состоянию, которое является итогом прошлого, но отнюдь не обязательно зародышем более высокого состояния. Если вдуматься в отношения, связывающие живых существ с физическим миром, то станет ясно: если даже можно предсказать распад солнечной системы, невозможно утверждать бесконечный прогресс растений и животных.

Что касается человечества, то прогресс в целом очевиден, если рассматривать основные линии истории, сходящиеся к современной цивилизации. Но движение человечества также сопровождается откатами и затемнениями. Те, кто теоретически это отрицают, всё же признают в отдельных случаях, когда теряют бдительность. Во многих сферах начальный этап бывает лучше и чище последующего. Это утверждают даже выдающиеся учёные — в частности, в истории религий. У одних народов прогресс активен, у других — медленен, у третьих он как будто отсутствует вовсе. А иногда цивилизация движется по пути, который мы без колебаний назовём обратным. Как такое возможно, если прогресс — абсолютный закон, сравнимый, например, с законом тяготения?

Я задал этот вопрос и повторю его: если улучшение человеческих дел происходит обязательно только по причине времени, то почему до сих пор существуют варварские народы и дикие племена? Там, где наблюдается прогресс, он объясняется конкретными причинами. Но в человеческих делах есть и причины упадка.

Безусловно, прогресс — это закон человечества. Но это не физический закон, который осуществляется сам собой, подобно инертному движению тел; это моральный закон, это норма, предписание, адресованное свободной воле. Эта норма то соблюдается, то нарушается. Закон прогресса, тем не менее, в целом осуществляется для всего человечества и этим свидетельствует о существовании воли, превосходящей человеческую, воли, которая устанавливает границы человеческим заблуждениям. Наши ошибки и преступления создают лишь водовороты на течении реки, но основное направление этого течения сохраняется. Главное — распознать это направление, чтобы содействовать прогрессу, а не препятствовать ему.

Итак, откуда же исходит поток добра внутри человеческих обществ? Мы уже видели, что он имеет множество источников. Но где его главный исток? Откройте глаза: и вы увидите, что по сравнению с остальными народами мира, христианские нации, несмотря на все свои

беды и пятна, выделяются, как свет среди тьмы. Так вы признаете, что дело Христа, благодаря которому все добрые силы сердца, совести и разума получили новую жизнь, является главным фактором прогресса человечества.

Влияние христианства, оказываемое непосредственно на индивидуальную совесть в области религии, распространяется во все стороны и модифицирует все элементы общества. В связи с этим я упомянул ранее[1], что Росси отметил это влияние и в сфере политической экономии. Вот его слова:

Образование, чтобы быть действенным, должно обращаться ко всем сторонам человеческой природы — и к верованиям, и к разуму, и к религиозному чувству, и к праву. Благотворное влияние христианства на воспитание было огромным, даже если мы сузим этот великий вопрос до чисто экономической точки зрения. Люди — братья. Труд — это долг. Праздность — это порок. Тот, кто умножил таланты своего господина, поступил хорошо. Тот, кто закопал их в землю, не достоин награды. Та, что хранила в масле свою лампу, войдёт на пир. Та, что не хранила, будет отвергнута. Вот принципы. А если бы политическая экономия захотела составить катехизис нравственности, разве могла бы она, даже с собственной позиции, сказать что-нибудь иное? Разница только в том, что экономист может апеллировать к разуму, расчёту, интересу; а религия обращается к сердцу, к чувству долга, и завершает здание санкцией, которую человек не может ни установить, ни устранить. Влияние христианства на нравственное воспитание народов — великое явление современности.

У христианства часто отнимают заслугу освобождения рабов. Если под этим подразумевается, что оно не освободило их мгновенно, по декрету, по мановению волшебной палочки — это верно. Но что это доказывает? Совместим ли принцип христианства с принципом рабства? Конечно, нет. И вот — по мере того как христианский принцип развивался и завоёвывал души, разве не вытеснял он из этих душ принцип рабства?

[1] См. Первую Лекцию.

Христианство не действовало как революция, но как реформа. Вот, я думаю, истина. Оно не стремилось произвести внезапные перемены, а готовило постепенное обновление умов и чувств, а через них — реформу нравов, институтов и всего мира. Такова была его миссия, и именно это означают слова: «Царство Моё не от мира сего» (Иоанна 18:36) — то есть: Я не действую прямо, как гражданский законодатель; Я хочу преобразовать мир через преобразование личности и нравов. Я повторяю: христианство действовало не как революция, а как реформа.

Христианству также вменяют в вину множество ужасов. Всё это, увы, правда. Но виновато не христианство, а люди — и обвинять их следует именно от имени христианства. Спросите себя: обвиняем ли мы саму юстицию за проскрипции, пытки, закрытые суды и прочие зверства? Нет. Мы обвиняем людей — именно от имени справедливости. Точно так же — алчность, симония духовенства, инквизиция, практики, способствующие невежеству, предрассудкам и порабощению — всё это следует приписывать людям, а не христианству.

Христианство внушает труд и миролюбие, вдохновляет на порядок, скромность, уважение к правам ближнего. Оно допускает честные удовольствия, но отвергает грубые наслаждения и безумные траты. Оно осуждает надменную гордость в процветании и требует смирения в несчастье. Оно, наконец, учит предусмотрительности и милосердию. Так что, если бы и вправду нужно было свести этот великий вопрос к рамкам политической экономии, Евангелие удовлетворило бы всем требованиям, которые наука предъявляет к развитию общественного богатства.

Мы уверены: завоевания христианства интересуют не только верующего, филантропа и государственного деятеля, но и экономиста. Поэтому, например, экономист должен интересоваться успехами различных миссионерских обществ — этих обществ, рост и успехи которых являются фактом одновременно религиозным, политическим и экономическим. Пропагандируя христианство, миссии просвещают и цивилизуют, они порождают трудовую силу, вызывают новые потребности, стимулируют потребление, обмен, производство; они разрушают преграды варварства, которые различие религий, отсутствие культуры и общих потребностей возвели между народами. Миссии стремятся сблизить народы между собой — не отнимая у них национальной индивидуальности, но подчиняя их закону христианского братства. Они расширяют старые рынки и создают новые. Таким образом, их значение не только религиозное и политическое, но и экономическое.

Влияние миссий возрастает день ото дня. Вы знаете, какое распространение получили английские миссии. Новый Свет не отстаёт: из него также идут в мир принципы христианства. Это великое и прекрасное зрелище — всемирное распространение света через убеждение и мир, и какое отличие от дел завоевания, войны и порабощающей колонизации! Так говорил Пеллегрино Росси в своём курсе политической экономии в Коллеж де Франс. И в самом деле, трудно точнее выразить характер социального действия христианства и то, как оно стало во всех отношениях фактором прогресса.

† † †

ВОПРОС ПЯТЫЙ (ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ) к списку вопросов >>>

Вы сказали, что христианская религия — единственная, у которой есть будущее. Знаете ли вы, что это научно? Религии, которые мы сейчас видим в упадке, тоже имели свои эпохи расцвета. Кто нам скажет, что через несколько столетий христианство не окажется в состоянии упадка, подобном тому, что мы наблюдаем сейчас у религии Будды или у Ислама?

ОТВЕТ

Абсолютное утверждение о будущем, предназначенном для христианства, может быть только следствием веры в божественное происхождение этой религии. Пытаться доказать это рационально и неоспоримо было бы иллюзорным предприятием. С научной точки зрения речь может идти лишь о простом прогнозе. Важно лишь оценить ценность и устойчивость оснований, на которых строится такой прогноз.

Я говорил, что христианство содержит принцип внутренней реформы злоупотреблений, принцип реформы, которого лишены другие культы[1]; теперь я напомню ещё об одном замечании, значение которого трудно не признать.

Мы можем фактически констатировать, что христианская доктрина обладает принципом универсальности. Она приспосабливается ко всем расам, к любым климатам, ко всем уровням интеллектуальной культуры. Доказательство этому — необходимость, с которой общественные силы, враждебные христианству, прибегали и до сих пор прибегают к применению материальной силы, чтобы сдержать его распространение.

Почему во времена Римской империи были имперские гонения? Почему в современную эпоху преследования христиан происходили в Китае, Японии, на Мадагаскаре? Разумеется, в каждом конкретном случае можно указать случайные и местные причины, частично объясняющие эти явления, но такие объяснения всегда частичны и недостаточны.

Факт в целом доказывает, что в разные эпохи, при абсолютно разных обстоятельствах, среди всех рас и под всеми небесами люди, следуя естественному побуждению совести и сердца, приняли христианскую веру, хотя правительства пытались подавить её силой. Этот принцип универсальной приспособляемости христианской веры — уникальный факт. Ни одна другая религия не обладает таким свойством.

Современные учёные пытаются доказать, что разные культы — это продукт религиозного чувства, присущего человеческой душе, проявления которого меняются под влиянием рас, климата, обстоятельств. Если эта гипотеза верна, то можно установить закон, согласно которому религии локальны и временные. Установить такой закон — значит выявить исключительный и уникальный характер христианства. В противоположность всем другим верованиям христианская вера имеет универсальную природу; это опытный факт, который подтверждается ежедневно. Эта универсальность по природе служит основой научного прогноза относительно судьбы дела Христа.

[1] «Что человеческое, то смертно. Без сомнения, то, что божественно, может испортиться в человеческих руках; но божественное семя сопротивляется и не может умереть». — Вине, Опыт моральной философии, стр. 29.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top